

**Владимир
КУДРЯВЦЕВ**

ШУФ

*Попытка
литературного
расследования*

Книга IV

**«Реноме»
Санкт-Петербург
2018 г.**

ББК 84. Р7
К 889

Редактор – *Максим Швец*
Оформление – *Марина Языченко*

Владимир Кудрявцев

Шуф. Книга IV (Попытка литературного расследования.) – СПб.: «Реноме», 2018. – 248 с., ил.

В четвёртой книге автор продолжает идти по следу своего героя. Из скучных показаний немногочисленных свидетелей, сведений из произведений «последственного» и архивных документов постепенно складывается образ литератора, поэта, журналиста и ещё человека, приговорённого к преждевременной смерти.

В книге раскрываются новые тайны и приключения из личной жизни Шуфа. Освещается его пребывание на Русско-японской войне и участие в автопробеге Петербург – Персия. Рассказывается об успехах героя в журналистской работе и приводятся отзывы современников о его творчестве.

Отдельная глава посвящена потомкам Владимира Шуфа.

Книга дополнена художественными произведениями самого героя.

Книга будет интересна тем, кто любит русскую литературу и Крым.

Ограничение по возрасту 16 +

ББК 84. Р7
К 889
© Кудрявцев В.И., 2018.
© Семашкевич М.Б., оформление, 2018.
© «Реноме», 2018.

Перед читателями – четвёртая книга о Владимире Шуфе, обещающая – по утверждению автора – стать последней и поставить точку в исследовании-расследовании обстоятельств жизни и деятельности героя. Многообещающая – я бы сказал.

Точно так же, как преступник возвращается на место преступления, за ним и сыщик-дознаватель отправляется по его следам, потому и называется – следователем. Наш следователь – Владимир Куряццев каждый том о Шуфе начинает с собственных «приключений» в Крыму, в Ялте. Ялта – та отправная точка, с которой всё началось. Предшествующее описание посещения Пушкинского дома – всего лишь естественная преамбула. Путь в Крым уже содержит «невероятные», но вполне реальные впечатления автора. Будучи, как я это называю, «акулой журналистики», Владимир К. не только видит и подмечает всё вокруг себя, но и умеет передать своё знание-понимание читателю. До прибытия нашего автора-героя в Крым уже разворачиваются детективные события, где не дознаватель-самородок Владимир Куряццев, а доблестные таможенные пограничники Украины, бывшей Украинской ССР, рьяно взявшись за дело, на ходу, сиюминутно выявляют нарушителей. Границы? Закона? Прав человека? Ничего не нарушающих – наказывают, рублём или изъятием. Помнится римский император Юстиниан в к/ф «Русь изначальная» сказал замечательно по этому поводу. Вот его диалог с подданным:

«Августейший, великодушно щадить виновных – таково свойство человеческой натуры.

– Но не щадить невинных – вот истинное проявление величия».

Не буду повторять здесь историю находки автором дневника Шуфа. Пожалуй, читатели, добравшиеся до четвёртого тома, её уже знают наизусть.

Должен сказать, что именно эта, четвёртая часть, по структуре сюжета и захватывающей интриги наиболее близка к настоящему детективу. К детективному жанру в классическом стиле и духе.

Владимир Ильич, прибыв в Ялту, по обыкновению, задаётся вопросом Гамлета: «Быть или не быть?» Философская подкорка его подсознания выплёскивается наружу. Могу добавить, что мой знакомый Валерий Берлявский, кстати, завсегдатай Севастополя и Крыма, и создатель гипотезы метеомузыки, которую слышали наши предки, утверждал, что шекспировская фраза переводится не верно – по-русски она должна звучать так – «Была – не была!»

Но лицо мира меняется. Владимир Кудрявцев не находит того, что он помнил и знал в Крыму в прежние свои посещения. Меняется постепенно и атмосфера романа. Автор переводит читателей в «дела давно минувшие», совершенно неожиданно погружает нас (и вас) в поэтическое наследие Шуфа, а потом – в его прозу, в корреспонденции… и в его жизнь.

Смерть героя Владимира Кудрявцева – Владимира Шуфа, по свидетельству самого автора была предопределена. Но сам герой не хотел с ней мириться. И, как это ни банально (в смысле чуда, явленного Господом-Богом), Шуф воскрес и будет продолжать жить в

российской словесности. Всё это благодаря тёзке по фамилии Кудрявцев, который скромно считает, что все его достижения в жизни – это возвращение в литературу имени Владимира Шуфа.

В этой книге автор рассказывает о брачно-внебрачных связях своего героя, оправдывает и не оправдывает его в связи с войнами, на которых герою пришлось побывать.

И в самом конце выясняется ещё одна интрига, ещё одна неизвестная линия.

Эти документы, полученные автором от прямых наследников Владимира Шуфа, закручивают сюжет в некое подобие вихревой воронки.

И мы с вами, читатели, в неё падаем.

Боюсь, что Владимир Кудрявцев поторопился закончить своё расследование, которое теперь уже не совсем литературное, а с появлением «фигурantов» вполне реальное.

Полагаю, наш доблестный автор напишет ещё не одну книгу о своём таком привлекательном и уже не безвестном герое.

Максим Швец

*ЖЕНЕ ГАЛИНЕ, ПОДАРИВШЕЙ МНЕ
ТЕПЛО СЕМЕЙНОГО ОЧАГА;
ДОЧЕРЯМ АЛЁНЕ, ОКСАНЕ, СЫНУ МАКСИМУ;
ВНУЧКАМ МАРИНЕ, НАТАЛИИ, ДАРИНЕ –
С ЛЮБОВЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПОСВЯЩАЮ –*

Автор

Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой!

Евдокия Ростопчина

Судьба костлявою рукой
К земле меня пригнула
И давит грудь мою тоской,
В глаза нуждой взглянула.

Ужель в борьбе я изнемог?
Кулак я поднял сжатый,
Ударом сшиб колдуны с ног,
Расправился с проклятой!

Но вот, как рыцарь, предо мной
Она с копьём и в броне, –
Я с ним скрестил мой меч стальной,
Несусь за ним в погоне.

Не долго длилася борьба,
Сражён боец суровый!
Но переменчива судьба, –
Идёт в личине новой.

Она теперь в лице твоём,
Прекрасная подруга,
И признаюсь, с таким врагом
Приходится мне туго.

Я погибаю, жизнь кляня,
Исходит сердце кровью, –
Судьба осилила меня,
Сразив – твоей любовью!

Владимир Шуф. «Судьба»

Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменился, как будто все предметы, которые вы видели до сих пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной ещё стороной?

Лев Толстой

2011 – 2012 годы

Не судьба

И вновь – июнь. На синеоком слезливом петербургском небосводе, сияя сусальной позолотой, висит люстра солнца. По снульм водам Малой Невы снуют всполохи синевато-свинцовых бликов. Шалый ветерок тёплыми шершавыми ладошками сушит лицо и спину. Я – в прекрасном настроении. Путь мой – в Пушкинский Дом. Вышагиваю – предвкушаю встречу.

И вот она – желанная дверь. Дверь Института русской литературы Российской Академии наук. Всё такая же – массивная. Как челюсть динозавра. Впрочем, я однажды уже сравнивал её с челюстью динозавра. И всё же... Толкаю – не тут-то было. Тяну на себя... Вхожу. Тамбур... Вторая дверь... Лёгкий скрип, и я – внутри.

Я уже захаживал сюда. В конце второй половины первого десятилетия двухтысячных. И как тогда, мне и сегодня было ч т о предъявить.

– Вы куда?! – останавливает меня окрик.

– Мне назначено, меня ждут – вру я. – Я к заместителю директора.

– Второй этаж, налево, второй кабинет, – напутствует вахтёр.

Являя собой неспешность и достоинство, поднимаюсь по лестнице. Дверь первого, бывшего лихачёвского, кабинета – нараспашку. В нём – ни души. В простенке – между окон – большой фотографический портрет академика. Стучусь в дверь второго кабинета. Вхожу. Здороваюсь. Называюсь. За компьютером – мужчина. Средних лет, благонравной наружности.

– Извините, как мне увидеть Котельникова Владимира Алексеевича* или Болокана Валерия Ивановича**? – спрашиваю.

– Они здесь больше не работают, – слышу в ответ.

На такой расклад я не рассчитывал. Как описывали подобные ситуации в старинных романах – свет померк в его глазах. Я напишу проще: я сник.

Я шёл в Пушкинский Дом, чтобы с гордостью предъявить моим, скажем так, оппонентам не только просто расшифрованный дневник Шуфа, но даже изданный отдельной книгой. Я шёл в Пушкинский Дом, чтобы самодовольно продемонстрировать, что справился без их пред-

* Котельников В.А. – замдиректора Пушкинского Дома по научной работе, доктор филологических наук.

** Болокан В.И. – замдиректора Пушкинского Дома по общим вопросам.

лагаемого мне научного сотрудника. Шёл, чтобы, как и обещал, подарить дневник Шуфа Пушкинскому Дому и поблагодарить моих несостоявшихся благодетелей. Но таковые, скажем так, были уже не при делах, Котельников и Болокан состояли в других ведомствах.

– Гуськов Сергей Николаевич*, – выходит из-за стола мужчина благонравной наружности, – может быть, я могу Вам чем-нибудь помочь?

– Я хотел выразить признательность Владимиру Алексеевичу и Валерию Ивановичу и подарить им по книжечке.

– Вы можете это оставить мне, я при случае передам, – и, как бы в подтверждение искренности своих намерений, Сергей Николаевич протянул мне визитку.

…Покидал я Пушкинский Дом в двояком душевном состоянии: с одной стороны – оконфуженным, *приплюснутым* как бы, – из-за сорвавшейся встречи с оппонентами; с другой – с осознанием собственной значимости, наполнившей меня при вдруг осенившей идее: записную книжку Шуфа дарить Пушкинскому Дому я не буду.

– Ничего не поделаешь, – убеждал я себя в правильности своего решения, вышагивая по Биржевому мосту, – не судьба.

---

* Гуськов С.Н. – замдиректора Пушкинского Дома по научной работе, кандидат филологических наук.

...А впереди у меня снова был Крым.

***

...Крым! От одной только мысли о новом свидании с тобой становиться светло и сладостно на душе.

...Крым! Я люблю в тебе всё. Люблю, как любят в с ё в любимой женщине: её губы, её глаза, её запах, её дыхание, её капризы, её нелогичность; её непостоянность, её непредсказуемость – её всё-всё.

Крым! Твоя радость – это и моя радость. Твоя боль – это и моя боль. Твои слёзы – это и мои слёзы.

Крым! Какой восторг, что ты есть у меня! Какой восторг! Какое наслаждение!

...Если читатель мой полагает, что дорога в Крым – мне в удовольствие, – отвечу: «кто в море не бывал, тот не знает, как молятся богу».

...Какой русский не мандражировал, пересекая украинскую границу? Какой русский не задавался вопросом: «какого на сей раз бзика ждать мне от моих братьев-славян?»

...Станция Казачья Лопань. Пограничный пост Незалежной. Вдоль путей – высокий проволочный забор. Стоянка может затянуться и на 40, и на 50, и на 60 минут. По вагонам – гарные украинские парубки. С одним и тем же идиотским вопросом:

– Оружие, наркотики, запрещённые к перевозу предметы, имеются?

Да какой же здравомыслящий, будь он даже полнейшим олухом, признается, что везёт контрабанду?

И – тем не менее...

По жизни я – оптимист; не люблю серых, нейтральных, отрешённых с лицами физиономий. Однажды, удручённый испуганно-напряжёнными лицами пассажиров и леденящей строгостью украинских погранцов, я отважился разрядить обстановку. И на вопрос об оружии и наркотиках я остроумно, – как мне казалось, – посетовал:

– Извините, братья-славяне, ваши коллеги на российской границе забрали.

...Читатель мой, не следуй моему примеру.

Пригласили меня хлопчики в купе проводника, уменьшили мой курортный бюджет на две тысячи рубликов, провели разъяснительную беседу и отпустили с миром. А могли и высадить.

Больше я на границе сопредельной территории не шутил. Что совершенно не отразилось на неподкупчивости украинских прикордонников.

Как-то при очередном пересечении порубежного предела парубок-пограничанин обнаружил в моём багаже криминал.

– Это что?! – ткнул пальцем страж.

– Газовый баллончик, – улыбаюсь.

– Это оружие!

– Как?! ...какое оружие?!

– Оружие нападения. Я обязан его конфисковать.

– Как?! – недоумеваю я. – Вот... вот, видите? Видите, на баллончике написано: «средство самообороны»?!

– Написать можно всё! – рубит, как шашкой, страж. – А Вы возьмёте и нападёте.

...Эх, братья-славяне, братья-славяне.

Вообще, отношения славянских народов друг к другу характеризуются таким анекдотом:

«Повздорили как-то Шульце и Мюллер. Кто-то спрашивает у Шульце:

– Знаете ли Вы Мюллера?

– Конечно, – отвечает Шульце, – кто ж не знает этого достойного человека?

А Иванов и Петров мирно посидели, выпили, песен попели, пообщались, разошлись.

Кто-то, случайно встретив Иванова, спрашивает:

– Знаете ли Вы Петрова?

– Конечно, – отвечает Иванов, – кто ж не знает этого прохвоста и пьяницы?»

Изложу моему читателю случившийся однажды диалог между моей соседкой по купе и двумя украинскими таможенниками:

– Куда едете?

– В Гурзуф.

– С какой целью?

– По путёвке. На отдых.

– Что везёте?

– Да так, по мелочам. Несколько футболок, кофточек, носильные вещи, в общем.

Просят открыть чемодан и поперебирать-по-перекладывать вещи.

– А это что?

– Таблетки. Это – от давления, это – для укрепления сердечной мышцы, это – от сердца, это – от расстройства желудка, смена воды, понимаете ли, это крем для загара...

– А почём нам знать, что это за таблетки и за крем? Может это наркотики?

– Вы что, шутите?!

– Мы на службе. Нам не до шуток. С такими болячками надо дома сидеть. А для перевозки на Украину такого количества лекарственных препаратов Вы должны иметь справку-подтверждение от врача, заверенную печатью, что Вы нуждаетесь в принятии всех этих лекарств... Мы вынуждены изъять...

...Эх, братья-славяне, братья-славяне! Отчего мы такие не дружливые? Отчего в нас столько похвальбы, амбиций? Когда закончим мы извечный спор между собою?!

...Крым-Крым-Крым – убаюкивали колёса. За окнами плацкартного вагона чёрной лентой раскручивалась ночь. Пассажиры спали, издавая

носами, губами, ртами самые причудливые звуки. Подо мной приглушённо постанывала женщина. Видимо, во сне ей привиделось то, что произошло с ней несколько часов назад. А несколько часов назад, во время стоянки в Казачьей Лопани, украинские прикордонники застали её за обедом. Женщина обгладывала куриное бёдрышко, на столике дожидались своей очереди солёный огурчик, помидорчик, пара варёных яичек, в чашке исходил ароматом кофе. Что тут началось! Погранцы принудили женщину выпотрошить сумку, на каждый продукт потребовали предъявить сертификат, и за неимением таковых содрали с бедолаги две тысячи рублей. А я был благодарен ей, – увлёкшись моей соседкой с нижней полки, парубки лишь для проформы заглянули в мой чемодан.

Поезд, скрипя суставами, с приподыханием рвал ленту ночи; пассажиры спали; подо мной, на нижней полке, постанывала женщина; я размышлял о превратностях человеческих судеб – своей и Шуфа. Поскольку дальнейшая судьба моя была мне неизвестна, – неизвестна в силу того, что продолжала создаваться, – а судьба Владимира Шуфа обрела – по причине его смерти – конечную форму, я скоро переключил свои мысли с себя любимого на виновника моего литературного расследования.

***

...В Ялте я перво-наперво отправился на Попликуровское кладбище.

Я спешил...

Я полагал...

Я надеялся...

Над кладбищем висела-покачивалась кисея зноя. Золотистым снопом колосилось живоносное солнце. На нежно-голубой рубашке неба ку-черявились белопенные пряди облачков. По малахитовым макушкам кипарисов пробегала гребёнка ловкорукого ветерка. Под ногами шушукалась сизовато-зелёная ветошь могильных трав.

Но не было вековой сосны, на плече которой три года назад покачивалось ухо солнца; не было заросшего шибляком и можжевельником кладбищенского пространства; не было пустоши с бугорками могильных холмиков; не было тех двух могил, между которыми я провёл самую волшебную, самую фантастическую, самую неповторимую с моей жизни ночь – ни ч е г о этого не было! А были огромные, с панорамными окнами, коттеджи, утыканые бородавками видеокамер, обнесённые неприступными стенами. И если ещё недавно надгробие поэта и врача Степана Руданьского [1] поганили осколки стёкол, куски бетона и битого

кирпича, то нынче почти впритык к нему стоял, нависая мрачной громадой, забор, из-за которого в тихую кладбищенскую скорбь вырывались залихватская музыка, смех, визг, запах шашлыка. У меня сжалось сердце: под глыбой этого коттеджа могут покоиться останки прекраснейшего русского поэта – Владимира Шуфа.

После двухчасовых поисков, – я поблуждал даже в Массандровском парке, – я освободил плечи от рюкзака, притулился возле могилы Найдёнова [2]. На белёном кирпично-каменном надгробии – пронзительные строчки эпитафии:

*О Боже мой, какой простор,
Какие племущие дали!
Под мною звёзд певчий хор.
Нац мною мир, где нет печали.
Светлеет чм...
За границу смерти нет невежд
И нет законов дикаря.
Живите полные надежд.*

.....

*Неугасимая заря.
Неугасимый свет повсюду.
Я жив. Я буду жить. Я буду.
Из посмертной пьесы «Неугасимый свет»*

Обоже мой, какой простор,
Какие блещущие дали!
Под иною звезд певучих хор.
Над мною мир, где нет лечащих.
Светлеет ум.....
За гранью смерти нет невежда.
И нет законов дикаря.
Живите полные надежд.
.....
Неугасимая заря.
Неугасимый свет повсюду.
Я жив. Я буду жить. Я буду.

из посмертной пьесы „Неугасимый свет“

Умирание тела Ивана Ильинича
обернулось пробуждением его души.

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.

1891 г.

исходил

за пределы

жизни

Владимир КУДРЯВЦЕВ

под
защитой
пятиконечной
звезды

Многое сказал
бы я майору...
Но судьба.

Холод ожёг мою спину. Я не впервые читал эти строки, но именно сегодня, именно в сию минуту вдруг особенно остро осознал близость своей смерти.

«А сколько осталось мне – пять? десять? год? а, может быть, и того меньше?!» – ошпарила меня мысль.

Я глянул на дату рождения и смерти драматурга: «Умер в пятьдесят четыре, я старше его уже на восемь, на целых восемь лет», – с удовольствием подсчитал я.

«Чему ты радуешься?! – хлестнула укором мысль. – Автора «Детей Ванюшина» угробил туберкулёз, тебя же Бог миловал».

«Но во мне набор других – явных и притаившихся – болезней, готовых в самый неподходящий момент для меня оборвать моё существование» – пристыжено заоправдывался я.

«Какой это с а м ы й н е п о д х о д я щ и й момент?! Ч т о это за момент?! – издевательски заёрничала мысль. – Ты ещё выбирать будешь! Тебе ещё подходящий момент подавай! А не хочешь прямо сейчас... прямо вот здесь... где останки твоего Шуфа, сам ведь признаёшься, что и давление, случается, скачет, и сердечко, бывает, пошаливает, и...»

Я увидел себя разбитого параличом – немощного, немого, недвижного... и я увидел себя вне-

запно умершим... скрюченно лежащим возле чужой могилы сутки, вторые, третьи... Кровь хлынула к моему лицу. В висках забурровило. Сердце ёкнуло, оборвалось.

Я увидел эту самую смерть. Увидел так ясно, так ощутимо, так выпукло... Ужас перекусил моё горло.

Ещё миг – и я бы с воплями бросился бежать чёрте куда, сломя голову, как тогда, в детстве...

...Преподобный Сергий Радонежский, отходя к Господу, просил братию жить, имея страх перед Богом, душевную чистоту и нелицемерную любовь.

Я же, обомлевший от ужаса, молил об ином. «Только не сейчас! Только не здесь! Смерть! Смерть, ты прекрасна, когда даёшь умереть героем или в окружении родных! Я обычный, я не герой, но, смерть, дай мне прекрасной смерти, дай мне умереть дома, на руках жены, в окружении детей и внуков! Чтобы я, отходя к Господу, улыбнулся и выдохнул им в назидание: «Родился плача, ухожу смеясь!»

...«Всё верно, – рассуждал я, спустя время, ушедшее на опустошение литровой баклаги вина, – всё верно, всё по закону. Чтобы всякому человеку родиться на этот свет, нет, чтобы всякому человеку появиться на этот свет, необходимы

тысяча тысяч лет и биллион биллионов предопределённых лишь для его рождения, предназначенных лишь ему закономерных обстоятельств, а чтобы умереть – многого не требуется. Оттого появление на этот свет всякого человека – величайшее чудо. Смерть – тайна, заведённый порядок.

«Всё верно, – рассуждал я, с грустью поглядывая на пустую баклагу, – рука на небесах расписывает судьбы...» [3] Чему должно было случиться – случится, чему не должно – не случится ни при каких обстоятельствах. Судьбой была предначертана встреча с майором Жоркиным – и она состоялась. Тогда, здесь, на Поликуре. А сегодня, да и, возможно, уже никогда, не видать мне его. Не видать и – точка. С другой стороны, – расширял я свою мысль, – и у моего бывшего сослуживца своя судьба, предназначенная только ему, расписанная только для него. Ему была уготована судьбой встреча со мной – и она произошла. Хотя ни я, ни, тем более, майор Жоркин даже в страшном сне не помышляли о ней.

И вот теперь, – рассуждал я далее, с тоской поглядывая на пустую баклагу, – когда мнепозарез необходима встреча с майором, когда я подготовился к ней, когда разработал сценарий и режиссуру, выучил монологи и учёл предполагаемые реплики, зал, как говорят актёры, пуст».

Я страдал от желания показать себя замполиту, сыграть перед ним. Мне до зуда хотелось оскорбить его, унизить морально,— как когда-то оскорблял и унижал меня он. Более того, я до дрожи телесной чаял возвыситься над ним.

«Послушай, капитан, сказал бы я ему, да, да, капитан, и не кобенься, я знаю тебя капитаном, и для меня ты всегда капитаном останешься... помнишь, капитан, ту нашу встречу? Ты что-то плёл, я что-то плёл, не получилось у нас тогда мужского разговора, да и расстались мы, не попрощавшись — не по-нашенски это, не по-славянски. Послушай, замполит, сказал бы я майору, наша жизнь подходит к концу, и тебе, и мне не сегодня-завтра умирать, и мне хочется спросить тебя — почему ты нёс в этот мир больше зла, чем добра? Отчего и почему так? Тебя испортила власть, данная тебе воинским уставом? Снимаю перед тобой, апологетом марксистко-ленинской теории, шляпу — ты сделал карьеру, ты прошёл охеренно огромный путь — от простого рабоче-крестьянского сперматозоида до высокого воинского звания «капитан», ну ладно, ладно, до майора. Послушай, замполит, сказал бы я ещё майору, у Льва Толстого, — ты, капитан, читал Льва Толстого? — у Льва Толстого есть повесть, называется «Смерть Ивана Ильича». Этот Иван Ильич обрёл такое положение, которое позволяло ему, давало ему

возможность погубить всякого человека, которого он хотел погубить. В этом был главный интерес и привлекательность его службы, дававшей ему упоительную власть над человеком. А служил он прокурором. Тебе, капитан, сказал бы я замполиту, этот Иван Ильич и в подмётки не годится, поскольку тебе, занимавшему замполитско-комиссарскую должность, раздавить его было бы – как два пальца обос... обхезать и, стало быть, упоительность твоей власти над человеком была в стократ упоительней власти Ивана Ильича. И его, и тебя развратила эта упоительность. Иван Ильич умер мучительной смертью, трое суток воя в голос, воя от пришедшего вдруг осознания, что жил никчемною жизнью, жил, творя зло и пагубу. Я, капитан, такой смерти тебе не желаю. Я тебе и зла не желаю, ты долю зла уже получил, и получишь ещё, зло, сформированное тобою, к тебе сторицей и возврнётся. В мире всё взаимосвязано, капитан, – ничто не исчезает и не появляется вновь. Но видит Бог – зла я тебе не желаю. Более того, мне жалко тебя, по-христиански жалко. Ты не живёшь по законам совести. Даже не пытался жить по законам совести. Ты смотришь на мир, как вечный житель земли. Жизнь, капитан, это несоизмеримая огромность, это не деньги, не карьера, не власть. Тебе не страшно капитан? – ведь

всё-всё, как ни пыжься, заканчивается могильным холмиком! И ещё, сказал бы замполиту, я благодарен тебе за то, что ты был, за то, что ты случился в моей жизни. В память об этом я хочу подарить тебе свой роман «Под защитой пятиконечной звезды», в котором полтора десятка страниц отведено и твоей наимерзейшей личности; а в память о нашей прошлой кладбищенской встрече дарю тебе книгу о Шуфе, который и позвал меня на кладбище, и благодаря которому произошла наша встреча. В Шуфе я опять упоминаю о тебе, капитан. А роман «Под защитой пятиконечной звезды» – это те самые записи, которые ты с особистом так усердно искал у меня. В романе и о нём есть страниц двадцать. Ну что, сказал бы я капитану, съел? Это тебе не венки с могил тырить, не картошку с совхозных полей воровать, не шкуры с собак сдирать. Это...»

Но зря я писал сценарий и заучивал монолог, впустую отшлифовывал реплики и режиссуру, напрасно отрабатывал паузы и носил в пляжном рюкзачке роман и книгу о Шуфе, которые я прవёз через границу благодаря невольной помощи моей соседки с нижней полки...

Многое сказал бы я майору...
Не судьба.

1865–1904 годы

Не быть легко – попробуй быть

Родишься – вскрикнешь – и живёшь!
Живя, скучаешь – и умрёшь.

Д. Григорович

Жить для того, чтобы умереть, вообще не забавно, но жить, зная, что умрёшь преждевременно, – уж совсем глупо.

Из письма Чехова Горькому

…Пробыв на русско-японской войне около полугода, Владимир Шуф самовольно покинул зону военных действий и возвратился в Санкт-Петербург.

Но не будь так скор, читатель мой, на осуждение поэта. И примерь на себе, – а как бы ты поступил?

…Вопросом о смерти рано или поздно задаётся каждый из нас. И каждый из нас, в своё время открыв, что он смертен, захлёбывается в неописуемом ужасе. Я, к примеру, раздирая глотку, страшным воем заглушая своё открытие, помчался, очертя голову, как мне казалось, через чащобный буре-

лом, благо жили мы на лесном кордоне, и бежать было куда. На самом деле я не видел ни ч е г о . Я пришёл в чувство на сосне, с которой меня, от ужаса обоссавшегося, снял отец. Он, услышав душераздирающий вой, сдёрнув со стены двустволку, рванул на вытьё; впереди, указывая хозяину дорогу, мчалась собака лайка по кличке Жучка...

Потом мать с отцом долго отпаивали меня чем-то, разъясняли мне что-то и заверяли, что «со мной э т о будет очень и очень не скоро», что умирают только смертельно больные и что к тому времени учёные изобретут лекарство, которое будет продлять жизнь человека, говорили о Боженьке, о царствие небесном для хороших людей.

Байка о смертельно больных и царствии небесном для «хороших людей» меня успокоила, но лишь на некоторое время. В первом классе на мой вопрос о смерти учительница Нина Петровна заявила, что мы все, плохие и хорошие, т а м будем и что никакого царствия небесного нет, что это всё враки. Мысль о смерти уже не покидала меня – нет-нет и отправляла моё существование. И всякий раз меня охватывал ужас от осознания того, что меня не будет. Именно меня! И какое мне дело до каких-то там в с е х . Меня – не будет! Я – умру! Меня терзала мысль о полном моём бесследном исчезновении. И снова я выл страшным воем, катался по земле, грыз её, набивая рот травой...

Но не единожды ноги сами собой уносили меня на поселковое кладбище. Как-то однажды я заметил, что хождение среди могил и рассматривание фотографий умерших отвлекает меня от мыслей о собственной смерти. Со временем мысль о ней стала менее острой, как бы притупилась – во всяком случае, мучимый то и дело охватываемым меня ужасом смерти, я получил нечто вроде прививки...

Всякому здравому человеку, к кому относил я и себя, невозможно смириться с мыслью о собственной смерти.

Но меня хоть согревала надежда на долгую жизнь.

Каково же было несчастному Шуфу? В ранней юности он узнаёт, что ему суждено умереть преждевременно. Подтверждение – ранняя смерть от туберкулёза его отца Александра Карловича.

В 16 лет Владимир был вынужден из-за болезни лёгких оставить учёбу в 3-й московской гимназии и уехать в Ялту.

«Город произвёл на него сильное, но двойственное впечатление: красота необыкновенная и ...огромное количество тяжелобольных. «Ялта – роскошная красавица, Ялта – гроб умирающих, проклятый город!» – писал он в одном из первых писем из Ялты своей возлюбленной Юлии». [4]

Ему тоскливо и одиноко, ему тяжело видеть таких же, как он, больных молодых людей.

В Ялту ехали умирать со всей России. Перед чахоткой были все равны – и больные с деньгами, и с ограниченными средствами или вовсе без средств.

«Город веселья и смерти», как назвал Ялту писатель П. Засодимский [5], буквально кишел чахоточными.

«Как много здесь чахоточных! Какая беднота и как беспокойно с ними! Тяжёлых больных не принимают здесь ни в гостиницы, ни на квартиры, можете представить, какие истории приходится наблюдать здесь. Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса – и это в благословенной Тавриде. Потеряешь всякий аппетит и к солнцу, и к морю» – писал Чехов в письме к А.С. Суворину 10 марта 1900 г. [6]

Была и другая Ялта. 18 марта 1885 года граф Л.Н. Толстой писал жене Софье из Симеиза: «*После обеда взял лошадь верховую и поехал в Ялту за двадцать вёрст. Нет следов той Ялты, которую я знал, – великолепие необыкновенное и разврат цивилизации. Я живу здесь в роскошнейшем палацо, в каких никогда не жил: фонтаны, разные поливочные газоны в парке, мраморные лестницы и т.д. И, кроме того, удивительная красота моря и гор. Со всех сторон богачи и разные великие князья, у которых роскошь ещё в 18 раз больше. Кра-*

сота здесь удивительная, и мне было бы совсем хорошо, если бы не совестно». [7]

...В Ялте 22 января 1883 года Владимир Шуф отмечает своё 18-летие.

На следующий день, 23 января, он пишет Юлии:

«<...> Здоровье моё порядочно ухудшилось, хныки в груди слышны очень, Иван Фёдорович говорит, в две недели всё это поправится, если я хорошенько подберегусь и буду следить за собой...» [8]

Но болезнь отступала медленно. Как лечили в то время лёгочных больных? Банки, горчичники, мушки на грудь, обтирания морской водой, многочасовые прогулки на свежем воздухе в горах, саду, на набережной, приём рыбьего жира с креатозотом, питьё молока с коньяком, натирание груди йодом и сосновым маслом, дыхание через аппарат Вальденбурга. [9]

...В Ялте Шуф сближается с юным художником Сергеем Щербиновским. У него, так же, как и Владимира, туберкулётз. Щербиновский зачастую бывал настолько слаб от болезни, что во время прогулок едва держался на ногах.

...Рождение есть случайность, смерть – закономерность. И коль тебе случилось родиться, выпало быть – готов будь умереть; смирись со смертным приговором. Но возможно ли принять

такой приговор? И мы гоним от себя самою мысль о нём. И уповаём на отсрочку – на долгую жизнь.

Как же должен был изводиться Шуф, с младых лет ведая, что отсрочка ему не положена и что долгая жизнь ему заказана? Что он – приговорён дважды. К смерти – выпавшим ему шансом быть и – к преждевременной смерти, – засевшей в его лёгких чахоткой. Что его смерть не где-то там, в далёком будущем, а тут, рядом, под боком, ходит с ним в обнимку, дышит в лицо, и в любую минуту...

...На двадцать третьем году жизни чахотка вгоняет в гроб выдающегося художника-пейзажиста Фёдора Васильева; тридцатидвухлетним умирает русский композитор и пианист Николай Амани; в тридцать четыре года обрывается земной путь композитора Василия Калинникова, в тридцать девять – поэта Степана Руданского, в сорок лет – учёного, химика Леонида Радина; на тридцать втором году жизни чахотка забирает талантливого художника и карикатуриста Николая Чехова, на сорок четвёртом – его младшего брата Антона Чехова; на двадцать пятом – литератора, художника, мыслителя Марию Башкирцеву, на сорок восьмом – знаменитого художника Василия Перова.

В 1887 году 24-х лет отроду умирает лауреат Пушкинской премии поэт Семён Надсон. Двад-

С. Я. Надсон

А. П. Чехов

А. П.

Чехов

Радин

В. Петров Ф.А. Васильев

С. Щербиновский В.С. Калинников

Н.Н. Амани Н.П. Чехов

М.К. Башкирцева С.В. Руданский

...Людям свойственно избегать разговора
о смерти. Но как быть тем, кому она
напоминает о себе ежесчасно,
ежеминутно...

цати двухлетнего Шуфа потрясает смерть друга и литературного крестника, он был в отчаянии...

Годы спустя, в автобиографическом романе «Кто идёт?» сорокалетний поэт напишет такие строчки:

«..Проходя через полумёртвую спальню, где лампада горела перед образом на с кроватками наших детей, я нагнулся к Петрику. Он не спал и смотрел на меня.

— Папа, что бывает со мною, когда я умру?
— тихо спросил он. — Мама говорит, что Бог сделает меня ангелом, а я не хочу. Я попрошу Бога, чтобы он сделал меня канарейкой. Тогда я буду к тебе привлекать, только ты открой мне окно. Не забудешь открыть?

— Спи, маленький! — поцеловал я его. — Умирают только больные дети, а ты здоров и вырастешь большой. Ты всегда будешь со мной и мамой.

— Откуда такие мысли у пятилетнего ребёнка? — думал я, проходя в свой кабинет и расследовав кипель. Смерть, разлука и этот мемелинхоз, смешной и грустный вместе... Что будет за гробом? Как отвечать на по-

добные вопросы детей? Петрик думает, что он сделается канарейкой. Разумнее ли верить в Психею? Нет, если не допускать бессмертия, лучше не быть отцом. Легкомысленное творчество любви осуждает на смерть новые и новые существа, которые будут жить и умрут так же, как мы. Или надо покоряться велениям бытия, признав, что человеческий ум не мудрее создавшей его природы? Улицы есть, по крайней мере, утешение в реалии. А я? Зачем таинственной судьбой моей я брошен в тревогу чувств, страсти и сомнений, на горе себе и дорогим, близким мне людям?»

...Людям свойственно избегать разговора о смерти. Но как быть тем, кому она напоминает о себе ежечасно, ежеминутно – кашлем, кровохарканьем, бессонницей, слабостью, хрипом и болями в груди?

Жизнь обычного человека циклична и сродни суткам: утро–день–вечер–ночь (рождение–взросление–старость–смерть). В жизни приговорённого скоротечной болезнью к преждевременной смерти эта цикличность нарушена – сутки ущербны: за утром следует ночь; реже – у счастливчи-

ков – утро переходит в день, который, минуя вечер, обрывается в ночь. У приговорённых к преждевременной смерти жизнь катит по усечённой программе, по укороченной схеме, по урезанному циклу.

Зигмунд Фрейд [10] выделял два основных инстинкта человека – *танатос* (инстинкт смерти) и *эрос* (инстинкт жизни). Первый, – **танатос**, – связан с самосохранением жизни (смерть как вечная угроза для живого организма); второй, – **эрос**, – с её активностью.

«*Моё тело плачет и кричит, но что-то, что выше меня, радуется жизни, несмотря ни на что*», – писала в своём парижском дневнике приговорённая к преждевременной смерти Мария Башкирцева [11].

...В болезни любится по-другому. В болезни любится больше, иначе, обнажённее.

И, вне сомнения, Владимир Шуф, снедаемый болезнью, приговорённый ею к преждевременной смерти, Шуф, у которого танатос и эрос были до предела обнажены, день и ночь «кровоточили», Шуф, чьё тело *плакало и кричало*, любил по-

Мария Башкирцева

другому, любил больше, иначе иных, уповающих на долгую жизнь. Шуф спешил жить, спешил насладиться жизнью, Шуф любил жизнь острее, любил в любых её проявлениях.

Любить жизнь – это не только видеть закаты и рассветы, звёздное небо и морские дали.

Любить жизнь – это не только верить, мечтать и надеяться. Не смотря ни на что.

Любить жизнь – это не только слышать детский смех, обнимать ребёнка и вдыхать запах его тела.

Любить жизнь – это не только наслаждаться игристым вином в бокале.

Любить жизнь – это не только целовать женщин и одерживать победу над ними... (Хотя, что может быть слаще победы, чем победа над женщиной?)

Любить жизнь – это творить, созидать. Вопреки всему. Прелесть самой жизни – в созидании.

Шуф и творит, и созидает. Творит жадно, созидает ненасытно, неуёмно.

В декабре 1882 года, будучи на излечении в Ялте, 17-тилетний Владимир Шуф пишет невесте Юлии:

«У меня раз был журфикс, и я в первый раз разыгрывал роль хозяина. Были у меня т-те Олехнович с отцом, Иван Фёдорович с Александрой Васильевной [12] и т-те Коленко с

мужем. Пили у меня чай, читали Шекспира вслух, собирались сыграть партию в рамс, да было уже 10 часов — поздно. Вечер мы провели очень весело и запросто. Мы собираемся устраивать друг у друга попрежнему такие журфикссы, у Лебедева, у меня, у Коленко, у Олехнович. <....> Это наша обычная кампания, в неё также довольно часто входят Ворубцовы, Пеньковские и Паникеевы. Новый год мы будем встречать у Лебедевых». [13]

В новогодний вечер 1882–1883 года Шуф читает друзьям пьесу-сказку «Сон на Новый год». Сказка населена эльфами, дриадами, царевичами. Поэт посвящает её уже упоминаемой нами девочке-подростку Марине Олехнович. Пьеса-сказка начинается так:

У пурпурки моей
Прощу я снисхожденья:
В теченье лишь двух дней
Всё это представление
Надросил я шутя
Марине в угощенье;
Стихи писал шутя,
Без всякой обработки,

У поэтаму звучат
Ральшиевые в них нотки.
И вот я, раг — не раг,
Вам должен поневоле
Стихи мои подать,
Как кушанье без соли.
Ни хлопать, ни свистать,
Чур, автору не надо:
Не будите вы спать —

Владимир Иванов *И то уж нам награда!*

Но ещё раньше, в сентябре 1882 года, по пути из Ялты в Одессу, на борту парохода «Пушкин» 17-ти летний поэт-лирик, поэт-романтик начинает писать поэтическую повесть в прозе и стихах «Сомнамбула» и задумывает фантастическую поэму «Луч».

К сожалению, я располагаю лишь крохотным отрывочком повести, переписанным в 1967 году с подлинника рукописи ялтинским поэтом Владимиром Ивановым, знавшим дочь Шуфа Наталию и часто гостившим в её доме. В 2016 году этот переписанный отрывочек подарила мне сестра Владимира Иванова Галина Анатольевна Иванова.

Предлагаю читателю моему фрагментик сей повести.

САМНА ИБУЛА

«Было ясное октюбрьское утро, когда послав последнее прости красавице Ялие, я взобрался на палубу «Пушкина», большого пассажирского парохода, который должен был сняться с якоря через час и отплыть в Одессу. Чёрной угольной массой стоял он в глубокой спокойной воде, гордо подняв к лазурному небу свои высокие мачты. Две белые трубы его выбрасывали из своей широкой пасти серые клубы дыма. Машинам с визгом поднимали с баркасов бесконечное число ящиков и бочек и опускали их в трюмы. Кругом всё суетилось, кипело и бегало. Ялик то и дело приводил к сходням, машины и пассажиры сновали взад и вперёд, раздавались команды вахтенного. Терпимы морского жаргона перемежевались с французскими фразами, неизбежными на палубе первого класса и возгласами рабочих, поднимавших на блоках тяжести. И весь этот разнородный гам покрывал порой резкий свисток парохода, всегда напоминавший мне почему-то о звуке издаваемой статуей Мелнона. [14]

Бросив свои вещи на койку, я поднялся по крепкой узкой лестнице из каюты на палубу и, облокотившись на высокий бортик, окаймлявший кормовую часть парохода, в ожидании отплытия следил за последними приготовлениями, кипевшими вокруг меня и на пристани.

Полукружье горного хребта Ялты поднимало свою гигантскую стену над Ялтой и далее над ней виднелся неправильный трезубец, Ай-Петри.

Город раскинулся разманисто по всему побережью залива, взобравшись своими бесчисленными долинами на холмы, сбегавшие от главной цепи гор своим амфитеатром, и высоко, словно белый шпиль, поднял над своим амфитеатром колокольню церкви.

Пирамидальные тополя и мрачные кипарисы, словно частные вехи, поднялись над ним своими узкими островерхонечными вершинами, словно хотели вырасти и дотянуться до лазурного ясного неба, глубоким куполам нависшего над весёлой беззаботной Ялтой, этой избалованной модницей старого Крыма.

Увидел вновь я берег чудный,
Покрытый сетью изумрудной
Орианы фремлющих садов,
Где меж фонтанов и цветов,
И скал угрюмых декораций
У вод журчащего ручья
Рокочут трубы соловья,
Где лавров мирная семья,
Плющом цветные рябины,
И кипарисы испанины
Темно-зелёные вершины
Подвигают к ясным небесам,
Где так любил я по ночам
Смотреть с «Мачтовой» и «Крестовой»,
Как в глади моря бирюзовой
Белея парусам вдами,
Плынут из Керчи корабли.
Там, там — высоко над горою
Прозрачной белою чафрою,
Мелькая в зелени густой,
Спускалась чудною мечтой
Прелестной фрёзой сновиденья,
Та, для которой нет сравнения,

*Которой щедные черты
Волшебной были красоты...
Как лань ловка и грациозна
Она скользнула вдоль залива
Пропинкой узкой кривью вниз...*

1882 год.

Дима. Борт парохода «Пушкин»

На этом авторский текст обрывается. Далее следует тезисный пересказ повести Владимиром Ивановым:

«Описываемая девушка появляется на палубе вышеописанного корабля. Ночь. Полнолуние. Очарованный Владимир любуется ею. Девушка не замечает, зачарованная лунным светом. Вскоре юноша слышит её вскрик. Вслед за тем её лёгкое скользящее движение за борт – к лунной дорожке... Всплеск за бортом – и всё».

Если же говорить о задуманной юношей Шуфом фантастической поэме «Луч», то опять же, благодаря Владимиру Иванову, мы можем познакомиться с наброском плана к поэме:

«Набросок В.А. к плану фантастической поэмы «Луч».

Построение – подобное «Руслану и Людмиле».

Гл. мысль — аллегорическое изображение человека — метаморфоза в поэте, поэзия и творчество.

1. Царство ужаса (область первообразов).
2. Царство природы (физическая и реальная жизнь).
3. Царство света (мир идеалов). Источник живой веры (творч. сил вдохновения).

Встреча с Богатырём (образ народной поэзии).

В старом, купленном им имени молодой человек, недовольный обществом, видит кафтины, на которой изображен фантастически прекрасный образ девушки. Он влюбляется в этот образ и хочет дать ей реальную жизнь. Идея преследует его. Ему является фантастическое существо (мужа), с которой он проникает в недра природы (царство) и наконец, находит источник живой силы (поэт). Возвращившись к себе, он вскропил кафтину живой водой, переходя в реальную жизнь.

Апофеоз. 1882 г.».

Владимиру Шуфу были подвластны все стихотворные формы, он фонтанирует стихами, по-

эмами, романом в стихах; сочиняет сказки, пишет пьесы, рассказы, корреспонденции, статьи, очерки, фельетоны; сотрудничает с двумя десятком литературных изданий и газет; хлопочет о создании фонда помощи погорельцам, изучает быт и нравы крымских татар, собирает местный фольклор, занимается переводами крымско-татарских песен, с английского переводит сонеты Шекспира, с немецкого – Кернера, с французского – Михаила Лермонтова.

Да, читатель мой пытливый, случился в жизни Михаила Юрьевича такой конфуз, когда он писал стихи на французском языке. Позже поэт «каялся» в этом. 10 мая 1841 года Лермонтов на французском же языке пишет из Ставрополя своей приятельнице Софье Карамзиной: «Я не знаю, надолго ли это; но во время переезда мной овладел демон поэзии, сиречь стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский, что, вероятно, принесло мне счастье... Я дошёл до того, что стал сочинять французские стихи, – о, разврат». И в подтверждении своего «падения» поэт в этом же письме помещает стихотворение, тоже написанное по-французски.

Вот одно из таких французских стихотворений в переводе Владимира Шуфа. Оно написано Лермонтовым в Мисхоре 28 октября 1840 года.

Г-же Омер де-Гель [15]

Сажусь я у дороги, утомлённый,
Под высокой берёзой, над мной
Качающей свой бледный ствол больной,
Падающим лёгким ветром обнажённый.
Прислушиваюсь долго, но одну
Я слышу лишь тишину.
Я вижу тень; как облако ночное,
Как белый призрак, движется она,
Вокруг распространяя, как весна,
Цветов благоухание степное.
Она внезапно близится ко мне,
И скрылась вдруг во мраке. В тишине.
Нет, это поль клубится в отдалении
И кружатся осенние листы;
По ветерок дыханьем теплоты
Повеял вдруг в полночном усыпеньи;
По в тишине по камням у ручья
Ползёт из тёмной ротвины змея.

И утомлённый скучкой ожиданья,
Исполненный печали роковой,
Я задремал, склонившись над травой.

*И с трепетом проснулся софраганья:
Её знакомый голос слышу я,
Её ноги касаётся моя.*

…Под влиянием друга Щербиновского Шуф увлекается рисованием, секреты живописи ему будет преподавать друг и художник Владимиров. Поэта настолько захватит рисование, что в 1898 году у себя на квартире он будет устраивать «вечера акварелистов», с участием художников Скригелло, Ризниченко, Владимирова и др. Владимир Александрович даже будет иллюстрировать свои поэмы.

Шуф – блестящий мастер импровизации, экспромта. Как уже указывалось выше, он был завсегдатаем литературных вечеров – Пятниц Случевского.[16]

*«Вчера – у Случевского (имеется в виду 26 марта 1899 г. – **Прим. Вл. Кудрявцева**) – записывает в своём дневнике Ф.Ф. Фидлер. – <...> Говорили о таланте импровизации, который Мережковский назвал милым, а Шуф тотчас же отпарировал:*

*Милый дар сей – пух.
Им страдает Шуф.*

<...> Случевский с удовлетворением отметил, его «пятницы» пустили корни, и выразил надежду, что поэты будут держаться вместе. Шуф тут же передал эту мысль стихами; в их основе

— притча о пучке прутьев, который нельзя сломать:

*Мои мечты едва ли смелы,
Хвалю я пятницы не зря:
Мы ими связаны как стрелы
В пучке у скифского царя.*

<...> Это позволило Случевскому предложить тему «Стрелы» для поэтического состязания...»

За 20 минут (в состязании участвовало 10 человек, вызов не приняли Вячеслав Грибовский [17], Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский) было написано 16 четверостиший. Однако Шуфу, который «отдувался» за чету Мережковских, из числа этих 16-ти написанных, принадлежало 4 экспромта. Один уже прозвучал выше.

Второй был адресован Зинаиде Николаевне Гиппиус (Мережковской):

*На экспромты смотрят хмуро .
Позабыла свое правило
И стрелу она Аиура .*

Третий намекал на Поликсену Соловьёву, пишущую под псевдонимом «Allegro». [18]

*Стрела певчая звенит,
Сразила скифа, негра,
И с луком стала на франт
Дианою Allegro .*

В четвёртом экспромте Шуф обращался к Дмитрию Мережковскому:

*Лук звенит, стрела трепещет
И, клюбясь, издах Пифон,
И стрелок победой блещет –
Мережковский, это он!*

Владимир Шуф готов был по всякому случаю сыпать каскадами экспромтов.

Например, когда Случевского благодарили за его Пятницы ужином в ресторане Палкина, Шуф «выдал» следующее:

*Кому священны ласки Музы,
Пот гонорара не берёт.
Она дала ему вперед,
И бескорыстны эти узы.*

3 апреля 1899 Ф. Фидлер помечает в своём дневнике:

«<...> В половине второго ночи, под вспышки магния, мы стали фотографироваться группой, в связи с чем появились строки Шуфа:

*Всей семьёю поэтической
Были в день фотографический;
С миной умной или глупою
Мы снимались целой группою.*

И поскольку кто-то из мужчин в этой группе расположился у дамских ног, я за ужином предложил тему для поэтического состязания: **У ног**

твоих. Судейство и присуждение призов взяли на себя Щепкина-Куперник [19] и Лохвицкая.

Они читали вслух текст, на котором отсутствовало имя автора, и выставляли оценку (высший балл – 12) Шуф получил 10 баллов за:

*В Москве, в Твери, в Уфе ли я –
У ног твоих, Офелия
Шум жизни позабыв, гам лет,
Прилечь готов я как Гамлет».*

Состязание закрывалось такой «концовкой» Шуфа:

*«Кто бы ни был в баллах мой соперник –
Всепой-ка Щепкин-Куперник!
Лади пред нею тотчас нии,
Хотя бы от страха единиц!»*

На тему «Моя эпитафия» Шуф отозвался искромётными (уже приводимыми мною ранее) строчками:

*Был сердцем слад –
Погиб от бад!*

Шуфу принадлежит и следующая эпитафия, написанная от имени Сафонова. [20]

*Смертной не боюсь косы, –
Она на мне умрётши силы:
И ради бы лечь в могилу,
Да не пройдут усы.*

...Шуф прилично играл в шахматы и крокет; освоил джигитовку – был прекрасным наездником; как уже упоминалось, владел французским, английским, немецким языками, выучил крымско-татарский; фехтовал, занимался в атлетическом клубе. Обладая хорошим музыкальным слухом, не только пел, музиковал, но и, будучи тонким знатоком и ценителем музыки, сотрудничал с «Русской музыкальной газетой». [21] Это было одно из лучших дореволюционных музыкальных изданий и по широте охвата музыкальных событий и по количеству публикации материалов. Газета отличалась высоким профессионализмом, в ней отмечались недостатки отдельных постановок и концертов, предъявлялись высокие требования к уровню исполнения музыкальных произведений. В «Русской музыкальной газете» сотрудничали крупнейшие российские музыкальные критики и многие музыканты-профессионалы.

Авторы активно продвигали идею о важном культурном значении музыкального искусства, приветствовали устройство благотворительных и народных концертов для широкой публики, подчёркивалась важность и значение музыкального просвещения народа. [22]

Уже публикуя в различных изданиях под псевдонимами: *Борей*, Эол, Аквилон, Зефир, Ш., Do-

re-mi-sol, Барон Шуфалов [23] свои корреспонденции и критические статьи, в «Русской музыкальной газете» Владимир Шуф подписывал просто, коротко и незатейливо – В.Ш.

Чтобы мой читатель имел маломальское представление о Шуфе – музыкальном критике, приглашаю читателя вместе со мной перелистать подшивку «Русской музыкальной газеты», к примеру, ну, скажем, за 1899 год:

«При романсе соч. Д.Ф. фон Рессель, изд. Adolf Furstner 2 Berlin И. 2 Mark «Последняя борьба» слова Кольцова, «Птица» слова Пушкина, «Не спрашивай, о чём тоскую» слова Воскресенского.

Все три романса крайне слабы. Отсутствие элементарного понятия о музыкальной декламации; невозможные скачки на крайне неудобные интервалы, остановка на слогах, не имеющих того цафения и, во всяком случае, более чем бледная музыкальная иллюстрация текста.

Издание с типографской стороны безупречное.

В.Ш.»

(«Русская музыкальная газета» 1899 г. № 9, стр. 295)

«О вещах Г. Босси следует сказать, что все они сделаны опытною рукою техника. Что касается содержания, то более интересным представляются № 2 Соловей с новой темой в басу и № 4 пикантное Тифуготти. В общем, все вещи, если так можно выразиться, написаны в каком-то неестественно экзальтированном духе, некоторые же модуляции прямо резки и как-то совершенно некстати.

Издание, пожалуй, излишне изящное.
В.И.

Поржественный марш И. Юрьевича. Одес-
са. У Цанотти. Соб. автора

Марш этот, как поясняет автор, напи-
сан для торжественного концерта в Одессе, в
день Коронации, для польского оркестра (хора
войской музыки) смешанного хора певья, гор-
нистов, барабанщиков, колоколов и птичной
струльбы.

Что-то уж очень струяно, а впрочем, мо-
жет быть при надлежащем настроении и по-
лучается впечатление! Не важится как-то

ЦИКЛИСТОМАНИЯ

...Вчера, 25 мая
велосипедистам
разрешена езда
по городу.

...Всей семью поэтической
Были в день фотографический;
С миной умной или глупою
Мы снимались целой группою.

"Пятницы" Случевского [I]

тема из марша Тангейзера с нашей известной — Шуми Маринца. *Bismarck Marsch* Гааз
оп. 4 Одесса и. 50 коп.

Марш издан в пользу Одесской Евангелической больницы.

В мгновения мечты. Романс, музыка Н. Прокина, слова К. А. Д. собст. автора. 50 коп.

Очень мелодичная, искренняя вещь. Задорливое отношение к тексту даёт возможность красиво профекламировать отдельные фразы; аккомпанемент способен сойти с толку даже опытного аккомпаниатора.

Valse Fantaisie pour piano Прокинр 50 коп.
собств. автора.

Вальс написан под несомненным впечатлением Шопена; звучит красиво; обе вещи изданы скромно и вполне прилично.

Composition pour le piano par L. Podiusre, Varsovie, M. Orgelbrand: Ballade, op. 29, Caprice op. 30, Erotica op. 31, Polka de salon op. 11 L'oisillon varse op. 27

Кроме последней вещи, самого заурядного танёвского вальса в произведениях Г. Под-

мисского следует отдельно отметить стремление к национальным польским мотивам (за исключением конечно ор. 11) Наиболее интересной вещью является баллада ор. 39, написанная с настроением; но доступная только хорошему пианисту; тоже следует сказать про *Caprice* ор. 30.

Бледноватой представляется *Erotica*, совершенно не соответствующая своему названию. В сладко-меланхолической первой польке *a la polka mazurka* решительно нет ничего привлекательного.

В.И.»

(Русская музыкальная газета 1899 г. № 10, стр. 323–324)

...Но вернёмся к Шуфу-поэту, Шуфу-романтику, Шуфу-скитальцу, Шуфу-искателю приключений.

В 1889 году Владимир Шуф сопровождает Антона Чехова в поездке по Южнобережью и в Балаклаву.

Шуф путешествует: Франция, Германия, Сирія, Палестина, Персия, Иерусалим, Египет, Дальний Восток.

Шуф – военный корреспондент на греко-турецкой и русско-японской войнах, придворный корреспондент при штабе германского императора Вильгельма во время поездки того на Ближний Восток.

Не единожды Шуф балансировал на грани жизни и смерти: тонул в море, во время землетрясения проваливался в расщелину треснувшей земли, пережил ожидание неминуемого расстрела и страх пленения.

Шуф – орденоносец: удостаивается высокой награды за деятельность на Ближнем Востоке.

И, – как истинный русский литератор, он – трудяга; он – безденежен; он – мот; он – выпивоха; он – в поисках идеала.

Во вторник 3 марта 1898 года он пометит в дневнике:

*«Писал в неизвестном виде, но хорошо. <...>
Высчитал, сколько пишу и получаю за год. В среднем пишу 15 фельетонов в месяц, т.е.
180 в год. Это составляет около 30.000 строк
за год, т.е. я получаю по 10 коп. за строку
3000 р. в год».*

В понедельник 15 июня того же года:

*«.. Денег всё не хватает расплатиться за
дачу. Молоко, мясо. Сапоги вырывы! Чёрт
знает что!»*

В среду 26 августа:

«... заложил щубу и купил пальто в 37 р. и шляпу 14 р., костюм. Думал купить за 22 р. рассчитав деньги, но оказалось занять 18 р. Вечером с Османом был на концерте в Павловске. В первый раз мы одеты были как следует...»

То и дело следуют записи:

«Заложил часы. Обедал с друзьями в ресторане».

«Обедали в ресторане у Палкина».

«Обедали в Эрмитаже».

«Был в ресторане с Османом».

«В редакции получил без вычета 64 р. Заходил в ресторан».

«Ужинали в Аркадии».

В пятницу 21 августа 1898 года он занесёт в свой дневник:

«...Идеалы воплощены в книгах, всё что хотел — идеала».

...Любить жизнь — это идти с ней в ногу.

В 1880-х годах Петербург охватывает эпидемия «циклистомании». Циклистами в те годы называли велосипедистов.

Газета «Петербургский листок», сотрудником которой в то время был Владимир Шуф, всячески пропагандировала езду на велосипеде.

Правда, в черте города кататься на столь странном транспорте запрещалось.

С 1884 года в Петербурге создаётся «Общество велосипедистов-любителей». Вступительный взнос – 10 рублей, годовой – 15. Кроме того, нужно было заплатить налог – 5 рублей. Член общества обязан был сам приобрести велосипед, который по тем временам стоил дорого – от 175 до 200 рублей.

2 мая 1893 года «Петербургский листок» помещает следующую информацию:

«Вчера, 25 мая велосипедистам разрешена езда по городу. В виде опыта разрешена езда на велосипедах лицам, достигшим 18-ти лет, причём особой комиссией выработаны правила езды».

Для получения разрешения езды по городу велосипедисты сдавали экзамены, велосипеды комиссией проверялись на исправность, после чего выдавались номерные знаки, именные билеты и дорожные правила.

В апреле 1898 года вторая жена Владимира Шуфа таинственная M. (речь о которой, как я и обещал моему читателю, пойдёт позже) покупает своему супругу подержанный велосипед. (По-

эту надо было соответствовать – газета, в которой он работает, рекламирует «циклистов», в то время как он сам – «безколёсный»).

…Шуф под Павловском, в немецкой колонии Этюп, снимал дачу – было, где развернуться, где разъездиться.

Мы смеем смело предположить, что Владимир Шуф экзамены не сдавал, комиссию не проходил, номерных знаков, а равно, именных билетов и дорожных правил не получал.

Заявление наше основано на признаниях самого Шуфа:

Плянница. 17 апреля. «.. М. купила мне велосипед за 60 р. у Янова. Я его тут же сломал и теперь надо починить».

21 апреля велосипед был отремонтирован за 3 руб. 10 коп. Далее велосипед ломался едва ли не каждые три дня. Наконец, в четверг, 18 июня Шуф отметит в своём дневнике:

«Написал фельетон «Горе велосипедистов».

В 1897 году в Петербурге создаётся Петербургское фотографическое общество. Но ещё до его создания Владимир Шуф научается фотографировать, проявлять и закреплять снимки, хранить негативы, представлявшие собой стеклянные пластины, на которые во время фотографирования проектировалось изображение. В том же 1897

году Владимир Шуф, «вооружённый» фотоаппаратом, «арендувшим» у фотографа Владимира- ского, отправляется в качестве корреспондента в поездку по Ближнему Востоку.

При всей своей, скажем так, обречённости, Шуф жил нараспашку, дышал полной грудью, был щедрым душой.

Дворянин, барин, при определённых ситуациях сибарит, популярный корреспондент, известный поэт и журналист – он старался отвечать своему положению, званию, популярности, известности, – как бы сегодня сказали, – держал марку.

Вспомним, мой любезный читатель, четверг 19 ноября 1898 года. Владимир Шуф приехал в Крым. Из Севастополя его путь лежал в Ялту.

В те годы поездка из Севастополя в Ялту – это 12 часов езды на мальпосте [24], в обществе до 15 человек, за 5 руб. 50 коп. в 1-ом классе, за 4 руб. 50 коп. – во 2-ом. [25] Шуф же, располагая 20-ю рублями в кармане, нанимает отдельный экипаж, скажем так, персональное «такси»:

«...Осталось всего 20 р. – пишет он в дневнике. – <...> На почтовой станции мне как корреспонденту устроили лондо и четырёх лошадей за 18 р. вместо 20. С одним рублём в кармане – раздал ямщикам – выехал в

Ялту. Чудная погода. Луна во мгле». (Подчёркнуто мною. – **Вл. Кудрявцев**)

В 2 часа ночи, с рублём в кармане, Шуф в Ялте. Домой, к жене и детям, не пошёл, снял номер в гостинице. А утром ещё умудрился напиться чаю с молоком, правда, без сахара. И это на один рубль! В то время как стоимость гостиничного номера – от одного до десяти рублей!

…Шуф как поэт-лирик, поэт-романтик, поэт-путешественник любил и ценил женщин. Без любви нет вдохновения, без вдохновения нет творчества. Поэт жаждет любви. Ему – как и чахоточному Чехову – скучно без сильной любви.

«Жениться я не хочу, да и не на ком. Да и шут с ним. Мне было бы скучно возиться с женой. А влюбиться весьма не мешало бы. Скучно без сильной любви» – писал Чехов Суворину. [26].

А через неделю он будет писать Леонтьеву (Щеглову) И. Л. [27] – «…жить не особенно хочется. Умирать не хочется, но и жить как будто бы надоело» (24.10. 1892 г.)

11 февраля 1895 года в ресторане Палкина (Невский проспект, 47) Чехов признаётся Фидлеру [28] и Баранцевичу: [29] «Я, вероятно, никогда не женюсь, потому что могу жениться только по любви. После постановки «Иванова» я переспал не менее чем с девяносто двумя женщинами-

*ми; я воображал, что люблю их и выслушивал их любовные клятвы; но проходила ночь, и я понимал, что мы оба глубоко заблуждались». Чехов «имеет дело почти исключительно с замужними, так сказать, приличными женщинами; два года назад он говорил мне (Фидлеру. – **Прим. Вл. Кудрявцева**), что никогда ещё не лишил невинности ни одну девушку».* ([30]. Не отсюда ли вывод в записной книжке Чехова: «*Изменившая женщина – это большая холодная котлета, которой не хочется трогать, потому что её уже держал (начал) в руках другой человек*»?

За два с половиной года до смерти чахоточный 42-летний Чехов всё-таки женится.

Чахоточный Шуф, напротив, женится совсем юным, (жена на 2 года старше его), но ему тоже, видимо, было «скучно возиться с женой», точнее, с жёнами. И – в 1887 году, после поездки в Грецию – таинственная Л.К., в 1898-ом, после поездки в Палестину – некая Маня, Мария. И в то же время Шуф – прекрасный семьянин. В Ялте – первая семья: жена Юлия, двое детей, усадьба, подарки детям; в Петербурге – вторая семья: жена М., (о которой, повторяю, речь позже), двое детей, служанка, любовница, преданный друг и слуга крымский татарин Осман, две квартиры, место в детском садике; эту ораву надо любить, одевать, кормить, содержать, недвижимое имущество

оплачивать. И он любит, одевает, кормит, содержит, оплачивает...

Поэт жил явно по принципу: «Не важно, сколько я проживу, важно как...».

*Да, рождённое, конечно,
Не для смерти рождено!
Неужели в тьме предвечной
Нам исчезнуть суждено?
Как? Чтоб в хаосе, в тумане
Мысль погасла, с тьмой слилась?
Чтобы дух исчез в Нирване,
Во вселенной растворяясь?
Для того ли в своём горниле
Жизнь ковала смелый дух?
Мы страдали и мудрили
Для того ли, чтоб свет погиб?
Нет, я правды смысл нариши!
Жизнь дана, чтоб каждый мог
Сам свою достроить душу
В дни борьбы страстей, тревог.*

В. Шуф. Роман в стихах «Сварогов»
...Да, не быть легко – ты попробуй быть.

1904 – 1907 годы

Кто идёт?

На поле мгла. С винтовкой часовой
Среди ветвей на дереве, как птица,
Как сокол, в тёмной зелени гнездится,
До полночи дозор свершая свой.
Не ветер ли колышет там травой?
Солдат глядит, – всё поле шевелится.
Мерещатся знамёна, тени, лица –
«Эй, кто идёт?» – Безмолвен мрак ночной.
– «Кто там идёт?» – он окрик повторяет,
Прицелился винтовкой: «Кто идёт?»
– «Смерть! – шепчет ночь. «Смерть!» –
ветер отвечает.
Луна взошла, горит среди высот,
На поле битвы мёртвых озаряет.
Он крестится, он видит – смерть идёт.

Владимир Шуф. «Кто идёт?»
Сонеты «В край иной...»

На одиннадцатый день русско-японской войны Борей (В. Шуф) писал в «Новом времени»:
«Наша обычная жизнь с её буднями и праздниками нарушена тревогами войны. Вели-

кие события на Дальнем Востоке своим боевым штормом наполнили мир и создали новые настроения...

Изменился весь строй нашей столичной жизни. Большинство балов отменяется — теперь не до веселья, хотя пришла русская масленица...

Я не скажу, чтобы это было чудесное. Наоборот — есть подъём, есть напряжение и нервное возбуждение. Жизнь стала важнее, серьёзнее. Звучат музыка и песни. Но это военный марш народный гимн, хор манифестантов на улице. Каинавал теперь показался бы пошлым...

В широкой степи у кургана лежал забытый и поросший ковылём меч Богатырский, «меч-кладинец», как зовёт его сказка, и настало пора блеснуть ему яркой молнией от запада до востока». [31]

Борей»

У России ещё не было сдачи Порт-Артура, поражения под Мукденом, разгрома в Цусимском сражении и пленные японцы ещё не опасались прогулки по Невскому проспекту столицы, к пленённым относились пока ещё снисходительно.

«На солнечной стороне Невского меня обогнали два японца, – писал в «Новом времени» Борей. – Они быстро шли по направлению к Адмиралтейству и видимо старались поскорее выбраться из толпы, бросавшей на них любопытные и недружелюбные взгляды.

– Враги! – шутливо заметил мой спутник.

Один был маленький, стройный, в котелке и безукоризненном европейском пальто. Другой, попроще, шагал, покачиваясь на кривых ногах, носивших следы японской «рисовой болезни» – «какки».

Они, вероятно, были из тех, которые на днях приехали в Петербург из Забайкальской области, а затем отправились в Берлин. Ждём мы из Харбина ещё 11 пленных офицеров, и конечно японцы скоро у нас будут не редкость.

***

Я был мальчиком, – продолжает Борей (Владимир Шуф), – когда мне пришлось увидеть пленного турецкого пашу. Везли пашу под конвоем в каюте, и толпа смотрела на него, как на зверя в клетке, пока он досадливо не опустил занавеску окна...

К пленным врагам следует относиться приветливо. Это желанные гости, и чем их больше, тем лучше...» [32]

«Конно Мити-ва доко-э торимас-ка?» — по-японски «Куда ведёт эта дорога?»... Появилось новое издание «Русский в Японии», сообщающее краткие сведения о японском языке...

...ужасно он не благозвучен для нашего уха. Все эти приставки к словам, обозначающие надежды: -ва, га, ни, то — создают утомительный перезвон речи и вряд ли хороши даже для декадентской поэзии...

Фразу «Я ранен» вряд ли в состоянии произнести хоть один раненый: «Ватакуси-ва кидаю опмашите!» — умрёшь скорее, чем выговоришь. Вообще японский диалект довольно автварского свойства. Не знаю, как на нём говорят и пишут литераторы Нипона.

Борей».

Это была последняя корреспонденция Борея (Шуфа) в «Новом времени» до отъезда на фронт. Следующая появится лишь 14 октября 1904 года, что даёт возможность определения срока пребывания поэта на войне.

...Русско-японская война закончилась постыдным поражением России, унизительным для Японии заключением мирного договора 9 августа 1905 года, стала причиной первой русской революции.

Шестимесячное присутствие Владимира Шуфа на войне, вакханалия и беспорядки первой русской революции дали ему богатый материал для написания романа с символическим называнием «Кто идёт?»

...Не смотря на резко негативную реакцию Алексея Суворина на «побег» своего корреспондента с русско-японской войны, Шуф остаётся одним из ведущих журналистов «Нового времени».

6 марта 1905 года он участвует в поэтическом вечере у Сологуба. [33] Об этом можно было бы и не упоминать, если бы не один, на мой взгляд, значительный, штрих – на том заседании было вновь отклонено предложение об избрании постоянным членом поэтических вечеров Александра Блока [34], – потому что никто не знал его как писателя, как человека, но всем он был известен как экстравагантный декадент. [35]

В 1905-ом и 1906-ом годах Шуфа время от времени можно было видеть то на поэтических посиделках у Ф. Фидлера, где поэт пел под аккомпанемент пианино, то у Вентцеля, то у Грибовского, где – наконец-то – постоянными членами поэтических вечеров были избраны Александр Блок, Тэффи, Вячеслав Иванов [36], поэт и переводчик Штейн, Кондратьев [37], Гриневская... [38].

Зван был Шуф и на «Товарищеские (Фидлеровские) обеды» («Обеды беллетристов») – собрания петербургских литераторов.

Посещение поэтических вечеров, «Товарищеских обедов» и литературных собраний для тогдашнего литератора – это словно бессрочный входной билет на придворные балы и балы высшего света. Такую привилегию должно было заслужить талантом: Блок ждал избрания в постоянные члены несколько лет, Гриневская – полтора года, Тэффи [39] получила право посещать литвечера лишь после смерти своей сестры, поэтессы Мирры Лохвицкой. [40] Приём в члены требовал обязательных трёх рекомендаций и единогласного избрания.

…В 1906 году в Санкт-Петербурге [41] выходит книга сонетов Владимира Шуфа «В край иной», за которую в 1909 году автор едва не удостаивается Пушкинской премии.

Но до 1909 года Шуфу надо было ещё дожить. А тогда, в 1906 году, 17 сентября, на именинах Любови Михайловны – жены Ф. Фидлера – Александр Фёдоров зело возмущался тем, что в своём сборнике сонетов Шуф посвятил ему стихотворение. От возмущённого Фёдорова походя перепадает декадентам Андрею Белому и Александру Блоку – он цитирует их стихи и называет хулиганами и жуликами.

Что же это за сонет, так возмутивший нашего беллетриста, драматурга, поэта. Вот он, ознакомьтесь.

ХСIX

ЗАВОДЬЕ

А. М. Федорову

*За Волгою, в степях её, впервые
Я посетил улусы кочевые.
Среди травы, кибиток видел тень
И пил кумыс, отрадный в жаркий день.*

*Встречались мне поёлки там иные
И минарет татарских деревень,
Но мне милей кочевье, воля, лень,
Седой ковыль и тадуны степные.*

*Как он хорош, свободный этот край!
Восточной песни вьются переливы, —
Вдали звучит задумчивый курай. [42]*

*Несётся конь, скакун мой длиннохвостый,
Через бурьян, обраги и обрывы...
Печаль моя! Погоняй — догоняй!*

Не знаю, как читатель, а я в смущении – чем не угодил Шуф собрату по перу? Впрочем, на поэта может обидеться каждый.

…К Пушкинской премии мы вернёмся в своё время.

А пока в Российской империи 1907 год. Год поражения первой русской революции. И год выхода в Санкт-Петербурге романа Владимира Шуфа «Кто идёт?» [43]

Романа о русско-японской войне, породившей первую русскую революцию. Романа, написанного по следам первой русской революции, посеявшей ненависть, кровь, террор, анархию, разрушения.

Шуф видел в революции торжество звериного, хищного; видел, по выражению Михаила Арцыбашева, [44] «назревавшие времена свержения мёртвых и казни новых идолов».

В произведении, состоящим из двух частей, по восемь глав в каждой, много личного, пережитого, поэтому оно может считаться автобиографическим. Центральные персонажи – Ладогин (понимай – сам Шуф) и Лидия (жена Шуфа – М.).

С моей стороны было бы неуважением к читателю не познакомить его (хотя бы вкратце), с романом.

Извольте.

...Местные новости крайне скучны и время медленно тянется до первой битвы, которая всех сразу поднимает, встряхивает, доводя нервы до крайнего напряжения...

ШУФ дневник корреспондента

КТО ИДЁТ?

Часть I

В МАНЧЖУРИИ

V. СТАРАЯ ФАНЗА

«Мы ожидали выступления всего восточного отряда, но начавшиеся дожди приостановили военные действия. Наши офицеры перебрались из палаток в фанзы соседней деревушки.

Вот уже пятый день, не переставая, идёт проливной дождь. Такие дожди бывают только в Манчжурии. Они льются целыми сутками при сорокаградусной температуре. Зной и сырость вместе! Обувь, кожаные сумки и кобуры начинают покрываться зелёной плесенью. Под буркой или резиновым плащом нестерпимо жарко, а сбросить их нельзя, — ливень пронизывает насквозь. Из разъездов мы возвращаемся мокрыми до нитки. Надо иметь железный организм, подобный моему, чтобы переносить манчжурский климат, столь непохожий на наш северный. Но что несноснее всего, — это непроходимая грязь. Долины и горы превратились в топкие болота. Поля гаоляна затоплены водой.

---

* Фанза — (правильно фан-цы) — тип. кит. жил. прямоуг. формы с 2-мя или 3-мя комнатами. (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

Разлились реки, и наш восточный отряд оказался отрезанным от сообщения, — обозы не приходят, а припасов осталось мало. Китайцы говорят, что в Манчжурии наступает обычный период дождей. Сколько времени он продолжится, — никто не знает наверно. Может быть, более месяца. Грязь, ливень и скука. Тёплые дождевые капли стучат в бумажное окно фанзы, где мы поселились вместе с Харченко. Всё-таки здесь лучше, чем в палатке.

Наша фанза стоит на самом краю деревни, у заросшей деревьями земляной ограды, похожей на крепостной вал. Вся деревня окружена невысокой стенкой, слепленной из земли, камней и глины, чтобы в случае нужды обороняться от хунхузов. Здесь каждое селение укреплено и настороже. Фанзы в солнечный день смотрятся довольно весело и опрятно, кругом зеленеют купы деревьев и тянутся гряды белого мака, но теперь деревня намокла, посерела и побурела от непогоды. На улицах стоит жидкая грязь, а вершины ближних сопок одеты сеткой падающего дождя. Наша старая фанза имеет особенно неприветливый вид. Она словно сгорбилась и стала похожа на старушку-китаянку, свою хозяйку, у которой мы снимаем это жалкое помещение за два рубля в сутки.

Фанза состоит из нескольких смежных клетушек, расположенных вокруг тесного дворика. Наши лошади стоят под навесом из гаоляновой* соломы.

В клетушке налево живёт хозяйка – старое, сгорбленное существо с морщинистым жёлтым лицом и манчжурской прической в виде двух загнутых рогов. Она вечно сидит на корточках у своей двери и курит длинную, тонкую трубку, злобно посматривая косыми глазками. Харченко зовёт старуху «китайской ведьмой» и, вероятно, не ошибается. Характер у нашей хозяйки несносный. Она вечно ворчит себе под нос и, должно быть, бранит нас по-китайски. Денщик мой, Хутухта, который её понимает, говорит, что она терпеть не может русских казаков. Однако терпит нас, – из жадности к деньгам. Старуха, получив плату, крепко за jakiает бумажные рубли костлявыми пальцами и долго потом их рассматривает, качая назад и вперёд своей головой с рогатой прической. Странное существо в грязном голубом киримоне**.

Кроме неё, в нашем дворе нет ни одной женщины. Лишь изредка по вечерам я слышу до-

---

* Гаолян – правильно гао-лян. Используется хлебное, техническое, кормовое. Трава сем. злаковых. Изгот.

муку, крупу, спирт, крахмал (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

** Киримоне – то же что и кимоно (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

вольно мелодичные звуки струнного самизена...* Неужели это играет старуха?

Фанза, где мы живём с Харченко, почти на половину занята широким «каном», китайской лежанкой, которую топят зимой. На кане постлана гаоляновая циновка и приспособлены наши походные постели. Под большим, заклеенным бумагой окном с деревянной решёткой мы кое-как устроили стол из двух досок. Он вечно завален папиросами, картами Манчжурии, револьверными патронами, – всякой всячиной, до консервов и бутылок включительно. У Харченко есть даже туалетное зеркало. Шашки на стене, мокрые бурки в углу, и тут же сёдла, уздачки и мешки с чумизой, – нельзя сказать, чтобы особенно приветлива была походная обстановка. Впрочем, не знаю почему, я люблю эту кочевую жизнь военного времени, холостой кружок офицеров и свободу, чуждую городских стеснений. Изводит нас только скуча, бездействие и этот бесконечный дождь...

Разве подразнить моего милого Харченко? Доблестный хорунжий разлёгся на кане, подложив руки под голову, и пускает колечками дым в потолок фанзы.

---

* Самизен – япон. струн. инстр. с длинным грифом из пальмового дерева и тремя струнами, на кот. играют лопаточкой из рога черепахи или дерева. (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

— Харченко, ты спиши? — поворачиваюсь я к нему от разложенной на столе карты, где я делал отметки карандашом.

— Нет! А что? — лениво откликается хорунжий.

— Вероятно, мечтаешь? Как тебе нравится наша хозяйка?

— Эта китайская ведьма?

— Положим, твоя Хезайду была несколько лучше и моложавее, но я всё-таки удивляюсь, что ты совсем бросил ухаживание.

Харченко приподнимается на локте.

— За кем же тут ухаживать?

— За хозяйствой фанзы.

— Тьфу!

Хорунжий сердито поворачивается лицом к стене.

— На войне, мой друг, всё позволительно! — продолжаю я, закуривая сигару. — Мало ли какие бывают крайности в походе.

— Предоставляю тебе этот роман.

Несколько минут продолжается молчание.

Только капли дождя барабанят по бумажному окну и крыше, да ворочается в углу Хутухта, очищая ржавчину на моей шашке. Он примостился на полу фанзы и усердно трёт старый дамасский клинок. Изредка его косые глаза останавливаются то на мне, то на Харченко, словно бурят вслушиваются в звуки, которые я не слышу.

шивается в наш разговор. Вдруг хорунжий подымается и спускает обе ноги с кана. Чёрные усики Харченко приподнялись от весёлой улыбки.

— Это положительно невыносимо! — смеётся он.
— Хоть бы одна хорошенькая женщина в целой деревне! Никого, кроме этой бабы-яги. Все по-прятались.

Слабые звуки струнного инструмента снова послышались мне.

— Да, отсутствие женщин — одна из неприятностей военного времени! — сказал я. — Но знаешь ли, Харченко — романы, любовь, ухаживанья — всё это хорошо в молодости, когда ещё не утратились первые грёзы поэзии и счастья. Сколько тебе, кстати, лет?

— Двадцать два, слава Богу.
— Ну, два года ты, кажется, прибавил. Ты увлекаешься всеми женщинами потому, что ещё не успел избрать одну. В твоём возрасте это, пожалуй, самое трудное — сосредоточиться.

— Далее?..
— Но что будет с тобою, когда, достигнув лет зрелых, ты останешься при своей вечной жажде любви и романических приключений? Нет, из тебя выйдет молодящийся ротмистр или есаул, вроде нашего общего приятеля, Далибекова, у которого на языке одни сальные и циничные анек-

доты. Ты будешь рассказывать, покручивая нафабренные усы, о пикантном романе с уездной актрисой, о том, как получил, неизвестно от кого, – honny soit qui mal y pense, * – перенизанный шёлковым женским чулком букет сирени. Ты вспомнишь своё приключение с китаянкой Хезайду в Манчжурии и тысячу других в том же роде, – mille e tre ** женских юбок, за которыми ты гонялся в своё время. Приятная перспектива!

– Однако, – обиделся Харченко, – ты рисуешь меня каким-то пошляком.

– Жизнь многое опошляет!

– Бросим эту тему! Женюсь и переменюсь, к твоему удовольствию. Скажи-ка лучше, есть у тебя мадера?

– Хутухта, бутылку!

– Так что, ваше высокоблагородие, всё вино вышло! – поднялся из угла мой денщик.

– Ничего нет выпить?

– Никак нет!

– Харченко, а ведь это плохо? – улыбнулся я. – Ни вина, ни женщин. Что же мы с тобой станем делать? Дождь, скука и все лишения военного времени.

---

* – honny soit qui mal y pense – франц; Стыд тому, кто усмотрит в этом плохое. (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

** – mille e tre – итальянс. – три тысячи (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

— Скверно! — согласился хорунжий, снова растягиваясь на циновке кана. — Манчжурия — это такая проклятая страна...

— Ваше высокоблагородие! — тихо сказал бурят.

— Что там?

— Так что, у старухи всё есть!

— У какой старухи?

— Стало быть, у нашей хозяйки.

— Вино есть? — обрадовался Харченко.

— Вино, ханшин *, ром, — что вашему высокоблагородию понадобится.

Скуластое лицо бурята и его узкие глаза приняли лукавое выражение. Мы с Харченко невольно переглянулись. Очевидно, наша хозяйка была больше, чем маркитанткой.

— Неужели, кроме вина... — начал Харченко и вдруг звонко расхохотался. — Хутухта, да ведь это китайская ведьма. Что же, — у неё дочка есть?

— Не могу знать!

— Ну, не дочка, так какая-нибудь китаянка из деревни?

— Никак нет, ваше высокоблагородие! — Лицо денщика снова приняло тупое, словно деревянное выражение. Я знал, что в таких случаях от него ничего не добьёшься. Однако он как будто намекал на что-то, а может быть, нам только по-

* — Ханшин — китайская пшеничная водка (самогонка)

(*Прим. Вл. Кудрявцева*)

казалось. Иногда мой бурят бывает чрезвычайно глуп, и трудно разобрать, что он хочет высказать.

— Так вот что, Хутухта! — сказал я, — похлопочи, любезный, и достань нам всё, что найдётся у хозяйки к ужину: курицу, риса... пусть принесёт вина, если и в самом деле у неё есть что-нибудь, кроме ханшинной водки.

— Слушаю, наше высокоблагородие!

Казак повернулся налево кругом и исчез за дверью. Харченко проводил его любопытным взглядом.

— Знаешь, бываешь об заклад, что тут дело не чисто! — вскочил он с кана. — Твой Хутухта что-нибудь выследил.

— Перестань! — улыбнулся я.

— Вот увидишь! Идёт на три золотых? Проиграешь.

— Держу пари! — протянул я руку Харченко.

В эту минуту за дверью нашей фанзы послышался старческий кашель, возня и шлёпанье туфель по лужам. На дворе совсем стемнело, но дождь по-прежнему лил, не унимаясь. Дверь тихо заскрипела и на пороге показалась старая китаянка с деревянными чашками в трясущихся цепких руках. Её злые глазки, шурясь, неприветливо посматривали на нас, но жёлтое лицо и сухие губы силились сморщиться в улыбку.

«Совсем колдунья!» – невольно подумал я.

– Капитана мало-мало кушай! – глухо заговорила старуха, ставя на стол две чашки с рисом и варёной курицей.

– Вино, ханшин, мию? – спросил я.

– Ю! Ю! – закивала старуха рогатой причёской. Я достал из кармана трёхрублевую бумажку и сунул ей в руку. Она впилась в деньги глазами, что-то забормотала и скрылась за дверью, шлёпая толстыми подошвами китайских туфель.

– Ну, и физиономия! – сказал я хорунжему.

– Да, вот только такие красавицы и водятся в этой проклятой деревне! – вздохнул. Харченко. – Хоть бы скорее военные действия начались.

Он достал вилку и принялся за курицу.

– Ханшин ю, капитана-шанго! – раздался за нашей спиной звучный голосок.

Мы обернулись и невольно вскрикнули. Молодая китаянка с чёрными, как уголь, волосами и желтовато-нежным, точно слоновая кость, оттенком лица, улыбаясь, подавала нам бутылку и кружки. Её черты странно походили на лицо старухи-хозяйки, но были словно просветлены молодостью и красотой. Пунцовье губы маленького рта усмехались, открывая бисерную нить белых зубов. Тонкие брови, слегка приподнятые углы её глаз, тёмных и нежных, будто лукаво прищуренных,

делали её похожей на точёную статуэтку китаянки, какие встречаются в наших гостиных. Красный киримон с вышитыми шёлком цветами мягко обхватывал невысокую, стройную фигурку. Она поставила вино и скрылась раньше, чем мы успели прийти в себя от неожиданности.

— Как же ты говорил, что в деревне нет красивых женщин? — спросил я хорунжего.

— Да это моя Хезайду! — вскочил Харченко. Только как она попала сюда? Неужели она приходится дочкой этой старой китайской ведьме? Не к ней ли в деревню она так часто бегала из кумирни? * Вот оно что!

— Хороша... ну, а вино, наверное, дрянь!

— Честное слово, мадера! — сказал хорунжий, отпивая глоток, но ещё с большим интересом поглядывая на дверь фанзы.

— Налей! Однако откуда взялась эта, — не бутылка, а эта китайская красавица?

— Я говорил, что проиграешь заклад! — торжествовал Харченко.

— Подожди ещё!..

— Чего же ждать?.. А вот и она!

Дверь скрипнула и в фанзу вошла с тарелкой яиц наша старуха-хозяйка. За нею шёл Хутухта. Харченко всего передёрнуло.

---

* — Кумирня, небольшая языческая или буддийская молельня с кумирами (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

– Ну и красавица у тебя дочка! Переведи ей, Хутухта! – сказал я, смотря на старуху. Где ты взяла такую?

Старая китаянка что-то забормотала.

– Она, ваше высокоблагородие, спрашивает, какая дочка? – ухмыляясь, перевёл бурят.

– А вот, что вино сейчас приносила!

Старуха пристально взглянула на нас своими злыми глазами и зачалила по-китайски не то бранью, не то причитаньями. Её глухой голос срывался и издавал резкие, визгливые звуки.

– Что? Что она говорит? – спросил хорунжий.

– Так что, ругается, ваше высокоблагородие! Нехорошо ругается! – пояснил бурят.

– Переведи!

– Говорит она, ваше высокоблагородие, что никакой дочки у неё нет, что на неё только выдумывают. Из-за господ, мол, офицеров девушке в деревне на порог нельзя выйти, – и всё такое. Японцами тоже грозит, будто они скоро русских казаков из Манчжурии повыгонят. И вороны им глаза выклюют. Злющая старуха, ваше высокоблагородие!

– Раскаркалась, ведьма! Гони её вон!

Но старая китаянка была уже за порогом, и дверь захлопнулась перед носом Хутухты.

– Вот так история, разозлилась бабуся! – возратился к столу Харченко. – Мы-то чем виноваты, что у неё дочка красавица?

– А если это не старухина дочка?
– Так кто же Хезайду по-твоему?
– Хутухта, ты видел молоденькую китаянку, что нам вино приносила? – спросил я бурята.
– Никак нет!
– Где же ты был в это время?
– Так что помогал стряпать старухе.
– Гм... врёшь ты, братец! – уставился Харченко на бурята. – Послушай, Ладогин! Це дило треба разжувати, – как говорят наши хохлы. Пойдёмка сами разведаем. Дождь, кстати, перестаёт, и на дворе стало светлее.

Я допил стакан, и мы вышли из фанзы.

Ливень, в самом деле, утих и полный месяц, выблеснув из-за тучи, освещал белые стены китайских мазанок.

Тихие струнные звуки слышались, словно из открытого окна, и замирали в тишине ночи, в набегающем шелесте листьев. Деревья отбрасывали резкие тени на влажную землю. Через несколько шагов мы невольно остановились. У дверей фанзы, озарённая луной, стояла наша желтолицая красавица в шёлковом киримоне с крупными чётками на груди. Маленький самизен слабо звенел в её руках. Она улыбнулась, кивнула нам и словно исчезла за порогом фанзы.

– Что за притча такая? – шепнул мнё Харченко.

Я стал вглядываться пристальнее, но около фанзы теперь никого не было. Только какая-то старчески сгорбленная тень падала на стену не то от дерева, не то от покривившегося забора. Месяц светил ярко, и ошибиться было бы трудно.

Харченко молчал. Он казался задумчивым, против обыкновения, и вдруг, обернувшись ко мне, сказал:

– Знаешь что? Покарауль у фанзы! Любопытная это история, и надо её объяснить, во что бы то ни стало.

- Просто старуха дочку прячет! – заметил я.
- Увидим, надо дождаться...
- Не стоит! Спать хочется.
- Спи, а я не уйду!
- Как хочешь.

Я вернулся в фанзу, где мой бурят уже подготовил постель. Прикрывшись буркой, я растянулся на кане. Полумысли, полугрёзы мешались в моей голове. Прошлое с его грустными воспоминаниями сливалось с действительностью, принимавшей какой-то сказочный оттенок. Старуха, молодая китаянка... красавица и опять старуха. В жизни бывают горькие превращения. Беспощадная старость отнимает молодость, красоту, – всё, что мы любили когда-то. Чудес нет. Время не отдаёт ничего, и прошлое никогда не возвращается. Знакомые

мое милое лицо встало передо мною, улыбнулось и вдруг сморщилось в беззубую старческую гримасу. Я застонал от страшного кошмара и проснулся. Передо мной стоял Харченко. Его китель, фурражка, шаровары с жёлтыми лампасами – всё было мокро, и вода текла по лицу.

– Опять дождь? – спросил я его.

– Льёт, как из ведра! – сердито ответил хорунжий.

– Однако ты принял душ!

Он молча раздёлся и лёг рядом на кане.

– Не дождался своей красавицы? – зевнул я.

– Где тут! – проворчал Харченко, – Такая проклятая погода!

Он долго ворочался под буркой. Керосиновая лампочка на столе догорела, вспыхнула последний раз и погасла. Мухи зажужжали на потолке, и опять всё затихло. Только храп казака-бурята, спавшего с винтовкой в углу, раздавался в темноте фанзы. Тихая ночь погасила и мои беспокойные мысли.

Поутру мы проснулись от сильного стука в дверь. Мокрый, закутанный в дождевой плащ, явился подъесаул Далибеков и объявил, что мы завтра выступаем в поход.

– Куда? В такой ливень? – удивился Харченко.

– Что поделаешь? – ответил Далибеков. – Наш полк переводится в южный отряд к Хайчену.

– В южный из восточного? – воскликнул я.

— Да, дислокация войск изменилась. Вчера получили приказ из главной квартиры.

— Вот тебе и твоя красавица! — не утерпел я, чтобы не поддразнить Харченко.

— Какая красавица? — полюбопытствовал Далибеков, присаживаясь к столу, где уже кипел поданный бурятом самовар.

— Тут Харченко не то за старухой, не то за молодой ухаживает.

— Право?

— Вчера ночью, когда, помнишь, я остался на дворе, я таки добился своего! — заговорил хорунжий. — Но что из этого вышло, сам толком не разберу. В эти манчжурские ночи ничего порядком не видно. Чудится, мерещится что-то... То месяц выглядывает из-за тучи, то опять хлынет ливень и ни зги не увидишь. Да! Только это ушёл ты вчера спать, как на пороге фанзы опять показалась китаянка.

— Старая или молодая? — спросил я, глотая горячий чай.

— Молодая. Оглянулась на меня, поманила вечером и крадётся этак под деревья к ограде. Ну, я, разумеется, за ней. Вижу, стоит моя Хезайду и смеётся, закрывшись зелёными ветками. Месяц светит, каждый листок виден, — какая тут может быть ошибка? Я перескочил через канаву и очутился около старухиной дочки. Вдруг лунный свет погас, под деревьями хоть глаз выколи.

Дождь забарабанил по веткам... но что тут думать? Схватил я мою манчжурку в темноте и поцеловал её в губы. Тут словно гадина меня ужалила в руку. Кто-то неистово взвизгнул и побежал под деревьями, как ежи или барсуки бегают. Нет, не уйдёшь, думаю. Она через двор, — я за ней. Луна снова зажглась на небе, и я шагах в десяти увидел старуху-хозяйку. Она, сгорбившись, перескочила через лужу, обернулась, погрозила мне костлявым пальцем и шасть за дверь фанзы. Я к двери — она на запоре. Ворчит за нею кто-то и скребется у притолоки. Признаюсь, как-то жутко мне стало. Повернул я, и домой...

— А ты не врёшь? — усмехнулся Далибеков.

— Думай, что хочешь, а вот, посмотри, у меня на пальце два зуба словно отпечатались. До крови укусила, проклятая китаянка!

— Поделом, не ухаживай в потёмках! — сказал я.

— Ночью все кошки серы! — добавил есаул.

Мы вдосталь нахохотались над приключением Харченко, который никак не мог отличить дочку от старухи. Хозяйка наша, видно, зорко караулила красавицу. Далибеков был того мнения, что несколько золотых, до которых была падкой старуха, уничтожили бы всю таинственность этого приключения.

< >

VI. ВАФАНГОУ

< >

Южный отряд готовился перейти в наступление. Было раннее дождливое утро, когда командующий армией генерал Куропаткин временно прибыл к отряду. Закутанный в дождевой плащ, с капюшоном на голове, генерал в сопровождении свиты подъехал к своему казачьему конвою. Полусотня в папахах и серых шинелях отсалютовала, как один человек, и ряды шашек блеснули в утреннем тумане. Генерал поздоровался. Он пропустил мимо себя полк сибирских стрелков, которые лихо прошли, топая в манчжурском лёсе, превратившемся в болото. В грязи, по лужам полк проходил, как на параде.

— Молодцами идёте, ребята! — крикнул командующий.

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство! — весело грянули стрелки и, равняясь, пошли по дороге.

— Ну, с Богом! — тронул своего коня генерал Куропаткин.

Группа офицеров в плащах и капюшонах двинулась вслед за генералом. Длинной лентой потянулись казаки, и дождь закрыл их своей непроницаемой завесой. А войска всё шли...

< >

В лагерь под Вафангоу наш забайкальский полк прибыл поздно ночью, но уже на другой день мы были на передовых позициях и участвовали в кавалерийском деле под деревушкой Вафан. Это было у железнодорожного моста, где мы почти случайно столкнулись с японскими драгунами. Отступать было поздно, — они поневоле приняли бой. Увидев на дороге ряды синих мундиров с жёлтыми шнурками, я построил лаву, и сотня понеслась на японскую кавалерию.

Атака была стремительная.

Забайкальцы, внезапно сомкнув строй, с налёта бросились на драгун, но они не приняли удара и, как всегда в таких случаях, «шока» не произошло. Битва закипела кучками. Шашки скрестились, падали люди и лошади. То там, то здесь по полу раздавались отдельные выстрелы. Ругательства и дикое взвизгивание японцев сливались с гиканьем казаков. Жёлтая пыль облаком окутала битву.

Моя лошадь грудь с грудью сшиблась с лошадью японского офицера. Он отбил удар моей шашки, но тотчас откинулся назад. Казачья шашка проткнула его насквозь и впилась в хребет лошади. Передо мной мелькнуло жёлтое с чёрными усиками лицо японца,искажённое любой и ужасом... Справа и слева стучали сабли, слышались крики, стоны, конское ржанье. Японский

корнет – как мы потом узнали, Номура, – размахивая саблей, с кучкой драгун бросился на наших казаков.

– Прочь, оборванцы, прочь! – кричал он по-русски.

Двое забайкальцев уже свалились под его ударами, как вдруг вынесся вперёд наш урядник.

– Берегись, ваше высокоблагородие! – крикнул он и одним взмахом шашки отрубил голову японцу.

Голова скатилась вместе с фуражкой. Драгуны рассыпались по полю.

< >

На нашей позиции было тихо. В траве и воздухе слышался треск насекомых и какое-то тонкое, протяжное посвистыванье.

– Сильно обстреливают! – сказал я Харченко.

– В самом деле! – ответил я, опуская бинокль.

То, что я принял сначала за насекомых, были японские пули. Но кругом была такая утренняя тишина, так ясно светило солнце и пахла трава, что мысль о пулях не приходила в голову. Между тем они свистели всё чаще и чаще, изредка ударяясь о камни и срывая ветки кустарника.

Сухая ружейная трескотня «пачками» теперь была слышна невдалеке от нашей позиции.

Выдвинув цепь, я приказал открыть огонь.

< >

Работая штыками и прикладами, наши стрелки брали окоп за окопом. Но бригада, которая должна была поддержать удар стрелков, заблудилась среди сопок и опоздала в бой, а к японцам из осадной армии генерала Нодзу прибыли свежие части, и они-то неожиданно атаковали наш слабый правый фланг.

О происходившем бое на левом фланг мы имели только смутное представление по усилившемуся грохоту орудий и учащённой трескотне ружей. Казалось, что там гремела гроза и вспыхивали молнии. Харченко был уверен в победе и, указывая вдаль, говорил, что видит, как отступают японцы. Какие-то чёрные точки теперь, действительно, мелькали среди кустарников на противоположных сопках, но они скорее приближались к нашей позиции.

Рота, засевшая в овраге, открыла частый огонь. Неприятельские снаряды падали и рвались всё ближе.

– Скоро дойдёт и до нас! – подумал я.

Вдруг что-то тяжело охнуло. Большой чугунный мяч хлопнулся на вершину сопки шагах в пятидесяти от меня. Он весь дымился. Японская граната разорвалась с ужасающим треском, обдав нас тучей пыли, камней и осколков. Вывернутая в земле воронка разверзлась на месте взры-

ва и едкий, жёлто-бурый дым стлался по кустам. Двое моих казаков стонали и бились в траве.

– Носилки! – крикнул Харченко.

– Пачки, начинай! – скомандовал я, чтобы отвлечь внимание солдат.

Первый снаряд, первое раненые всегда производят тяжёлое впечатление. Потом оно притупляется, нервы привыкают, да и в пылу битвы некогда думать о смерти. Мне всегда казалось, что смерть всего ужаснее дома, в постели, а не на войне. Чисто физическое чувство ужаса проходит довольно скоро, когда надо действовать. Воображение не рисует мрачных картин и в сердце не закрадывается страх перед тайнами вечности. Смерть, стоящая лицом к лицу, не так и страшна, как та чёрная тень, что, склонившись у нашего изголовья, шепчет о темноте могилы и небытия. Только бы не умереть сейчас. Ничего нет обиднее и глупее, как быть убитым в первом же сражении.

Стоявший близ меня казак пошатнулся и я увидел, что серая рубаха на его спине покраснела густым пятном. Он выронил ружьё и пал наизнечь.

Носилки показывались всё чаще и чаще. Пока ещё успевали подбирать убитых. Их проносили мимо меня. Земляные потемневшие лица, как-то

беспомощно болтавшиеся головы и руки останавливали на минуту внимание, но я спешил отвлечься боевой тревогой. Японцы наступали всё ближе. Пули, казалось, наполняли весь воздух. С первичим звоном рвались шимозы, осыпая нас цеплым дождём свинца. Шрапнель лопалась то над самой головой, то где-то вверху, справа, слева, срывая ветки и каменья. Казаки стреляли залпами и в одиночку, поддерживаемые огнём роты сибирцев с ближайшей сопки. Теперь уже простым глазом было видно, как японские стрелки в чёрных мундирах перебежками надвигались из кустарников по горному склону. Чувствовалось, что нам не продержаться долго. Непривычные к пешему строю, казаки инстинктивно посматривали на лошадей.

< >

Дождь пуль и шрапнелей осыпал батарею и прикрытие. Близко разорвался снаряд, и две лошади у зарядного ящика осели на задние ноги, забиввшись в постромках. Одна свалилась на бок, и голова её вытянулась в луже крови. Новая шрапнель звонко лопнула над моей сотней. Свинцовый дождь брызнул как из лейки, и пули зашлёпали по земле.

«Мимо!» – подумал я. Но вдруг Харченко схватился за грудь, ахнул и покачнулся в седле. Два

казака подхватили его на руки. Я хлестнул лошадь и подскакал к хорунжему. Лицо Харченко было бледно, глаза полузакрыты, по его кителю лилась кровь.

«Господи, неужели убит?» – подумал я. Носилок нигде не было. Терёхин обхватил рукой хорунжего и, поддерживая его на лошади, осторожно стал спускаться с горы. Голова Харченко беспомощно лежала на плече старого урядника. Я махнул Терёхину рукой и молча вернулся к сотне. Страшная тяжесть давила моё сознание. «Убит!» – шептал какой-то голос, и в первый раз я почувствовал, какая привязанность закралась в мою душу. Неужели это была дружба, – до сих пор незнакомое мне чувство?

< >

По всей линии центра и правого фланга быстро отступали наша пехота и конница. Местами люди бежали, беспорядочно смешиваясь с лошадьми, осыпаемые рвущимися над головой шрапNELями. Слышались крики, стоны, отрывочная команда офицеров. Раненые падали под колыта мчавшейся кавалерии. Японцы, заняв оставленные нами позиции, осыпали долину, лагерь и станцию целым градом шимоз. Станция уже горела, зажжённая гранатой. Густые клубы дыма поднимались из-за построек. Лишь выходя из

области огня, роты стрелков и казачьи сотни снова строились и отходили в боевом порядке.

«Отступаем, отступаем!» — мелькнуло у меня в голове.

< >

Ко мне подошел французский военный агент в малиновом кепи и мундире со шнурками. Он улыбнулся, взглянул на сопки, где вспыхивали огни японских батарей и, протянув мне руку, сказал:

— Vous avez perdu cette bataille, parce que vous la voulu!*

< >

Наша сотня, батарея и рота стрелков, прикрывая отступление отряда, одна оставалась в долине перед лицом неприятеля. Орудия дымились от выстрелов. Японцы заняли близкие сопки, но, не решаясь преследовать, только осыпали нас шимозами и градом ружейных пуль. Их кавалерия даже не отважилась подойти к станции. Мои казаки, не сходя с лошадей более часа, стояли наготове у батареи и скучали бездействием.

Ничего нет досаднее, как праздно стоять под огнем. Я поднял бинокль, чтобы рассмотреть неприятельское расположение. Вдруг что-то силь-

---

* Vous avez perdu cette bataille, parce que vous la voulu!
— франц. — У вас серьезная рана на руке, и вы потеряли много крови. (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

но ударило меня в локоть, и левая рука моя повисла, как плеть. Тёплая кровь лилась под рукавом кителя. В первую минуту я даже не почувствовал боли. «Неужели ранен?» – подумал я, взглянув на руку. Она отяжелела и была как чужая. Я слез с лошади, велел казаку достать бинт и с его помощью тую перевязал руку.

Боль сделалась более острой, когда батарея снялась с позиции и мы поскакали вслед за нею по дороге к Сенючену. Я в последний раз оглянулся на зелёную долину Вафандоу. На крутой сопке за нашим покинутым лагерем теперь висился только одинокий деревянным крест, поставленный сапёрами на братской могиле убитых во вчерашнем сражении. Высоко на горе стоял он и словно осенял кровавое поле вафандоуской битвы.

Мысль о Харченко снова резнула мне сердце... По пыльной дороге, где шла наша сотня, зачастали первые крупные капли дождя, вызванного дневной канонадой. Сначала дождевые капли падали тихо и редко, как слёзы, которыми небо оплакивало безумие человеческих жестокостей и ужасы страданий тысяч павших в этот день, убитых и раненых, оставшихся на боевом поле.

< >

VII. ОТСТУПЛЕНИЕ

Наш южный отряд медленно отступал в глубину Манчжурии.

<...>

Под Гайджоу наша сотня расположилась на бивак. Сюда постепенно подходили отставные полки и стягивались затерявшиеся в горах Манчжурии роты. Отдельные кучки солдат, сбившихся с дороги, прибывали, разыскивая свои части. Понемногу всё приходило в порядок, полки собирались под знамёна, и южный отрядправлялся от нанесённого ему удара. На перевязочном пункте доктор осмотрел мою рану, покачал, головой и сказал, что рука пробита на вылет, с раздроблением кости. Может быть, придётся ампутировать. Мне сделали предварительную перевязку. Забинтованная, положенная на лубок рука страшно мне мешала при каждом движении. Лежать было трудно, и я сел на разостланной бурке.

На мокрой земле трещали бивачные огоньки, разведённые казаками. Сырой валежник больше дымил, чем горел. В темноте где-то фыркали привязанные лошади. Часовой с винтовкой тихо прохаживался взад и вперёд, посматривая в ночной туман. Дождь перестал, но чёрные тучи устилали все небо и вершины сопок казались ещё

мрачнее. Ночь словно вздрагивала при каждой вспышке огня, тени бежали дальше, снова сгущались и ползли.

<...>

Вероятно, я бредил, и у меня начиналась лихорадка. Вдруг часовой вскинул ружьё и неистово крикнул:

– Кто идёт?

«Кто идёт?» – откликнулись горные ущелья, что-то дрогнуло, отпрянуло в ночном тумане, и жуткая тишина снова охватила окрестность. Только шуршал колючий кустарник в поле. Часовой опустил винтовку и перекрестился. Уже начинало светать, когда я задремал на своей отсыревшей и влажной бурке. Знакомый голос разбудил меня.

– Ваше высокоблагородие! – говорил Терёхин, – насилу-то я вас разыскал. Этакая темень да путаница в отряде. Кого ни спросишь, никто не знает, где наша сотня. Часа два плутал по бивакам...

Я быстро вскочил на ноги:

– Что Харченко?

– Жив ещё, ваше высокоблагородие, только отходит! – тихо сказал урядник.

– Где он?

– Тут недалече, в фанзе мы его положили.

– Идём! – набросил я шинель на плечи.

Мы шли с четверть часа, пробираясь среди сидящих солдат, телег обоза, двухколок и коновязей. Наконец показалась одинокая фанза на краю дороги. Казак отворил нам дверь, и мы вошли в комнату, слабо освещённую керосиновой лампой. Харченко лежал на кане, покрытом циновкой. Он метался и бредил.

– Харченко, голубчик! – нагнулся я к нему.

– Вперёд, братцы! – крикнул он. – Рысью марш... с фланга обходят... японцы... сколько их... о, Господи! – Он застонал и вытянулся.

– Хочешь воды, Вася? – шептал я.

– Оставьте! умираю, братцы!

Вдруг он быстро поднялся на локоть, глаза его широко раскрылись и уставились в темноту.

– Святое знамя видишь? – проговорил хорунжий, указывая куда-то вверх.

– Харченко, Вася! – звал я его, не зная, что делать, чем облегчить умиравшего товарища.

Он словно очнулся и узнал меня:

– А, это ты, Ладогин... я, кажется, задремал. Что-то грудь теснит. Но какой странный сон я видел... Да, что такое? – провёл он рукой по лбу, будто припоминая. – Так, так! Знамя на сопке. Как жаль, что это лишь сон... Я тебе расскажу сейчас... Право, это было точно виденье, – ве-

щее, пророческое и прекрасное. Помню, в детстве я видел такие сны.

– Не говори много, Вася! – подал я ему воды. Он жадно отпил из кружки.

– Ничего! Мне теперь совсем легко.

И он начал отрывисто, задыхаясь, передавать мне свой сон...

<...>

– Да, есть вещие сны! – тихо проговорил я. – Твой сон, быть может, предвещает нам победу, подобно видению Пелгuya, который перед битвой Александра Невского со шведами увидел на море ладью, гребцов, одетых мглою, и двух лучезарных витязей,— Св. Бориса и Глеба в «ризах червлёных».

Мне хотелось утешить бедного Харченко.

– Победу?.. как понимать её? – слабо проговорил он. – Разве побеждают только те, кто наступит ногою на павшего врага? Христос победил, распятый на кресте. Над Ним ругались римские воины в претории, на Него надели терновый венец. Но разве Он не победил? Его учение завоевало весь мир и пред Распятым преклонилось тёмное язычество.

Кто знает таинственную судьбу нашего народа, этого вечного страдальца, перенёсшего на пути своём татарский плен, страшные бедствия

и великие несчастия? Быть может, новые испытания суждены ему и Святой Руси, истекающей кровью, покрытой ранами, в венце из терниев. Победа в самом подвиге, а разве не совершили мы его в полях Манчжурии, — мы, терпевшие столько невзгод и лишений, умирающие за родину и веру свою? Луч, а не меч побеждает. Мы — христиане. Харченко видел во сне святое знамя, веявшее победой над тысячами наших трупов... Умрёт и он... но кто знает судьбу войны и цели Провидения?

<...>

Харченко опустил голову и опять заметался на своем жёстком ложе.

Мы давали ему пить, он раза два взглянул на меня, что-то силился сказать и не мог выговорить. Вдруг бледные руки его поднялись, он заломил их, как от сильной муки, вскрикнул и протянулся... Его не стало.

Терёхин и казак тихо плакали в углу фанзы. Я встал, поцеловал в лоб Васю и вышел. Солнце уже поднялось над вершинами сопок и заливало светом долину, где строились наши полки. Солнце!.. а в моём сердце была всё та же зловещая ночь, полная смерти, ужасов и видений.

Утром мы похоронили Харченко.

<...>

VIII. ЛАОЯНСКИЕ ДНИ

<...>

Когда я вернулся в гостиницу, китаец подал мне письмо, – первое полученное мною в Манчжурии. Знакомый почерк... письмо от Лиды... Зачем? Я пожал плечами и, поправив абажур на лампе, принялся читать. Женские письма, кстати сказать, особенно письма жён, писавших моим товарищам-офицерам, до смешного сходны между собою. Разнились только факты, а манера, слог, стиль, – всё это было одно и то же. Офицеры иногда читали их друг другу, делясь своею радостью. О, эти письма из дому! – как многих они волновали на Востоке, какие проклятия сыпались на неаккуратность летучей почты! А жёны писали, что Коля хворал корью, Зиночка здорована и вчера «мы были у Ивановых». Милым, но однообразным, языком высказывались тревоги и опасения, тоска разлуки, печальная надежда увидеться через много месяцев. Посыпались сапоги и сигары. Спрашивали, не нужно ли нового кителя? – как будто можно было сейчас же получить ответ, когда письма шли целые недели. Сколько нежных забот, уверений и ласки! Сердце диктовало простые, милые строки, и всё же эти женские письма с успехом можно было читать одно вместо другого, не заметив различия подписи. Может

быть, супружеская любовь и семейная жизнь всегда однообразны, и человеческая чувствительность давно получила определённую форму несколько казённого образца. Может быть, женщины вообще ординарны? Не знаю, – но письмо от Лиды доставило мне случай полюбоваться оригинальностью, и развлекло меня более, чем я думал. Вот новый «плач Ярославны». Лида писала:

«Как поживает наш герой? – впрочем, герой не моего романа. Ты, вероятно, славно сражаясь на полях Манчжурии? Может быть, даже ранен... случайно. Ведь пуля – дура и, пожалуй, тебя заметит, отличив среди окружающих. Я кое-что знаю из газет о ваших подвигах. Отступление за отступлением, целый ряд позорных неудач, от которых краснеет русская женщина. Ты знаешь, что я не высокого мнения о твоей... о вашей храбрости. Мне было донельзя смешно, когда ты таким героем в папахе ехал на Дальний Восток. Ну, а как вернёшься: «со щитом или на щите»? Мне недавно попался хорошенъкий роман, который я часто пою:

*«Клянуся честью и мечом,
Вернусь к тебе из Палестины».*

И я вижу моего паладина в объятиях дев Востока. Хорошенъкие эти китаянки? Впрочем, не

подумай, что я ревную или скучаю. Я давно привнесла моего мужа на алтарь отечества – за полной ненадобностью. На тебе, Боже, что мне негоже. But for all women it is not an affliction to lose a husband. (Но для всех женщин это не несчастье потерять мужа. – Анг. **Прим. Вл. Кудрявцева**)

Дети тебя мало интересуют, и потому о них не пишу. Впрочем, никаких домашних несчастий не было. Мы поселились на нашей даче в Павловске, и весело проводим время. Есть новые знакомые, – некий художник Рубежсов, к блестящему таланту которого я положительно неравнодушна. Скажи, у тебя на войне никаких новых талантов не открылось? Положим, их никогда и не было, но ведь война родит полководцев. Сегодня утром мы гуляли с Рубежовым в парке. День был чудесный, на полянах пахло свежескошенным сеном. Я нарезала много цветов и поставила их в вазу на камине твоего кабинета. Как удивительно понимает Рубежсов все оттенки природы! От него не ускользает малейший переход в тонах зелени и неба. По вечерам я ему иногда пою из опер Гуно и Верди, или новые романсы. Он обещает за это написать мой портрет. Представь, он вовсе не находит, что я стара. Я, кажется, посвежела и похорошела на даче. К

тому же у меня теперь нет мужа и прочих неприятностей. За мной ухаживает даже старый граф Керстен, наш дипломат в отставке.

Графиня тебя помнит – не знаю почему. Она всё так же прелестна, но у неё сделались веснушки и бедная Элен в отчаянии: никак не может обойтись одной пудрой. Она всегда была врагом косметики и выписывала её вместе с духами Пивера.

*Ну, что бы ещё написать тебе? – «Je t'aime, ton heros!» – (Я люблю тебя, мой герой! Франц. – **Прим. Вл. Кудрявцева**) не могу. Раз только я вспомнила прошлое, – была ужасно душная ночь. Но когда у нас ночь, у вас на Востоке день, и мы не можем встретиться даже мыслями. Теперь ты, вероятно, благополучно пребываешь где-нибудь в штабе генерала Куропаткина или обедаешь с князем Андреем. Говорят, у вас весело, несмотря на неудачи русской армии? Управляющий выслал тебе три тысячи через Китайский банк. Конечно, ты скоро возвратишься в Петербург. Такому сибариту и эпикурейцу, как ты, манчжурский климат вреден. У тебя нет ещё насморка? «Кончаю – страшно перечесть». Мотыльки залетают на балкон и гасят свечу... бедные создания с обгоревшими крылышками, как у меня... Ну, до скорого свидания, рыцарь!*

Можете не писать по-прежнему. Я сегодня одна, и взялась за перо от скуки, вместо тамбурного крючка для вязанья, и оттого длинно вышло.

*Good bye! Yours affectionately, – (До свидания.
Твоя ласковая Лидия. – Анг. – **Прим. Вл. Кудрявцева**)*

Лидия.

P.S. Мне очень, очень тяжело, милый».

Приписка. Следы слёз или духов – что это значит? – подумал я, переворачивая исписанный мелким почерком листок.

Насмешки, дерзости, вызывающее кокетство – всё это в последнем стиле Лиды, но глубокий вздох в конце письма заставил моё сердце сильнее забиться. Неужели минувшее воскресает? Мы расстались после резкой и окончательно разъединившей нас ссоры. Даль, отделившая меня от России и моего дома, протекшее в тревогах войны время словно затуманили всё тягостное и дурное, что было между нами. Неужели заживаю раны душевые так же, как раны солдата? Любить её – какое безумие! Быть может, как все видевшие смерть вблизи, я просто испытываю страстную жажду жизни, её радостей и очарований?

Часть II

СЕМЬЯ И ПОЛК

I. ПАВЛОВСК

Наконец-то я на родине. В половине августа я приехал в Петербург и отсюда прямо домой. Жена поселилась на нашей даче в Павловске, так как управляющий имением написал ей об аграрных беспорядках в уезде. Подозреваю, что аграрные беспорядки откроются в счетах самого управляющего. Впрочем, я люблю Павловск и надеюсь отдохнуть в тени его старого парка. Наша дача «под Липками» долго стояла с заколоченными ставнями. О ней сложилась даже целая легенда. Мне что-то рассказывали о привидениях. Да, здесь бродят грустные воспоминания прошлого. Сумрак и тишина встретили меня в моём кабинете, прибранном незадолго до моего приезда. Только букет свежих цветов стоял на камине.

Смотрю в окно, выходящее в сад, и сердце сжимается странной грустью. Лиза сейчас прошла с детьми по цветнику и, улыбаясь, дружески кивнула мне головой. После моего приезда с войны она особенно мила, добра и любезна, хотя я чувствую, что мы ещё не вполне объяснились с нею. Что-то недоговорённое стоит между нами.

Её соломенная шляпка и высокая, стройная фигура мелькнули в конце аллеи. Она остановилась с книжкой в руках у скамьи и о чём-то задумалась, — может быть, о том же, о чём думаю я. Лида ещё более изменилась с тех пор, как мы расстались. Когда она проходила по цветнику, у меня явилось невольное сравнение. Что-то общее есть между ней и садом, в зелени которого уже чувствуется первое дыхание осени и кое-где показались жёлтые листья. Их немного, но они есть. Лида ещё красива, как осенние цветы, которым суждено поблекнуть. Иногда, в минуту душевного расстройства, она кажется сильно постаревшей. Такие несчастные минуты бывают у всех немолодых женщин, переживших тридцатипятилетний возраст. В гостиной, в ложе театра, при бальных огнях они ещё бывают ослепительны, и их можно принять за настоящих красавиц. Они умеют одеваться. Но где-нибудь в уголке сада, рядом с цветами и свежей зеленью, природа беспощадно обличает их недостатки, их годы и первые морщинки на усталом лице. На их месте я не показывался бы на летних пустантах.

После разлуки наше зрение становится остree. И я замечаю то, что прежде не так резко бросалось в глаза. Привычка к женскому лицу смягчает впечатление. Лида такая же смуглая,

стройная, какою была шесть лет тому назад, когда мы полюбили друг друга. В её густых чёрных волосах едва блеснула первая седина. Глаза и зубы у неё великолепные. Особенно глаза. В них много ума, блеска и силы характера, но ни одного луча той нежности, которая нам так нравится в женщинах. Выражение её глаз лучше всего, когда она сдвигает брови. Под её ресницами в такие минуты вспыхивает настоящая гроза. Но мне хотелось бы увидеть хоть клочок лазури. А когда-то, шесть лет назад, Лида была задумчивой и нежной, и я помню другое выражение её глаз... Мне кажется, что вместе с молодостью она утратила свежесть чувства. Прежнюю Лиду я вижу лишь тогда, когда она поёт. Один голос её сохранил гибкость, нежность и красоту, если только это не результат хорошей музыкальной школы. Образ Лиды мелькает передо мною таким, как я любил его, в одной музике, в знакомых сочетаниях звуков. Они словно эхо нашей прежней любви.

Лида вошла через балкон в мой кабинет.

– Ты не хочешь выйти к нам в сад? Дети так мило играют на лужайке. Я думала, ты об нас соскучился на Дальнем Востоке? – сказала она, садясь с зонтиком в руке у моего стола. – Не правда ли, я хорошо прибрала твою комнату?

Жаль, что ты поздно телеграфировал о своём возвращении. Я привезла бы ещё кое-что из города. Ты не находишь меня предупредительной?

— Напротив, радуюсь перемене твоего настроения, — сказал я, наклоняясь к цветам на камине.

Она посмотрела на меня и покачала головой:

— Ты никогда не понимал меня, Андрей!

— Ты думаешь?

Звонкий детский смех донёсся из сада. Лида улыбнулась и подошла ко мне, слегка дотронувшись до моего плеча.

— Как твоя рука?

— Видишь, я уже снял перевязь.

— Бедный мой герой! Знаешь, я никогда не ждала от тебя подвигов... Особенно героических усилий любить свою семью. Так, без манчжурской папахи и бороды, ты мне даже больше нравишься. Ты выглядишь вдвое моложе своей жены.

Она рассмеялась и поцеловала меня в лоб.

— Без тебя я жила в Павловске совсем соломеной вдовой. За мной даже ухаживали, как за вдовой, — граф Керстен, твой приятель, ротмистр Яновский, художник Рубежов, о котором я тебе писала, и ещё кое-кто. Ты не ревнуешь?

– Полну дурачиться, Лида!

Я не люблю в ней этого игривого кокетства, которое ей не свойственно.

На балкон был подан завтрак, и я предложил ей руку. Она насмешливо взглянула на меня, наклонила голову на бок и, придерживая платье, вышла со мной из кабинета. Мы сели за стол. Солнце искрилось в хрустale графинов, на серебре кофейника; из сада пахло цветами и душистой свежестью утра. Лида принялась делать тартишки.

– Ты не поверишь, как я отвык от комфорта в Манчжурии, – сказал я, взяв свой стакан. – Чистая, белая скатерть, салфетки, богемское стекло приводят меня в восхищение. Приятно вернуться домой, видеть милую хозяйку за столом, поцеловать женскую руку в кружевах, так заботливо наливающую кофе. Как всё это славно! Даже щипчики есть для сахара...

Лида весело улыбнулась.

– Я очень рада, что тебе нравится наш маленький завтрак *tete-a-tete*. Но разве не было женщин в Манчжурии?

– Китаянки не в моём вкусе.

– А я слышала, что вы недурно проводили время.

– В Инкоу немножко кутили, но я там не был.

Наш старый дворецкий Герасим в синей тужурке с ясными пуговицами, и столь же ясной улыбкой среди седых бакенбард, подал блюдо ростбифа. Он особенно старается мне угодить после моего приезда.

— Вот кто о тебе скучал больше всех! — смеясь, указала на него ложечкой Лида.

— Спасибо, Герасим! — улыбнулся я.

— Как же, батюшка Андрей Петрович, мы с барыней о вашей милости очень беспокоились!

— заговорил старик, наклоняя ко мне блюдо.

— Климат там, говорят, неприветливый, пули японские, и кушать нечего, кроме консервов. Мы все газеты читали. А уж как увидел я, что рука-то у вас на перевязи...

— Всё пустяки, старина! Дай-ка мне салат.

Герасим расчувствовался.

Прибежали дети с мячиками в сетке, и Лида должна была идти с ними в сад, чтобы решить какое-то важное недоразумение в игре. Она только что отпустила гувернантку и сама занимается с Ниной и Петриком. Лида — хорошая мать, но слишком нервна и несдержанна. У неёластный характер. Дети также нуждаются в ласке.

Кончив завтрак, я облокотился на перила балкона и закурил сигару. Мне было хорошо, но

чего-то другого я ждал дома, чего-то недоставало сердцу. В Петербурге, как я заметил, было тяжёлое настроение. Газеты приносили плохие известия. «Приумолкло на Руси веселье», как говорил певец Игорев, сеялись и росли усобицы, предчувствие какой-то новой беды стучалось в мою грудь. На офицеров смотрели недружелюбно, и родина встречала нас не как мать, а как мачеха.

<...>

Я боюсь воспоминаний, – они отравляют душу. И есть ещё волшебное искусство, способное воскресить по своей прихоти всё забытое. Это музыка. Песня, которую певала любимая женщина, заставляет опять переживать прежние чувства, едва её услышишь. Я не знаю большей муки, более жгучей тоски о том, что уже не может возвратиться.

<...>

Я рано женился, сильно любил, но счастье моё было коротко, как зимний день, лучи которого гаснут, едва зажгутся. Лидия была старше меня несколькими годами, и время с каждым днём усиливало эту разницу. Женщины стареют скорее нас, а жизнь не возвращает ничего, что ею разотнято.

VI. КТО ИДЁТ?

Центральная часть Петербурга, благодаря крутыму изгибу реки, образовывала как бы естественно-ограждённую позицию. Заняв мосты и перевалы по льду, войска могли изолировать город от буйных окраин с их фабричным населением, той «рабочей армией», которой для своих целей пользовалась революция. Несколько сот тысяч рабочих, собравшихся под красными и чёрными знамёнами, не могли бы выдержать боя с гвардейскими частями. Дружины в чёрных рубашках не были нам страшны. Вооружённый пролетариат впоследствии доказал в Москве всё своё бессилие, но войскам всё-таки приходилось держаться наготове. Мы охраняли город от возможного погрома, – город и общество, заплатившее нам полной неблагодарностью.

* * *

Но что можно было требовать от наших современников? Война, окончившаяся неудачей на Дальнем Востоке, казалась нам следствием «существующего режима», как будто неудачи не бывают при всяком режиме. У нас забывали историю, – колониальные войны могущественной Византии, терпевшей поражения, африканский поход Наполеона, последнюю войну Англии, которая не могла несколько лет справиться с малень-

ким Трансваалем. Дальность расстояния – вот что побеждает в таких войнах. Как участник кампаний на Востоке, я знал, что интендантство, санитарная часть у нас были устроены прекрасно, – не в пример сравнительно с Турецкой кампанией. Были недочёты в специально-военном устройстве, быстро исправлявшиеся на месте, когда мы усвоили рассыпной строй и маскировку орудий. Не доставало нам гениальных полководцев, но гении рождаются не каждое столетие. В этом была судьба, и Куропаткин недаром назывался роковым человеком.

Япония, благодаря своей близости, успела в короткий срок сосредоточить в Манчжурии пре-восходящую по численности армию, что обусловило ей победу. При чём тут режим? Русская империя помнила дни великой славы. Что значила одна неудача после ряда триумфов? Даже Севастополь явился в венце трагического героизма, а ведь Порт-Артур, подобно Севастополю, держался 11 месяцев, несмотря на свою изолированность от России и ужасающее совершенство современной артиллерии.

Что касается нашего флота, то нам никогда не быть морской державой. Для континентальной России, великого государственного поместья, не знающего чересполосицы, флот почти не нужен,

и мечта о нём Петра I были ошибкой гениального человека. Для нас достаточно береговой обороны, и наши моряки, как в Севастополе и Артуре, прекрасно действовали только на суше, потопив свои корабли.

Неудача Манчжурской кампании была лишь предлогом для революционных элементов страны дискредитировать империю. Раненая Россия стонала и, как на виновника бедствий, указывали на правительство. Революции деньгами помогала та же Япония, чтобы обессылить нас в самом отечестве. Подняли голову покорённые ино-родцы. Поляки снова мечтали о восстановлении «Речи Посполитой», Финляндия возвращала свои привилегии, поднимался Кавказ, – даже латыши грезили о какой-то Латышской республике, совершившем политическом нонсенсе. Наша интелигенция, воспитанная на либеральных западнических идеях 40-х и 60-х годов, искала спасения в конституции. Крестьянское малоземелье создавало почву для народного недовольства, – и тут был большой грех на душе наших агрономов и помещиков, ничему не научивших народ.

Но главную роль в нашем «освободительном движении» играло еврейство. Им был выдвинут ряд деятелей, направлявших Россию к государственной катастрофе. Эти деятели были в выс-

шёй администрации, в университетах, в литературе, в печати, захваченной евреями, – словом, всюду. Созданная евреями Марксом и Лассалем идея объединённого пролетариата и классовой борьбы вскружила головы полуграмотных рабочих и зелёной молодёжи. Утопия социал-демократической республики висела в воздухе. Анархия подняла свои чёрные крылья. Еврейские бундисты и масоны готовили в России тот же переворот, что во Франции. Конечно, евреи добивались не одного равноправия.

Это был всемирный спор между христианством и иудаизмом, между Христом и Мессией – Антихристом. Совершались события той мировой истории, которую мы зовём священной. Вставало с Востока и Запада всё враждебное христианству, – жёлтое язычество и красное, всегда революционное иудейство. Красный дракон Апокалипсиса подымал свои головы.

<...>

Искусство и наука служили менее всего Божеству. Держалась только здоровая, положительная Германия, переварившая поэтическую чуму Альманзора Гейне, и наша Русь, которую искони звали святою. На этот последний оплот православного христианства и цезаризма повело осаду еврейство.

Восточные язычники разбили Россию. С запада шла семитическая революция во всём своём многовековом опыте. Религиозные понятия народа разлагались. Горели церкви, разграблялись монастыри, чернь закуривала махорку от лампады икон. В искусстве давно царил декаданс, лишённый всякой морали, босяческий нигилизм Горького и анархические учения Льва Толстого. Слабая в то время власть колебалась, церковь безмолвствовала.

Антихристианское движение, казалось, совпало с небывалыми по ужасам войнами и геологическими переворотами. Незадолго до восточной войны были страшные землетрясения, – на Мартинике и у нас, на Кавказе. Я видел разрушение Шемахи. Со времён Помпеи мир не испытывал таких потрясений. «Адвентисты» проповедовали второе пришествие Христа. В самом деле что-то апокалиптическое происходило в мире и постепенно мой агностицизм переходил в веру.

Идеи нашего философа-мистика В.С. Соловьёва, предсказавшего неудачную войну на Востоке, служили для меня логическим оправданием. Помню, мы с ним читали «Антихриста» Ницше и тогда же В.С. Соловьёв задумал свой трактат об Антихристе, в которого он верил. Апокалиптический зверь из бездны в философском пред-

ставлении В.С. Соловьёва должен был явиться во всем блеске культуры и гуманитарных идей, дав человечеству фальсификацию христианской морали. Прекрасные идеи свободы, равенства, братства и общего материального благополучия порождали в массах только зависть и злобу, вели к террору и политическим убийствам. Поистине это была отравленная красота, поившая мир кровью. Несчастная, когда-то святая Русь, разрываемая на части, покрылась пожарищами и погостами.

Одна железная армия могла отстоять трон и церковь, и когда в безмолвии манчжурской ночи, а потом на заводе, окутанном метелью, часовой тревожно кричал: «Кто идёт?», – мне было ясно, что приближается под покровом ночного тумана. Таинственные тени выходили из темноты и теперь уже не были лихорадочным бредом расстроенного воображения. Они чудились не мне одному. Но я верил, что у России есть своя великая цель, своё историческое и национальное призвание. Она должна быть носительницей христианства и высоко поднять в мире св. чашу истинны».

<...>

1909 год

Почётный отзыв

Смысл бытия – в борьбе и вечном споре...

Владимир Шуф

...После Октябрьского переворота 1917 года большевики сделали всё, чтобы стереть какие-либо упоминания о Владимире Шуфе, пригвоздили к нему жупел черносотенца. Не потому ли в хранилище Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) некоторые его книги стояли с грифом «Не копировать»? [45] Несомненно, вместе с романом «Кто идёт?», была выдана чёрная метка и всему поэтическому наследию Владимира Шуфа.

LXXXIX
Революция

*Среди толпы бушующей народы,
Кроваво-красных, траурных знамён
Явились мне желанная свобода,
Мои мечтам когда-то милый сон.*

Обманчивый, о воле лгал мне он...
В огне зари, в пожаре недосвода
Она неслась, как буря, как невзгода,
И трупами был путь загромождён.

Полна убийц, служившая ей верно,
За нею шла, и кровь с мечей текла.
Кругом свершились казни без числа.

Она была, как ненависть, безмерна
И голову немецкую Олоферна,
Юдики да, за волосы несла.

Из сборника сонетов «В край иной...»

СИ КРЫСЫ

Разрушен дом, надежд моих приют.
Явились крысы — горькая примета...
Всю ночь они скребут, они грызут
И возятся в подпольях до рассвета.

Недесная, быть может, кара это?
Уже зияют дыры там и тут.
Хозяйство я завёл в былье лета,
Но иднёт всё, — скребут они, грызут!

*Как злые мысли, что порой ночною
Тихонько гложут бедный ум людской,
Они подсыпали счастье и покой.*

*По комнатам, обаятым тишиною,
Я слышу скрежет, всюду он со мною...
Зверьки привлекно тщета кончат свой.
Из сборника сонетов «В край иной...»*

Из сборника сонетов «В край иной...»
Однако самое время вернуться к Пушкинской премии.

Учреждённая в 1881 году Императорской Петербургской академией наук, она была самой престижной наградой. Вручалась раз в два года. В денежном выражении была трёх видов: полная – 1000 рублей, половинная – 500 рублей, поощрительная – 300 рублей. Полной премии удостаивались только поэты. Помимо денежного вознаграждения, соискатели могли рассчитывать на Почётный отзыв Комиссии по присуждению Пушкинской премии.

Тексты претендентов отбирались особенно тщательно и строго.

Творчество соискателей Пушкинской премии должно было отражать пушкинские традиции в русской литературе. Кандидаты утверждались на заседании Академии наук под руководством ве-

лико^{го} князя Константина Константиновича Романова (поэта «К.Р.»). Заседания проходили 19 октября – в день первого выпуска Царскосельского лицея.

...В 1909 году состоялось 18-е присуждение премий имени А.С. Пушкина. Среди прочих соискателей – А. Куприн, И. Бунин, В. Шуф.

В числе рецензентов – сам великий князь Константин Константинович Романов – президент Императорской академии наук. Константин Константинович, рекомендовавший включить Владимира Шуфа в состав претендентов на Пушкинскую премию, взял на себя критический разбор его книги сонетов «В край иной...». И не оттого вовсе, что состоял в личном знакомстве с автором, а потому, что сам был превосходным поэтом.

Книгу великий князь оценил, как «отрадное явление» в современной литературе. «Надо отдать справедливость автору, – его Муза отнюдь не страдает односторонностью; ...весь сборник отличается разнообразием содержания сонетов...» [46] Особой похвалы удостоилась поэма «Баклан». Сонеты В. Шуфа почётный академик Константин Романов сравнил со спелой пшеницей. Из двух сотен сонетов он выделил пятьдесят – «изящных по мысли и по изложению». «В наше ...время, когда истинная поэзия большая

редкость, нельзя не радоваться появлению хороших стихотворений, а такими следует назвать по крайней 50 сонетов книги «В край иной...». Если бы г. Шуф представал перед нами с одними этими 50-ю сонетами, мы должны были признать в нём истинного поэта...»

Признали. Сборник сонетов Владимира Шуфа «В край иной...» Комиссией по присуждению Пушкинских премий удостоился Почётного отзыва. Лауреатами же премии стали Александр Куприн, – за рассказы и повесть «Поединок», – и приятель Шуфа Иван Бунин, – за 3-й и 4-й тома сочинений.

...Осталось добавить, что сборник сонетов «В край иной...» Владимир Шуф посвятил Марии. Так и начертал на первой странице:

Педъ, Марія...

2011–2013 и 1970-й годы

Лунная ночь в Алупке и восход солнца над Коктебелем

Взошла луна. Горит венец богини.
Её мечты причудливый каприз, –
Вершины гор, теряя очерк линий,
Уходят вдаль. Чуть веет лёгкий бриз,
Морской простор весь в блёстках, тёмно-синий,
На берегу дорожка вьётся вниз.
Джалиты тень скользит в цветах глициний,
«Люблю, приди!» – вздыхает кипарис.
Беседку там закрыли сетью лозы,
И шёпот в ней, и шепчет тихо сад...
– Ну, поцелуй, Джалита, где твой взгляд?
Ужели ты стыдливее мимозы.
Как ночь темна, как сладко пахнут розы,
И как звенит весёлый хор цикад!

В. Шуф. Из сборника сонетов «В край иной...»

Ночь распластала над Алупкой расшитый се-
ребряными звёздами палантин, под которым, по-
ранившись о зубцы Ай-Петри, кровнеет тело
полной луны. Луна обронила на мускулистую
спину придревнувшего моря свою кровистую
повязку, и от скалы Айвазовского до горизонта
пролегла лиловая дорожка. А море в забытьи сна

причмокивает, бормочет, ворочается. Голоногий ветерок, шлётая по дорожкам парка, шаловливо ерошит пышно-золотые причёски деревьев.

Лунная ночь в Алупке! О, эта чудодейная, с чертовщинкою, лунная ночь в Алупке! Ничто никогда не сравнится с тобою:

Где тот поэт, что воспоёт тебя в стихах?!

Где тот художник, что передаст тебя в красках?!

Где тот композитор, что выразит тебя в музыке?!

Лунная, дивная ночь в Алупке. Именно в такую ночь совершаются самые невероятные поступки. Именно в такую ночь рождаются самые смелые идеи. Именно в такую ночь особенно сильно любится. Именно в такую ночь принимаются самые неожиданные решения.

Именно в такую ночь, когда я, захлёбываясь от переизбытка чувств, барабанялся-купался-плавал в лунной дорожке, красно-золотым шлейфом нисходящей за пепельную кайму моря, меня захлестнула мысль: а почему бы не рискнуть и не провести через украинских таможенников рукописный дневник Шуфа и две его прижизненные книги?

Если история появления у меня дневника Шуфа читателью уже известна, то про то, как я обзавёлся его прижизненными изданиями, необходим отдельный рассказ.

...После выхода в 2011 году первой книги о Шуфе мне позвонил старейший библиофил Санкт-

Петербурга, публицист, учёный, автор более ста книг и учебников по стандартизации Игорь Кузьмич Григорьев и признался, что будет рад подарить мне из своей уникальной библиотеки прижизненные издания Шуфа. Так книга прозы «Могила Азиса. Крымские легенды», 1895 г. издания, и поэма «Баклан» – в брошюре приложения к журналу «Вестник Европы» за август 1892 год, стали моими.

...И теперь вот эта лунная ночь в Алупке – жёлтая, с красным отливом, луна! Яростная, как стальной меч. Загадочная, как дыхание моря. Манящая, как женское тело...

...Книги я провёз (дневник провозить не рисковал) через двойной кордон украинских таможенников благодаря невольной помощи моей соседки с нижней полки. Той самой, с которой украинские прикордонники слупили 2 тысячи рубликов из-за отсутствия у неё сертификатов на еду.

...А Ялтинский историко-литературный музей пополнился «Могилой Азиса. Крымские легенды» и поэмой «Баклан».

Восхищённый своим благородным поступком, но в то же время снедаемый укором совести за передарение (подарил подаренное), я направился к дому Сергея Корниенко. Острая потребность разделить с другом восторг собою подгоняла меня. Сергей выслушал меня и не только одобрил мой порыв, но с радостью вошёл в моё положение.

Говорят, что выпить хочется только в двух случаях: когда есть деньги, и когда их нет... Какое жуткое заблуждение! У русского человека нескончаемое множество причин захотеть выпить.

Опростав с Сергеем баклагу изумительно вина (умеет, чертюка, добывать вино прямо с завода!), одобрив его сценарий проведения «Праздника Нептуна» с отдыхающими, я объявил, что мне необходимо «проникнуться» Владимиром Шуфом. «Ты должен ехать на такси» – поставил условие Сергей. Не знаю, как он проинструктировал водителя, сколько ему заплатил, но таксист вёз меня до Поликура по улицам Ялты как самый драгоценный груз, да ещё и заверил, что будет ждать у ворот кладбища моего возвращения.

...Над Поликуром синело промытое вчерашним дождичком небо. Лучи круголицего солнца стегали спину. Но дневная ярь уже сдавала свои позиции: над горами, влекомые ветром, волновались восковые облака; жемчужная бровь горизонта потускнела.

...Шуфом я не проникся. Какое может быть «проникновение», когда загублена, уничтожена сама *атмосфера* кладбища, его *содержание, настроение, задумка*?

...К ялтинскому автовокзалу я спустился, когда умаявшееся за день солнце начало сваливаться с неба и уходящий ко сну день выкатил дозре-

вать на серовато-синие блюдо небес бледно-жёлтую тыкву луны...

В былые годы ялтинский автовокзал славился гостеприимством. Во всяком случае, возле него можно было отдохнуть, провести спокойную ночь, встретить рассвет.

Нынче же... Нынче же народ охамел, и потому – упаси Боже! Редкий храбрец решиться на такое романтическое предприятие. Нынче русло некогда успокоительно журчащей речушки Дерекойки до невозможности загажено, превращено в ночлежку, в штаб бездомных, источающий нестерпимую вонь. Колорита добавляют полу-криминальный ресторан «Горец» и стыдливо притулившийся к нему вечно закрытый туалет.

Не удивительно, что приезжане, среди коих немалое число самых отчаянных романтиков, под любым предлогом спешат покинуть столь злачное место. А раньше! Ах, как было раньше! Если что – у меня всегда было, где переночевать в Ялте. Но случалось, что несколько раз я шёл на поводу своей прихоти и коротал ночь на автовокзале. Какие картины я наблюдал! какие знакомства заводил! какие разговоры вёл!

...Пока переполненный автобус, скалясь клыками фар, натужно урча, тащился до Алупки, вечер расплескал чернильную темь, тыквина луны

дозрела и запламенела светло-лиловой, с красноватым отливом, корочкой.

Такая же луна случилась и тогда, много лет назад.

...Ночь разметала над Алупкой свои духмяные космы. Над трезубой короной Ай-Петри зреет красно-золотистый бутон луны. В бездонной вазе агатового неба покачиваются пышные букеты звёзд. Над морем, воркуя, вальсирует ветерок, и море кокетливо рукоплескает его незатейливым па, окатывая тёплыми волнами озябшие пятки берега. Прогулочные теплоходы надели на лоб горизонта диадему трепетно мерцающих огоньков. Рассевшись амфитеатром на деревьях, кустарниках, траве, цикады, готовясь к концерту, настраивают свои цимбалы. Томно вздыхают кипарисы. Под атриумом Чайного домика всеми клапанами плачет-рыдает-смеётся-взывает флейта...

В такую лунную ночь хочется лишиться разума, хочется перестать быть пресловутым венцом природы, а хочется слиться с природой, отдаваться ей, раствориться в ней, стать её энергией, её душой, её мелодией...

С Ай-Петри луна соскользнула, чудной

Русалкой упала под мыс Ай-Тодора...

Голицын в том час с баронессою Крюндер

В ночных пребывали объятиях моря.

Мистик известный, князь не был повесой

*Будуши светочем общества библейских,
Но, очарован луной – баронессой,
Затрепетал, как ставрида на леске.
Разум становится бледным и скудным –
В сердце гаремный врывается выбор:
Слева – русалка, а справа – Крюндер.
Жребий приятный Голицыну выпал –
Под Ай-Тодором тепло и уютно...
...Князь из библейского общества выбыл.*

Владимир Иванов. «Голицын и Крюндер»

...Та ночь у моей подруги была первой в жизни лунной алупкинской ночью. Как и поездка на Южнобережье. Вчерашняя школьница из смоленской деревушки, девчушка, которой едва-едва исполнилось семнадцать лет, впервые видела эти горы, это море, эту луну, эти звёзды, эту ночь, эти прибрежные скалы.

Та лунная ночь в Алупке решила всё. Мы – купались: я в костюме Адама, она – в костюме Евы. Моя подружка, выскользнув из объятий моря, стояла на скале, отдав себя поцелуям захмелевшего ветерка; луна алмазила её цветущее, манкое тело, и я, плавающий недалеко от скалы, вдруг остро, до сердечной истомы в груди, осознал, что именно эта девчушка ниспослана мне судьбой, что именно ей, и только ей, суждено быть матерью моих детей, что именно эта девчушка...

Кто-то невероятно мощный вынес меня из воды и поставил рядом с подружкой. Она, в прозрачном, оранжево-розовом пеньюаре, наброшенном луною, ойкнула от испуга и рефлективными движениями, коими от рождения наделена всякая женщина, попыталась прикрыться руками. И в этой её попытке было столько вселенской чистоты, беззащитности, девственности, что я, почти обезумивший от нахлынувшей на меня чувств, схватил подружку, поднял на руки, прижал к груди и задохнулся от нежности к ней. Нежность переполняла меня, рвала каждую клеточку, каждую жилку моего тела. Нежность эта была столь огромна и всепоглощающа, столь неизъяснима и обезоруживающа, что по моим щекам покатились ...слёзы. То были удивительные слёзы! То были слёзы познания себя, подружки и чуда любви. Слёзы веры в жизнь и в наше будущее. Слёзы отчаянной радости земного пребывания...

... Через год моей подружке исполнилось 18, и мы пошли по жизни вместе.

Ах, эти умопомрачительные лунные ночи в Алупке!

Вы завораживали Пушкина, Лермонтова, Шуфа.

Говорят, что полнолуние считается временем артистов – в лунные ночи концерты проходят с особым успехом. Возможно, потому во времена Шуфа в такие лунные ночи в Алупке устраивали музыкально-поэтические концерты. С террасы Ворон-

цовского дворца далеко над парком разносился бас Шаляпина, порхало лирическое сопрано Евгении Мравиной, гремели наполненные мятежным пафосом фортепианные рулады Сергея Рахманинова; возмущала своими эпатажными стихами Зинаида Гиппиус и будоражил своими «солнечными» – «солнцепоклонник» Константин Бальмонт...

...«Чудные чары лунных ночей в Алупке, чудные чары лунных ночей в Алупке» – выкабличивали вагонные колёса. Они мчали меня домой. Возвращенье к семейному очагу – это лучшее из всех возвращений.

...Известно – грядущего не ведает никто, но мы можем предположить, каким оно будет – по уже прежде минувшему, по когда-то уже бывшему.

Я же – не внял. Не осознал. Не прислушался. Я – расслабился.

А впереди была – граница. И главным было – безболезненно пересечь её. На границу мы приезжаем ночью. Весь сон – наスマрку. В последние годы украинских погранцов и таможенников усилили собаками и психологами. Представьте ситуацию: украинский прикордонник проверил ваши документы; митник – чемоданы; собака обнюхала вас, ваши вещи, постель, присела и поедает вас глазами, в это время, не сводя с вашего лица раздевающе-пронизывающего взора, домогает вас пустыми вопросами дивчина-пси-

холог. Итак: чужая, враждебная, украинская ночь; вагон; псина, расщепив пасть, вывалив язычину, учащённо дышащая, поедом пожирающая вас своими бельмами; психолог с обнажающе-ледяющим взглядом... Как тут не запыхаешь?

И вот она – Казачья Лопань. Над мною нависли четыре украинских хлопчика, дивчина и собака. Протягиваю паспорт, миграционную карту на выезд, на лицо набрасываю улыбку.

– Чьё это? – взгромоздившись ногой на приставную ступеньку, указывает на третью, багажную полку, один из хлопцев.

– Моё, это картина, – отвечаю.

– Разверните.

Беру со столика перочинный нож, разрезаю скотч, снимаю картонную упаковку и одновременно поясняю:

– Это восход солнца над Коктебелем. Я...

– Не положено! – обрывает меня митник.

– Что не положено?! Восход солнца над Коктебелем!? – но сообразив, что шутка может обойтись мне дорого, меняю интонацию:

– Этот пейзаж работы современного уличного художника ценности не представляет, я купил картину в ялтинском художественном магазине на ул. Пушкина, у меня и чек есть...

– Как это не представляет ценности?! – возмутился таможенник. – Вы же её купили?! Значит, для

вас она – ценность. Во-вторых, это есть произведение искусства, достояние Украинской республики, а, значит, вывоз его в другое государство запрещён.

Я – онемел; меня обезъязычил инстинкт само-сохранения. Он же не дал мне дербалызнуть картину о колено. Уничтожь я «Восход солнца над Коктебелем», объявленный достоянием Украинской республики, и не трудно догадаться, каким был бы для меня приговор моих братьев-славян.

Такова уж славянская натура: вчера ты с ним дружил, клялся в любви, верности, сегодня хочешь намылить ему морду за вчерашнее, завтра расцеловать за то, что он сделал сегодня.

Как тут не согласиться с Антоном Павловичем Чеховым: «Хохлы упрямый народ; им кажется великолепным всё то, что они изрекают, и свои хохлацкие великие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом».* Чехов знал, о чём говорил – сам был (по собственному и неоднократному признанию) на четверть хохлом.

– Безобразие! Обнагели! Куда только наше правительство смотрит! – завозмущались пассажиры то там, то здесь, когда погранцы и митники покинули вагон.

---

* Из письма Чехова А.С. Суворину. 1893 г., 18 декабря, Москва.

1909 год

Юбиляры

22 января 1909 года Владимиру Александровичу Шуфу исполнилось 44 года, а трёх днями раньше, 19 января 1909 года творческая общественность Петербурга отметила 25-летие его литературной деятельности. К юбилею поэт подошёл не с пустыми руками. Две книги художественной прозы: «Могила Азиса. Крымские легенды» и роман «Кто идёт?», книга художественной публицистики «На Востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне», огромный роман в стихах «Сварогов», книга «Крымских стихотворений», вобравшая в себя 76 юморесок, 25 песен крымских татар и сотню прекрасных лирических стихов. Ещё в активе Владимир Шуфа были поэмы «Баклан», «Царство снов», «Чабан», «Гибель Шимахи», поэма в септинах «Гортензия», рассказ в стихах «Постой», книга изумительных сонетов «В край иной...», драматическая поэма в 4-х действиях, пяти картинах «Рыцарь-инок», басни и, наконец, сотни и сотни статей, репортажей и корреспонденций едва ли не в трёх десятках газет и журналов.

А впереди ещё будут «Записки о русско-японской войне» (1910 г.), сборник стихов «Гекзаметры» (1912 г.)

…Вечно стеснённый в средствах, видимо по этой причине поэт не мог снять большого помещения, – чествование проходило в только что отстроенном после пожара ресторане Контана [47]. Заведение располагало небольшим, до сотни человек, залом, носило имя владельца – Альберта Контана – и славилось французской кухней. «Исторический вестник» [48] писал: «...На банкете собрались многие представители нашей современной печати, товарищи по изданиям, где ныне работает юбиляр, читатели его таланта и знакомые. Банquet прошёл оживлённо, весело и шумно, было произнесено немало застольных речей и высказано симпатичному писателю много задушевных пожеланий и приветствий».

Не берусь утверждать о присутствии на юбилейных торжествах Шуфа самого А.С. Суворина, но о пребывании Шуфа на юбилее Алексея Сергеевича известно доподлинно. Ремарка – говоря о Владимире Шуфе, сотруднике самой влиятельной в России газеты, преступно умолчать о создателе и владельце этой газеты, столпе российской журналистики Алексее Суворине.

…Празднование 50-летия суворинской литературной деятельности состоялось 27 февраля 1909

года. Началось оно утром в типографии «Нового времени», в классе школы при типографии. От императора Николая II был прислан кабинетный фотографический портрет Его Величества в драгоценной раме с собственноручной подписью: «А.С. Суворину, честно проработавшему на литературном поприще в течение 50- лет на пользу родной страны».

Ко второй половине дня торжества переместились в Дворянское Собрание, где собралось свыше 4 тыс. человек.

С середины XIX до первого десятилетия XX века имя Алексея Суворина гремело по всей России и Европе. Основоположник отечественной журналистики, патриот, государственник, общественный деятель, поборник свободы, он был настолько значимым и авторитетным в России и Европе, что представители правительства и прочие государственные мужи спешили засвидетельствовать своё уважение юбиляру.

Тысячи телеграмм и писем со всей России и Европы; 80 депутатий; военные, артисты; художники... Оглашение поздравительных телеграмм, писем и адресов, вручение подарков, наград и произнесение речей затянулось на несколько часов. Но мы, читатель, ограничимся выступлением члена Государственной Думы Н.П. Шубинского:

«Все мы с ранних лет жизни воспитывались в идеалах свободы. Свобода воспевалась в прозе, в стихах. На театральных подмостках герои, получая нас, боролись и умирали за неё. Свобода являлась заветной мечтой, конечной целью наших желаний, нашей обетованной землёй. Мы ждали, что придёт она, одетая в белые пелены, с лу-чезарным венцом на голове, и принесёт в нашу жизнь все лучшие духовные блага: даст нам мир, спокойствие, общую любовь, братство, справедливость... И мы ужаснулись, когда она явилась перед нами истерзанная, покрытая багряницей, отливавшей пожарами, кровью, когда она принесла нам ужасы гнева, ненависти, насилия и убийств. Мы ужаснулись ей, и в наших глазах мрак печали и ужасов окутал русскую жизнь. Эта тяжёлая эпоха имела своих глашатаев, своих герольдов, своих проповедников. Разгоряченные страсти чуть не в первую линию выносили их на арену публичного внимания. Вы не убоились уступить им минутное торжество, минутное первенство – и стать вместе с нами в ряды отсталых. Вы не разукрасились ни красными флагами, ни зелёными кокардами: вы, как вековой утёс, среди величайшей бури остались верны себе. Буря пройдёт, море уляжется, и утёс по-прежнему будет господствовать над ним. Вы не убоились тогда сказать слова правды, призвать

к порядку, напомнить о великих национальных и исторических основах государственной жизни. Вы были маяком в тяжёлую ночь, когда мрак окутал русскую жизнь, когда не было ни святых, ни человеческих законов, которые не попирались бы дерзновенными кликами минутных вдохновителей народных масс. Вы из первых угадали, что, перестав быть целью и сделавшись средством, свобода для блага страны должна стать достоянием народа, подготовленного понять её – понять не только в смысле огромных прав, какие она несёт, но и ещё больших обязательств в отношении других, какие налагает она. В руках подготовленного народа всюду свобода источник величайших благополучий; в руках не подготовленных – источник великих горестей и зол. Наши мысли направлены сейчас сделать всё доступное нашим силам для подготовки народа к восприятию всех свобод для мирного благополучия и счастья всех людей. Мы чувствуем, что на этом пути вы идёте рядом с нами, иногда опережаете нас. Но вы поучаете, а мы делаем. Так и должно быть. И мы верим, что на этом пути вы окажете новые великие услуги нашей стране вашим несравненным талантом, вашим полувековым опытом, вашим великим благородствием, вашей вдохновенной мудростью. Да процветут ваши силы». [49]

В 2001 году в городе Воронеже в изд. им. Е.А. Болховитинова вышла книга «Телохранитель России». А.С. Суворин в воспоминаниях современников». Составитель сборника С.П. Иванов в предисловии, в частности, пишет:

«Нас уже приучили к мысли, что невозможно, не позволено быть в России одновременно русским, честным и богатым. Преуспение и русское национальное дело стали несовместимыми. И не потому, что нет в нашей стране предприимчивых русских людей, добившихся выдающихся успехов. Просто каждый русский успех, только-только он наклоняется, хоронится интерпретаторами. Целая свора штатных критиков создаёт общественное мнение таким образом, что опять на виду русская глупость, а коренной русский ум загоняют в подполье. Такое положение дел сложилось не сегодня и не вчера. Вспомним Гоголя, его второй том «Мёртвых душ», попытку создать положительный образ русского помещика, умного, предприимчивого. Гоголя затравили критики, объявили заблуждением сам поворот писателя к охранительной идеологии. А ведь из помещичьих усадеб вышел весь цвет русской культуры. Но наши интерпретаторы десятилетиями твердили юношеству, что русский помещик – это обязательно Ноздрёв, Собакевич или Обломов. Более близкий пример – «производственные» ро-

маны Максима Горького. Образ русского промышленника и предпринимателя был надолго оклеветан, искажён. И непонятно, откуда шились высокие темпы промышленного роста в России на рубеже XIX и XX веков Собственно, книга эта о русском успехе, о человеке, который, родившись в крестьянской избе под соломенной крышей, стал одной из центральных фигур русской истории в конце XIX в начале XX веков, создал единственную в своём роде национальную газету «Новое время», с таким уровнем русской журналистики, который и по сию пору является образцовым.

Успех «Нового времени», успех Алексея Сергеевича Суворина был именно русским успехом. И сам он неоднократно подчёркивал, что, не презирая никого, «надо быть русским». Великий труженик и патриот Суворин знал беды и болезни России. «Мы слишком ушли в теории и оставили жизнь. А она требует энергии и воли», – писал он в одном из писем. Алексея Сергеевича укоряли в том, что его газета представляет и прославляет «психологию успеха». Почему же в тогдашней России успех был бранным словом? Ведь это был успех разбуженной реформами 1861 года трудовой России, успех средних и низших слоёв русского общества, кровно связанных с русским крестьянством. Это был успех той России, которая верила в Бога и трудилась. Не упала на

внешние перевороты, а твёрдо знала, что лучшая жизнь – результат постепенного, кропотливого труда. В этом смысле постепеновцем был и А.С. Пушкин, который писал, что самые прочные изменения к лучшему суть изменения нравственные. Об этом и «Заветные мысли» великого русского учёного Д. И. Менделеева. В этом ряду стоит и А.С. Суворин.

Он сожалел о трагической и преждевременной кончине Столыпина, который смог бы «вбить в русскую землю конституцию. И то национальное чувство, которым был полон». Именно для трудовой России Столыпин просил двадцать лет покоя. Но покой в стране уже был невыгоден многим и многим.

Суворин видел, что русская революция поднимается на плечах «бездарных профессоров, не признанных артистов, несчастных литераторов, студентов, не окончивших курсы,.. людей с большим самолюбием, но с малыми способностями, с огромными претензиями, но без выдержки и силы на труд». Он прекрасно понимал тактику левых сил: «Или всё, или ничего – чем хуже народу, тем лучше революции». И стоял за русские начала, за русское по своим стремлениям правительство, против «разбойников» и «разрушителей». Один из немногих, Суворин предчувствовал катастрофу 1917 года, ясно видел тех,

кто приготовляет её сознательно и бессознательно, разоблачал и тех, и других.

История газеты Суворина – это история борьбы с «талантливым русским кутежом». Именно потому, что «Новое время» разоблачало этот «кутеж», Суворина ненавидели. Его травили либералы, социалисты, правительственные лица. Но газета опиралась на растущую, новую Россию и была сильна поддержкой массового читателя. Об утёс «Нового времени» разбивались со злобным шипением грязные волны либеральной публицистики. И в то же время газета была островом, где могла бы реализовать себя охранительная журналистика.

Василий Розанов, разоблачая миф о страданиях левых и либеральных литераторов, указывал на трагическую судьбу Константина Леонтьева, которого тогдашняя «журналистика «казнила» и «погребала» просто оттого, что он не отрёкся от России и не побежал за немецко-еврейской социал-демократией». <...>

Надо ли объяснять, почему сразу после смерти Алексея Сергеевича Суворина враждебная «Новому времени» печать взяла на вооружение, по словам Розанова, лозунг: «Проклинай, ненавидь и клевещи!»

Статьи-пасквиля был посмертно удостоен Суворин и от «воождя мирового пролетариата». В

1912 году по случаю кончины редактора и издателя газеты «Новое время» в «Правде» появилась публикация В.И. Ленина с характерным названием «Карьера». Вождь не поскупился на эпитеты, тем самым дав основание своим последователям долгое время замалчивать и исказжать подлинные заслуги Суворина перед Россией. Ленинские инсинации, его фанатичное злорадство по поводу ухода со сцены его идеологического, самого, может быть, умного и опасного противника, повторяют, к сожалению, и современные историки.

<...>

Но вернёмся, читатель мой, в Петербург, в ресторан «Медведь», где 27 февраля 1909 года юбилейный день продолжился ужином на 500 персон [50] и закончился в шестом часу утра кантающей музыки М.М. Иванова на следующие слова Владимира Шуфа:

*Светлой цветенанной славой,
В царстве безвестном дотоль,
Правил своею державой
Старый и мудрый король.
Грозен он речью громовой,
Внележит твой речи земля.
Властно правдивое слово —
Блещущий меч короля.*

Мчатся послушные стрелы,
Слову весь мир покорён,
Царства все ѿще пределы,
Гордо возвысился трон.
Солнце взошло величаво,
Будемте солнце встречать!
Славься шестая держава,
Слава Суворину, слава!
Славься им наша печать!
Сердцем свой край возлюбивший,
Верный отечества сын,
Ты – полстолетья служивший,
Русской земли исполин!
Скипетр железный взяв в руки,
Пворчеством ты вдохновлён.
Ты для искусств и науки
Светлый открыл Пантеон.
Даф твой высокий бесспорен,
Палон живой он любви –
Славься вовеки, Суворин,
Долгие годы жиши!
Солнце взошло величаво –
Будемте солнце встречать!
Славься, шестая держава,

*Слава Суворину, слава!
Славься им наша печать!*

Правда, кантата прозвучала уже в отсутствии юбиляра – утомлённый старик Алексей Суворин покинул торжества в третьем часу ночи.

Это было не единственное посвящение поэта журналисту, драматургу и создателю Малого (Суворинского) театра. 1 мая 1908 года на 40-летнем юбилее театрально-критической деятельности Алексея Сергеевича был прочтён следующий сонет Владимира Шуфа, посвящённый юбиляру:

*С Акрополя, когда алея закат,
Сходил я, помню... Гору золотила
Игра лучей вечернего светила,
Огнём зали храм Феба был обдят.
Я видел сцену, греческих арок ряд.
Здесь был театр. Но память сохранила
Среди камней разбитых колоннад
Трагедии Софокла и Эсхила.
Искусство вечно. Творил ты нам
О творчестве, о тайнах вдохновенья —
И были образцом твои творенья.
Пример высокий — ряд прекрасных драм.
И мнился мне в пыли, из разрушенья
Возник опять театр светлый храм.*

Мы же, читатель мой, когда мы мечемся в поисках русской идеи, должны знать, что более ста лет назад определил её нам Алексей Суворин:

«Пусть русский человек не обнимет всего человечества – это не беда и человечество в этом никако не нуждается. Но пусть он сосредотачивает в себе Россию, её нужды, её потребности, её исключительность даже, и за это борется. Для этого одного необходима вся его энергия, всё его мужество. Если бы он напряг это вдесятеро, во сто раз, то и тогда он не исчерпал бы всю нужду, которая стоит перед ним и ждёт помощи. Когда ещё будет тот излишек, который мы вправе расходовать вне России, сказать трудно. Но пока – всё для России и только для России».

Вот она, читатель мой, самая что ни на есть, русская идея. И на сегодняшний день, и на многие будущие дни и годы.

Но будет нечестно и непорядочно с моей стороны, если я утаю от читателя ещё одно назидание великого патриота России:

«Россия освободила славян, поставила их на ноги, предоставив им самим развиваться. Благодарны ли они, или нет, безразлично: Россия, как любящая мать, радуется их успеху и прогрессу, и если они на своём пути встретят такое препятствие, которое не по силам им одним преодолеть, Россия непременно придёт им на помощь».

S.PETERSBOURG,
1909

...Сердцем свой край возлюбивший,
Верный отечества сын,
Ты - полстолетья служивший,
Русской земли исполин!

СУВОРИХ
Алексей Сергеевич

50 лет
литературкой
деятельности

ресторан
“МЕДВЕДЬ”

25 лет
литературкой
деятельности

ШУФ
Владимир Александрович

ресторан
КОЖАЛ

“В край иной...”. Если бы г. Шуф предстал перед нами с одними этими 50-ю сонетами, мы должны были бы признать в нём истинного поэта...

Павловск, 29 декабря 1906.

1912 год

Как было отмечено выше, в 1912 году русская поэзия приросла гекзаметрами Владимира Шуфа. 75 прелестных стихов, больших и малых, автор посвятил Николаю Энгельгардту [51]. Но – не в посвящении суть. Поэт подтвердил, что он – крупный мастер слова и что его пронзительно сильная поэзия не оставляет равнодушным.

В письме к Шуфу Николай Энгельгардт писал [52]:

«<...> Вы взяли древний гекзаметр и окрылили его рифмами на концах и на цезурах. Вы надели золотой пояс и золотые цепи на вольного сына Эллады... <...> ... золотые кольца-рифмы на ваших гекзаметрах красивы.

Вы... поставили рифмы в закон ваших гекзаметров и, сохранив ему античную пластичность, придали ещё романтический блеск и перезвон. В гекзаметрах, посвящённых словью, с помощью внутренних рифм вы разложили каждый стих в сочленённую строфиу и, действительно, передаёте тройственные колена соловьиного посвиста, полного томления любви. Мне кажется, что и порывы

страсты, и картины природы, и буйство стихий, и одухотворённое стремление к иным мирам, порывы духа из оков земной плоти, – всё передаётся мелодией вашего гекзаметра при единстве метра с виртуозным разнообразием. Я бы сказал, что самый гекзаметр у вас подобен упорной нити утка, извивающейся в богатых вышивках и соединяющей все их подробности в гирлянды.

...Вовремя ли вы издаёте свою книгу? <...> Более ли готово теперь общество выслушать ваши «Гекзаметры»? Казалось бы, в наши дни попрано всё святое. Грязь и кощунство, судороги самоубийц и кривляния политических паяцев – вот что наполняет проходные дворы жизни. Но в её кельях таятся уединённые души, молитvenные души. К ним и постучится ваша книга... ляжет там, среди любимых творцов, и скажет: А вот и я...

...Молодые и старые глаза отшельников жизни будут читать вашу книгу; молодые и старые сердца отзовутся на её певучие строфы, а улица... будет реветь за стеной глухонемым демоном хаоса».

Впрочем, пусть читатель мой досужный не сочтёт за труд и прочтёт пару-тройку гекзаметров.

XXXVI

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

*Ненависть, дружбу, любовь
в свой черёд мы с тобой пережили.*

Ныне мне мир приготовь, —
отняла его прежде не ты ли?
Знойно узнали мы страсть,
поцелуй, блаженство обаяний...
Счастья нам данную часть
мы купили ценой проклятий.
Ревность, обида измен, —
и любви членавшей не стало.
Ненависть шла ей взамен
и друг друга щадили мы мало.
Так же терзали порой
мы друг друга, как прежде любили.
Злобной напомнилась игрой,
разошлись мы, но не забыли.
Жили мы долго вдали,
ненавидя взаимно друг друга.
Дни испытания прошли
и опять ты со мною, подруга.
В сердце тво дружбу нашла,
помогла мне в минуту невзгоды.
Промтого смутная мгла
одевает минувшие годы.
Много прошло с тех пор,

раны зажили... В час новой встречи
Вижу участливый взор,
слышу вновь умешения речи.
Так от безумства страсти
исцелило нам душу страданье.
Чудится в дружбе твоей
мне любви отдалённой сиянье.
Небо лучи золотят,
пламя вспыхнуло в огненном диске,
Солнца восход и закат
в блеске пурпур схожи и близки.

XV

ХАОС

Тьма облекает кругом
небеса, море, берег и землю...
Став на чёссе нагам,
бури тайнацу голосу внемлю.
Грозно волна за волной
надеваю на скалы седые.
Чудится, образ иной
принимает в смятенье стихия.
В брызги рассыпался вал

и исчез мимолётной пеной.
Хаос предвечный вставал,
споря с недам в поделе мгновенной.
Морем дробится унёс
и дробит он валы океана, —
Пылью морскую унёс
ветер вставшего в бой великана.
Нет его! — Призрак один
поднялся под нависшую тучей,
Встал из fremящих пучин
и рассеялся пылью летучей.
Гряди гранитные скалы,
что встречают волну в поединке,
Мёртв же ль, чем плещущий вал,
разбивающий камни в песчинки?
Грозен и дик океан,
но его беспредельные воды —
Камни и брызги, туман,
восходящий в недесные своды.
Нет ничего, — только сон
это грозно шумящее море,
И в облаках недосклон,
и волненье в безбрежном просторе,

Молнии отблеск погибх,
смолкли грама стеканья глухие.
Был над водой только Дух
и его отражала стихия.

VII

СЕРЕНАДА

Ночь, благодатная ночь!
Серебрится далёкое море.
Сон, прогоняющий прочь
этот сумрак, с луной в заговоре.
Спинь ли, о милая, ты?
Здесь в саду, тихой малою обляпкой,
Пахнут так сладко цветы...
Выходи подышать ароматом.
Тени легли на песке,
где дорожки уходят, белея.
Слукко видна вдалеке
кипарисов прямая аллея.
Там на скамейке вдвоём
мы присядем с тобой у цистерны,
Слушая, как водоём
повторяет нам лепёт свой мерный.

*Струек серебряных звон,
и цикада звенит в листвых сада...
Выйди ко мне на балкон, —
южной ночи звучит серенада.
О, выходи поскорей!
Нас чахнет любовь сказкой лунной,
люются из чащи ветвей
звуки нежные музыки струнной.
Страстной мечты превозмочь
не могу я, безумно тоскуя...
В эту волшебную ночь
я хочу твоего поцелая!»*

...Между тем, жизнь Владимира Александровича Шуфа угасала, как закат на небосклоне. Но поэт будто не замечал наползающей тьмы. Он словно следовал словам Чехова: «Коль принадлежишь к племени людей, то всё равно рано или поздно будешь страдать и умрешь, а раз так, значит, надо прожить до конца своего тихо, не рвать занавес в ключья, не вынуждать близких к страданию».

И тут было бы кстати вернуться к разговору о семейных узах, и мы вернёмся, но прежде дадим Владимиру Шуфу снарядится в автомобильный пробег Санкт-Петербург–Персия.

Почему вдруг – Персия, Иран по-теперешнему? Попытаемся разобраться – с помощью Анны

Владимировны Глазовой [53], – чтобы понять политику Российской империи и восхититься поступком поэта.

В 1907 году между Россией и Британией было заключено соглашение о разделе Ирана на экономические сферы влияния. Северный Иран, граничащий с Российской империей, становился «русским», Южный – «английским», Центральный оставался за Германией.

В 1908 году в Иране происходит государственный переворот и свержение парламента. Сторонники конституции начинают восстание. Вспыхивает гражданская война. Войска самопровозглашившего себя шахом Ирана Али Мухаммеда блокируют центр иранского Восточного Азербайджана город Тевриз. В Тевризе находились европейские учреждения и российское консульство, проживали российские подданные. Когда в городе начался голод (осада длилась 9 месяцев) для защиты русских и европейских учреждений, российских подданных и подвоза продовольствия, император повелел направить в Персию русские войска. Тем временем, хаосом и сумятицей у соседей воспользовались турки. Началась оккупация приграничных спорных территорий Ирана. Подоспевшие русские войска ответили операцией по вытеснению турецких войск с персидской земли.

Командир 11-го турецкого корпуса Джабир-паша в присутствии иностранных консулов заявил: «Убедившись на деле, что такое персидская конституция и какая анархия царит в Персии, я лично считаю, что приход русских войск в Персию есть проявление человечности и гуманности, а не результат каких-либо агрессивных намерений. Русские поступают в Персии очень умело и осторожно, а потому симпатии почти всего населения на их стороне». [54]

В 1911 году, обеспечив стабильность, большая часть российских войск, оставив отдельные подразделения, покинула Персию.

А в конце 1911 года в Персию в составе учебно-автомобильной роты отправился Владимир Александрович Шуф.

Но так ли безопасно было в зоне русского экономического и политического влияния – в Северном Иране?

Почитаем репортажи об экспедиции в Персию корреспондента газеты «Новое время» Борея (он же Владимир Шуф).

Взрыв в Арке

Нам решительно не везёт в Персии. Новое несчастье неожиданно разразилось над Тавризом. Сегодня в субботу, 21 января около 9 часов утра в крепости Арк раздался оглушительный взрыв. Взрыв был слышен в Тавризе и в других городах провинции Азардардан. Взрыв был слышен в Тавризе и в других городах провинции Азардардан. Взрыв был слышен в Тавризе и в других городах провинции Азардардан.

тельный взрыв. Двери дама, где я живу, распахнулись сами собой. Выскочив на плоскую кровлю, я увидел Арк, окутанный густым дымом, который долго не расходился в воздухе.

В русском консульстве было получено известие, что при переносе конфискованных персидских снарядов произошёл взрыв... Убит находившийся с командой рабочих 8-го стрелкового полка подпоручик Осинцов. Нижних чинов найдено убитых — 31. В Арке произошли обычные работы по очистке сводчатых подвалов под руководством сапёрных офицеров...

Вместе с нашим генеральным консулом А. Я. Миллером я поехал в Арк. Кафтина разрушения была страшная. На большом пространстве во дворе крепости лежат фрагменты развалин и упавших кирпичей. Рухнули вековые своды и столбы кирпичных сараев или подвалов, занимавших правую сторону Арка. На развалинах толпились солдаты и офицеры. Ниже, в образовавшемся провале, работала лопатами команда нижних чинов, отыскивая среди кирпичей, мусора и земли убитых и раненых. Тут же лежал труп лома-ди с передней ногой, валялись две окровавлен-

ных солдатских фуражки и целая щуча медных персидских шлемов, выброшенных из подвала древней крепости. Невдалеке валялось на верёвке тело казнённого сегодня братца Салманпархана. Всюду виделись облаки. Осколки, железо и взорвавшие взрывом фуги подвалов лежали на земле, краснея пятнами крови... <...>

Но вот что поистине чудесно — как не взорвались от детонации наши мелничковые снаряды, находившиеся рядом с погребом? Тут же во дворе крепости стоят взвод нашей гаубичной батареи и отобранные у фидаев (примечание) орудия...

Я вернулся в консульство, где требовало работал телеграфный аппарат, передавая шифрованную депешу. Офицеры 8-го полка удивляли телеграммами, кажется, в Петербург, родственников убитого подпоручика Осинцова. Говорят, что у него было предчувствие смерти: ему не хотелось в это утро идти на работы в Арк. Завтра в консульской церкви будет совершена панихида по убитым.

Борей. («Новое время». 04.02.12 № 12895, с.12)

На поисках

Мрачные находки ещё не кончились в Тавризе. 18 января был пойман перс Хаджи-наги, продавец драгоценностей, о котором были сведения, что он отрезал голову нашему раненому гренадеру Мингрельского полка из ме-стки за своего брата-фигая. Этот персидский Шейлок, вооружившийся простым ножом и своими стафческими рукаами, медленно со-вершил возмутительную операцию над живым и щё русским солдатом. Он скальпировал от-резанную голову и бросил на портание маль-чишкам, которые, подняв её на палки, понесли страшный трофей к дому убитого брата Хаджи-наги. Процессия с мёртвой головой шла по улице Тавриза. Во дворе дома голову под-кидали ногами, как мяч, бросали в мусор-ную яму, а с наступлением ночи отнесли в другой квартал города. Жители этого квартала однако потребовали убрать голову. Тогда Хаджи-наги дал два «крана» одному персу, ближайшему «амбалу»-носильщику, чтобы тот отнес её куда-нибудь подальше...

Начальник консульского конвоя поддесаул Федоренко, взяв 12 казаков и двух всадников Самац-хана, знакомых с местностью, отправился на поиски головы...

Напрасно истрачив всё утро на поиски, поддесаул сказал жителям, что если голова не будет найдена через два часа, он взорвёт весь квартал... Угроза на этот раз подействовала... Толпа тщетла как на базаре... Наконец привели мальчика лет десяти, который сказал, что знает «амбала», спрятавшего голову... Он остановился у жалкой сакли... Носильщик упорно уверял, что ничего не знает... Тогда за дело взялись свирепые всадники Самац-хана. Наконец, он сознался и вызвался проводить отряда к месту, где им была зарыта голова убитого гренадера.

Место было глухое и пустынное. Амбал указал на большую яму, заваленную мусором... Он бросился на кучу земли, торопливо разгрёб её фражатыми руками и нащёл. Его палец попал прямо в пустой глаз мёртвой головы... нижняя часть подбородка была совсем отщуплена... А на другой день тем же розыскным

порядкам был найден и обезглавленный труп несчастного гренадера...

В Тавризе тщетно издаваясь от муачных догадок и тяжёлых мыслей. Но настроения духа у нас, как и полагается, «хорошее». Нельзя же долго оставаться под впечатлением отрубленных голов, найденных в колодцах трупов, крови и смерти. Федоренко, вернувшись из печального поиска, чтобы хоть как-то развлечься, кликнул своих молодцев-песенников, и в помещении взвода утешал казачий хор. <...> Отрубленная голова, винтовки и песня, — всё это смешалось в какой-то страненный сон, который будто снова привнеслся мне в далёкой Персии.

Борей. («Новое время». 11.02.12 № 12901, с.13)

Перемена фронта

Тавриз временно успокоился. Благодаря присутствию нашего отряда, жизнь входит в нормальную колею и расширяется торговля...

Пока в Азербайджане штаб тавризского отряда проектирует только передвижение с места на место находящихся в его распоряжении полков, отчего их численность не увеличивает-

ся. Но сражение – не шахматная игра, где число фигур у противника одинаково. Наша и турецкие силы, стоящие друг против друга, должны быть сравнованы, иначе вся проектируемая диверсия с переменой фронта не будет иметь никакого практического значения...

В данный момент Тавриз настолько спокоен, что внешне, можно сказать, всё обстоит благополучно. Но с учётом в Хой штаба и двух полков, здесь останется один стрелковый полк пополненного состава, то есть 1500 штыков. Полагаю, что такой силы весьма недостаточно для Тавриза с его 40000-м населением...

Тавриз спокоен, но только со стороны Урмии дует холодный ветер и над Кафа-Дагом собираются тучи. Боюсь предсказывать погоду, но, кажется, бывает дурная.

Борей. («Новое время». 21.0212 № 12911, с.5)

Пока Владимир Шуф в чудовищных климатических и дорожных условиях Ирана трясётся в армейских автомобилях, пишет и телеграфирует в Петербург корреспонденции, в нашей попытке литературного расследования наконец-то появилась отдушина для знакомства с семейными узами поэта.

1883–1913 годы

Семейные узы Владимира Шуфа

Семейные отношения вечны.
Семья – высшая ценность.
В семейных отношениях, –
как мужчиной, так и женщиной, –
движет потребность в удовольствии.
Аксиомы.
Кто из нас ответит смело,
Что был счастлив он хоть раз?
Что любовь ему согрела
Однозвучной жизни час?
Все живём мы одиноко,
Для себя, самим собой,
Мы не чувствуем глубоко
И не боремся с судьбой.
Признаваясь без искусства,
Разбирая сердца быль,
Дмитрий думал, что без чувства
Жизнь – нелепый водевиль

Из романа в стихах «Сварогов». В. Шуф
...Напомню читателю, что узами Гименея наш
герой, «виртуоз стиха» (по выражению Витмера
[55]), связал себя в 1883 году, по исполнении 18-
ти лет. Его избранница Юлия Ильинична – из

смоленской глубинки, богобоязненная, глубоко верующая, рано осиротевшая, не богата, образования деревенского, домашнего – была на два года старше, состояла в родстве с основоположником русской оперы Михаилом Глинкой.

Поскольку изложение нашей повести поясняется подзаголовком – «попытка литературного расследования», где выражение «расследование» не просто фигура речи, а ключевое слово – позволим себе порасследовать, порассуждать, по-выдвигать версии. А именно: родство – пусть и дальнее – с Михаилом Ивановичем Глинкой разрешает нам предположить, что Владимир Александрович Шуф появился в Петербурге не с бухты-балахты. И очень может быть – с подачи супруги. Ведь, как нам уже известно, Юлия корила себя и за то, что небогата, и что не образована, а «ему надо учиться, у него впереди жизнь и он не должен «брать на свои плечи семью». Главное для Юлии – его любовь, его счастье. Любовь поднимает её над повседневностью. Владимира над повседневностью поднимает творчество, оно, как сияющий луч, освещает дорогу к Богу». [56]

Любовь Юлии жертвенна. Отказом от физического обладания Владимиром Шуфом, Юлия Ильинична ниспровергает формулу, что в борьбе между совестью и влечением тела к телу всегда побеждает тело.

…У великого русского композитора было 12 сестёр и братьев. С юношеских лет, покинув Смоленщину, Михаил Глинка живёт в Петербурге. Позже приезжает родная сестра – Людмила Ивановна Шестакова. Потерявшая мужа и в одиночестве троих детей, младше брата на 12 лет, она становится его ангелом-хранителем, а после его смерти – наследницей и пропагандисткой его творчества, создательницей музея. Но в нашем расследовании важно то, что она плотно сотрудничала с «Русской музыкальной газетой», где частенько публиковалась в рубрике «Глинканияда». Но, – как мы уже знаем, – с «РМГ» в тот же период сотрудничал и Владимир Шуф! Прослеживается некая связь. И отнюдь не косвенная. Это подкрепляет нашу версию, что в 1892 году Владимир Шуф, прихватив с собой своего верного слугу Османа, оседает в Санкт-Петербурге не чужбином, а по велению и под приглядом каких-никаких, но родственно-семейных уз. Оставив в Ялте 29-летнюю жену, 7-летнего сына и 4-летнюю дочь. Планировал ли 27-летний штатный сотрудник газеты «Петербургский листок» Владимир Шуф перевезти свою семью в Петербург? Если планировал, то почему обзавёлся второй женой? И был ли развод с первой? И кто стала его второй женой? Если о первой жене – Юлии Ильиничне – мы рассказали почти всё, что нам

известно, и более нам сказать нечего, то о второй, – той самой, таинственной М., – мы располагаем чуть **большими** сведениями. Благодаря дневнику самого Шуфа, оказавшемуся у автора этих строк самым невероятным образом. (Читайте об этом в книге первой).

Из дневника, датированного 1898-м годом, мы узнаём, что Владимир Александрович Шуф женат на некой М., у них двое детей: Юрий – лет пяти и Андрей – лет двух.

Получается, что Юрий родился в 1893 году, то есть через год после переезда Владимира Шуфа в Петербург?! Когда наш герой успел вторично жениться? Мы не можем допустить, что дети – внебрачные. Потому что в том же самом дневнике Владимир Шуф пишет:

«Суббота. 12 декабря. . . Вечером ездил обясняться с родными. Всё обошлось хорошо. Развод – через два года».

А на заключительной странице дневника, подводя итог года, помечает:

«В этом году произошло событие – встретился с М. и следствие этого произошло окончательный разрыв с М. А после ряда тяжких сцен мы ещё живём вместе на одной квартире – ради детей».

Дети – вот величайшее чудо! вот высшее наслаждение от союза мужчины и женщины! Дети – вершина человеческого счастья! Но дети – это и продолжение всего. И в часы, когда наше расследование близится к завершению, хочется поблагодарить судьбу поэта за то, что она – при всех её выкрутасах, ужимках, издевательствах – была милостива к поэту в детях. Милостива, – ниспослав ему вторую жену. Не случись она в жизни Шуфа – и прервалась бы цепочка, исчезла бы ветвь Шуфов...

…Вторая жена. Но был ли, повторю, развод с первой? Сдался мне этот развод, потеряв терпение, сверкнёт глазами читатель. Да, читатель мой, сдался, ибо в ту пору это была проблема из проблем. Это сегодня жениться – развестись – жениться – развестись, легче, чем высыпаться. А в девятнадцатом веке...

В XIX веке благословение на развод (на развенчание) мог дать только священник. Иск о разводе подавался епархиальному начальству. Епархиальное начальство поручало доверенным лицам произвести примирение супругов, чтобы они оставались в брачном союзе. Когда примирить стороны не удавалось, начиналось судебное разбирательство, на которое ответчики должны были являться лично. Подчёркиваю – лично. Отсюда – вопрос: могла ли присутствовать на бракоразводном процессе ялтинская жена Шуфа – Юлия Иль-

инична, – тем более что бракоразводные процессы длились подчас по нескольку лет?

Но были и другие препоны. По законам XIX века брак мог быть расторгнут, внимание: в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга; добрачная неспособность к брачному сожительству одного из супругов; в случае безвестного отсутствия супруга в течение 5 лет; в случае, когда один супруг приговорён к наказанию, сопряжённому с лишением всех прав состояния, или же сослан на житьё в Сибирь с лишением всех прав и имущества.

Ни одного из перечисленных «условий» наш замечательный поэт не заслуживал.

И это ещё не всё. «Устав духовных консисторий» утверждал: «Главными доказательствами преступления должны быть признаны: а) показания двух или трёх очевидных свидетелей; б) прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом. Затем прочие доказательства: письма, обнаруживающие преступную связь ответчика, показания свидетелей, не бывших очевидцами преступления, но знающих о том по достоверным сведениям или по слухам; показания обыскных людей о развратной жизни ответчика и др. – только тогда могут иметь свою силу, когда соединяются с одним из

главных доказательств, или же в своей совокупности обнаруживают преступление».

И опять мы видим, что и под «статьи» Устава Владимир Шуф не подпадает. Но прежде чем оставить тему развода, обращу внимание читателя на пикантное, но обязательное требование «Устава духовных консисторий» – *показания двух или трёх очевидных свидетелей о совершенных ответчиком прелюбодеяниях*. То есть эти двое или трое должны были неоднократно присутствовать при том действе, которое совершается мужчиной и женщиной в чрезвычайно интимной обстановке.

Был ли двоеженцем Владимир Шуф? Он сам признаётся на последней странице дневника:

«.. Жизнь усложнилась – две квартиры, две семьи...»

Две квартиры. В одной – он со второй женой, двумя детьми и слугой Османом; во второй – его новая пассия, забеременевшая от него таинственная М.

Да, да, читатель, и очередная дама поэтического сердца именовалась на «М». (о даме буквально строчку – чуть погодя).

Две семьи. В Петербурге и – в Ялте, куда поэт по мере возможности высыпал некоторые суммы и ежегодно наезжал с непродолжительными визитами.

...21 марта 1898 года Владимир Шуф запишет в дневнике:

«Был в типографии. Успел написать фельетон «Узы Гименея».

Любопытно было бы взглянуть на этот фельетон – каковы они, эти узы, с точки зрения Шуфа? За неимением вышеназванного очерка, обратимся к автобиографическому роману поэта «Кто идёт?»

«...Вернувшись домой, я застал Лицию за приготовлениями к концерту. Она поёт сегодня в Павловском вокзале вместе с какой-то оперной знаменитостью. Я этого терпеть не могу, но что поделаешь? – вечер благотворительный. Мне придётся сопровождать её на вокзал. Что может быть несносней вокзальной толпы, снующей по кружу, разряженных дам, показывающих свои туалеты, толкотни, пошлого цхаживания и запаха духов в сквере? Звуки оркестра заглушены свистками паровозов, говором и звонками станции. Такие диссонансы мало слышают павловских любителей концертной музыки, и только граф Керстен, большой меламан, морщится и говорит, что здесь не мотивы, а локомотивы.

*Каламбур немножко железнодорожный, но для
меломана неодурён . . .»* *

В 1898 году в Санкт-Петербурге в типографии А.А. Пороховщикова выходит второе, дополненное издание «Крымских стихотворений» Владимира Шуфа. В разделе «Песни юности» под номером XXVI – стихотворение с посвящением М. И-ой:

*Пы пела, – и печаль,
Как призрак, отлетала.
Раздив оковы тела,
Душа отреклась вдаль.*

*В фути моей чснца
Боль тягостных обид . . .
Не так ли пел Давид
Перед лицом Саула? –*

*Душа светлела вновь,
Скрывался демон мукки,
И были эти звуки –
Любовь, сама любовь!*

...Как догадался мой догадливый читатель, второй женой Владимира Шуфа была певица. Но звали её не Лидия, как именовал в своём романе «Кто идёт?» Владимир Шуф, а Мария, и фамилия её была

---

* Часть II. Семья и полк. Гл. III. Концерт

самая, что ни на есть распространённая – Иванова. И была эта Иванова старше Шуфа на 10 лет.

Утверждали, что у неё был актёрский и певческий таланты; обладая прекрасным меццо-сопрано, она пела в частных камерных театрах Петербурга, в том числе и в театре А. Суворина, исполняла партии Аиды, Татьяны, Джоконды… И не только в камерных театрах. Голос певицы звучал на сценических подмостках Павловского и Парголовского вокзалов, под сводами театров на Стеклянном заводе и в Полюстрове.

На последних двух мы чуток задержимся. Чтобы логичнее сложился переход к воспоминаниям современников о певице Марии Ивановой-Шуф. Сведения о ней скучны – и тем более ценные.

…В 1894 году по настоянию Министра финансов России С.Ю. Витте (1849–1915) был принят закон о создании Попечительства о народной трезвости. Попечительству обязывалось устраивать дешёвые чайные, столовые, библиотеки, читальни, гуляния и театральные представления.

Директором театров Попечительства был назначен широко известный актёр императорских театров, режиссёр любительских спектаклей Николай Фёдорович Сазонов (1843–1902). Он, его супруга и дочь Люба, певица императорского театра, часто упоминаются в дневнике Владимира Шуфа. Жена Николая Фёдоровича – Софья Ива-

новна Смирнова-Сазонова (1852–1921) – была известной писательницей той поры и сотрудницей суворинской газеты «Новое время».

В её «Дневнике», выдержки из которого были опубликованы в 2003 году в «Петербургском театральном журнале», № 32, в статье «Н.Ф. Сазонов и театры Попечительства о народной трезвости», мы и находим несколько строчек о таинственной «М», второй жене поэта Владимира Шуфа.

Вот эти строчки:

«1899. Май 1

<...> Вечером нам дирижёр и певицы, (председатель Комитета С-Пб Попечительства о народной трезвости принц А.П. Ольденбургский (1844–1932), не единожды упоминаемый В. Шуфом в своём дневнике. – Прим. Вл. Кудрявцева) оба уже на Спекляннам... Представление было курьёзное. Новый капельмейстер, из молодых, только что кончивший консерваторию, совсем ещё неопытный, набрал оркестр, который он не знает. Музыканты фыркают, певицы демонируют, в ансамбле расходятся. Сцена хорам идёт без хора; хористы есть, но они не поют, представляют только пантомимой, что они желают убить Сусанина. И снег идёт, и кос-

тёр горит, всё как следует, но у поляков в лесу от холода голос пропал. Шурма поёт хорошо, только для Татьяны она стара и голос у неё звучит как-то глухо. В диверти-
сменте выпустили старушку, которая запела
«Ах, подруженьки, как грустно!». Люба от
смеху на барьер легла. Две княгини пели. Один
старичок из первого ряда подал в бумажке
несколько веточек сирени и подбежал к ней по-
том за кулисы. Сердился на сторожа, что он
не знает, тут она или уехала. Какой-то
молодой человек играл на фиске, Шурма гово-
рит, что это клафнет. <...>

Май 9. Воскресенье. Утром Н. распекал
одного из режиссёров, Васильева, который
поступил на сто рублей в месяц, но самоволь-
но выписал себе условие на 150.

Шурма жалуется на бесполковщину, на
то, что их понапрасну требуют на репети-
ции: то не явится кто-нибудь из участвую-
щих, то оркестра нет. А в день спектакля
делают репетицию с оркестром, и певцы к
вечеру с утомлёнными голосами. Вчера она
пела в «Раусте». Ризниченко говорит, что

простой народ плохо понимает отрывки из опер. «Это кто ж такое, чёрт что ли?» Ещё меньше он понимает балет. Танцуют часы из «Джоконды» «Иль, как её корёжит!.. Смотри, Мишелька, как она ногами дёргает».

Атмосферу подобных концертов Владимир Шуф изобразил в стихотворении «Павловск»:

Электричество вокзала,
Электрические взгляды,
Смущены мужья немало,
И немало жёны рады.

Музикальные есть силы,
Сышен скрипок визг согласный,
Заглушает Валкин милый
Аудиомира шёпот спастный.

Вот весенним тяголетом
Поражает взоры дама.
Что за шик! И муж при этом
Не страшней гиппопотама.

«Как! Ты с мужем? Ах, какая!», —
Жарк украдкой шепчет нежно
И, сунув га в док толкая,
Говорит «ardon» небрежно.

…Вновь обратимся к дневнику Владимира Шуфа, где Шуф сетует на «*окончательный разрыв с М.*»

Как видим, и со второй женой, певицей Марией Ивановой-Шуф, у поэта не заладилось. И причина тому, по его признанию, встреча с М. Я бы отметил – с некой М. Расследование показало, что под литературой «М» поэт зашифровал Марию (Маню) Рудберг; в упоминаемый в дневнике период она ждала ребёнка от Владимира Шуфа. Стала ли она третьей женой поэта? Бракоразводный процесс (развенчание) со второй женой у Шуфа должен был начаться (согласно записи в дневнике) в 1900 году. Но в 1900 году у поэта обострился туберкулёз, он вынужден был уехать на юг, в Одессу, где прожил до 1902 года и вернулся в Петербург, получив приглашение работать в газете «Новое время».

Но можно предположить, что Мария Рудберг была последней романтической любовью замечательно русского поэта-лирика и мечтателя. **«Я любил не много, но сильно»**, – признавался Владимир Шуф в автобиографическом романе «Кто идёт?»

Можно предположить также, что в этом романе в образе Сильвии, поэт вывел своюю последнююю возлюбленную Маню, Марию Рудберг.

«…*Есть странные часы в жизни, их, вероятно, испытал не один я… Сходятся две зари,*

S^tPETERSBOURG

Мария Иванова - Мур

Maria (Maria) Ryabberi

...Мы пела, — и пегала,
Как призрак, осталася.
Разбит оковы тела,
Душа стремилась вдал...

«Я любил не много,
но сильно»

В Ялте осталась
Юлия Ильинична Мур

«...Жизнь усложнилась — Аве квартиры, Аве семьи...»

как в наши северные, белые ночи. Гаснет вечерняя заря и зажигается утренняя земница. Их золотистый отблеск сливается на небосклоне. Праходит прежняя привязанность, она ещё владеет нашим сердцем, но в нём уже поселилась другая, которая должна победить или погаснуть. Так могут встретиться две любви, два чувства, отдавая нас на произвол мучительных сомнений, укоров и упрёков совести. Мой дом, семья, всё моё прошлое было связано с любимой женщиной, имело власть над мной, но рядом всё ярче разгорался образ Сильвии, полный очарования молодости и красоты. Новое чувство, как утренняя заря, зажигало свои первые, золотые лучи.

То, что казалось мне незначительным флиртом, чиханием и развлечением, постепенно превратилось в серьёзную привязанность. В этом вероятно, виновен мой характер! Я не умею чувствовать легко и поверхностно. Увлечение женщиной всегда оставляет в душе моей следы неизгладимые. Я любил не много, но сильно.

Я нагнулся и поцеловал её. Сильный удар маленького кулачка заставил меня отшатнуться. Глаза девушки вспыхнули, и краска залила её щёки. Она сердито взглянула на меня и, не оборачиваясь, пошла прочь. Всё это произошло так неожиданно, что я едва опомнился. Было смешно, досадно и больно. Чему было делать? Я пришпорился оскорблённым и, отвернувшись, вытянулся на траве. У моей милой обидчицы должно было явиться раскаяние, — в некоторой её привязанности я не мог сомневаться. Протянув руку, я наконец, за моей спиной раздался плачущий голос:

— Ну, что же вы не встаёте?

Я молчал.

— Встаньте... пойдёште! Ведь вы один отсюда и дороги не найдёте без меня! — уже смеясь, сказала она.

— Как-нибудь дойду! — ответил я хмодно.

Сильвия опустилась около меня на колени и положила руку на моё плечо:

— Я вам сделала больно? Я вас обидела? — ласково говорила она. — Ну, прощайте меня, ведь я такая глупая!

Я повернулся к ней и обнял её талию. Она
больше не сопротивлялась. Я шептал ей слова
любви, гладил и целовал её золотистые волосы,
зубы, глаза. Спрятав голову на моей груди,
она вся отдалась моим ласкам. Среди цветов,
травы и кустарника она стала моей так про-
сто, застенчиво и нежно, что сердце моё заби-
лось ещё никогда не испытанным восторгом и
благодарностью. Так любят весь мир, кроме
человека, вечно обманывающего себя и других.
Никогда я не встречал большей простоты и
прелести чувства. Первый глубокий вздох, пер-
вая сознательная улыбка счастья Сильвии на-
всегда запечатлелись в моей памяти.

Есть сказка о водяной царевне, которая,
плювив, сделалась женщиной. То же ста-
лось и с моей лесной феей. В ней ничего не
было волшебного, — только грудь её, зубы и
руки были прекраснее, чем у других женщин.
Пахучая трава, нагретая солнцем, казалась
мне душистой. Первая тайна открывшейся
любви делает богиней каждую девчонку, и ей
можно молиться, мешая восторженные гим-
ны с поцелуями.

Волосы Сильвии рассыпались золотистой волной, и я заботливо приколол их застёгившейся в трапеце гребёнкой. Несколько калючек пристало к её платью. Она весело смеялась, пока я справлялся с ними.

Она откинула голову, её чёрные волосы рассыпались и роскошной волной упали по плечам. Счастливая улыбка освещила её смуглое лицо. У женщин бывают мгновения, когда они словно расцветают под влиянием вспыхнувшего чувства, когда вся молодость, красота, очарование возвращаются к ним, создают волшебный обман, которому нельзя противиться. Или, быть может, это иллюзия нашего сердца, в которых просыпается прежняя любовь и, как прежде глядят обворожённым взглядом, видящими только былье обольщения? Не знаю и не хочу знать! Не надо считать скучнымы улыбки счастья, последние лучи догорающей зары.

Когда я вышел в сад, чтобы его ночной свежестью охладить разгоряченную голову, сверкнула дальняя зарница, и я вспомнил Сильвию. Мучительные мысли овладели мною, и я не мог разобраться в двух чувствах, охватив-

Галина Востокова подтверждает и Галина Востокова. [57]

«Послешуфский» же период жизни Марии Ивановой-Шуф, весьма вероятно, таков.

...31 августа 1914 года после вступления России в Первую мировую войну, решением императора Николая II Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Так газета «Санкт-Петербургские ведомости» стала называться «Петроградские ведомости». Среди сотрудников этой газеты мы и находим Марию Иванову-Шуф.

Я пишу – «мы находим». На самом деле находит Иван Филиппович Масанов [58], автор четы-

тих меня и взаимно отрицающих друг друга. Бедное человеческое сердце! Как скверно оно создано и как хочется иногда разбить его в мелкие черепки!» *

Какова дальнейшая судьба Марии Рудберг? Увы! Но её присутствие в жизни Владимира Шуфа под-

---

* Часть II. Семья и полк. Гл. IV. Два чувства

рёхтомного «Словаря псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей». В 4-ом томе на стр. 204-й он пишет: «*Иванова-Шуф Мария Александровна. (? – 1918 г.) Сотр. в «Петроград. Вед.» (1914–16) – М. Ш; «Спб. вед.» (1914–15) – Mar. Ив.; Ш-ф; Ш-ф. М.; Ш-ф. М. Ив.*»

Если помнить, что Владимир Шуф в своём дневнике не единожды помечал:

«*Вторник. 14 августа. М. получила в редакции за вычетом 24 р.*» или: «*Среда. 15 августа. М. Получила в редакции ещё 200 р...*», а сама Мария Александровна была творческим человеком и женой удивительно талантливого поэта и журналиста, то лично меня такая метаморфоза – из певицы в журналисты – ничуть не удивляет.

К слову, тем, что нам известен ряд литературных псевдонимов Владимира Шуфа, мы обязаны опять же И.Ф. Масанову. [59]

Но нам пора выкарабкиваться из тенёт семейных уз поэта, тем паче, что он уже вернулся с автопробега Санкт-Петербург – Персия и, превозмогая незддоровье, спешит ознакомить подписчиков «Нового времени» с итогами экспедиции.

1912–1913 годы

«В край иной...»

Владимир Александрович Шуф, борясь с хвостью, спешил довести до читателей «Нового времени» итоги автопробега:

Итоги военной автомобилизации

Посыпкой взвода нашей учебно-автомобильной роты в Персию военное министерство сделало интересный опыт, который должен был показать, насколько полезна для армии и производительна работа грузовиков при условиях военного времени. Так как этот опыт – первый в России, то результаты его особенно поучительны. Насколько оправдали военные грузовики и лёгкие автомобили своё назначение и принесли существенную пользу? Теперь можно подвести итоги их работы за месяц, и ответить на вопросы цифрами. Часть автомобильного взвода, обслуживающая тавризский отряд, в течение минувшего месяца сделала следующие работы:

- 1) Перевезено груза интендантского и боинского — 9.000 пудов.
- 2) Перевезено на грузовиках нижних чинов — 800 человек.
- 3) Перевезено офицерских чинов на двух легковых автомобилях — 194 человека.
- 4) На санитарном моторе перевезено больных и здоровых — 158 человек и груза 242 пудов.

Каждый грузовик сделал в среднем в месяц 2500 вёрст, а легковые автомобили и санитарная — 4000 вёрст.

<...>

За месяц вполне выяснилось, какое практическое значение имеют военные автомобили в смысле скорости доставки людей и грузов. <...>

Грузовики, посланные в Персию, далеко не были новыми машинами, вынесли тяжёлые испытания во время конкурса грузовых автомобилей, участвовали во всех маневрах в петербургской и ковенской окружах. <...>

Желая узнать слабые стороны конструкции машин, военное ведомство буквально их не щадило и так, почти без всякого ремонта, от-

правило в Персию. ... Однако в Персии, несмотря на плохие дороги и тяжёлые условия работы при малочисленном составе полувзвозда, фуровики с честью выдержали испытания. Только один автомобиль пропустил 2 рейса, находясь на ремонте... Для успешной работы необходим был кадр хорошо обученных шофёров, любящих своё дело, и такой кадр успела подготовить за год своего существования наша автомобильная рота в Петербурге... <...>

По миновании надобности в наших фуровиках в Персии, их следовало бы оставить для кавказского военного округа, — положив этим начало автомобильной части на Кавказе.

Венцом дела будет, конечно, устройство военно-автомобильного завода в России, не менее нужного, чем судостроительные, иначе мы будем в зависимости от европейских фирм.

<...>

Борей.*

...Автопробег подорвал силы Владимира Шуфа. Даже боготворимый им Крым, куда поэт уехал подлечиться, был ему скверным лекарем.

---

* «Новое время». 11.03.12 № 12930 с.5

PER SIA

ТАБРИЗ

"Водота Писода"
Ф. Флайн.

Новое Время

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

А в конце 1911 года в
Персию в составе учебно-
автомобильной роты
отправился Владимир
Александрович Шуф.

И, тем не менее, осенью 1912 года Шуф едет на славяно-греко-турецкую войну, которая продемонстрировала всему миру, как братья-славяне: сербы, болгары, хорваты, черногорцы перегрызлись между собой при дележе территорий агонизирующей Османской империи.

«Поездка Владимира Шуфа на греческий фронт была недолгой. В 1913 году он вернулся в Крым тяжело больным». [60]

*Окончен путь. Скипаясь одиноко,
Искал любви, искал я веры там,
Где древний мир постигнут властью рока.
В Эладу шёл я к луноморным богам...*

*Я был в краях пустынного Востока,
Где Будда спит, где молится Ислам,
И вновь пришёл к библейским берегам,
На Иордан, в тень листвьев у потока.*

*Я заскрипнул воды в палиащий зной
И утолил души моей страданья.
Я Господа обрёл среди блужданья.*

*Окончен путь, — тяжёлый путь земной.
Превоге чувств, сомненьям отдал дань я...
Я верую, я вижу край иной.*

Из книги сонетов «В край иной...»

В первых числах ноября «Петербургский листок» вышел с некрологом:

«...Краткое телеграфное известие из Ялты обвеяло нас холодом...

Весёлый, жизнерадостный поэт-мечтатель, певец любви и печали, горячо любивший красоты жизни, – Владимир Александрович замолк навсегда, его талантливое перо выпало из руки...

8 ноября умер один из видных поэтов Владимир Александрович Шуф. Он умер сорока девяти лет, от чахотки лёгких, в своём маленьком хуторке близ Ялты, на руках жены Юлии Ильиничны, сына и дочери.

Его жизнь, полная самых неожиданных смен горестей и радостей, представляет громадный интерес...

В.А. был близок со всем литературным и художественным миром и всюду был желанным другом, горячим поклонником всего талантливого, вечного, прекрасного. Теперь он ушёл от нас, но да будет память об этом милом певце любви и печали в наших сердцах навсегда».*

...Владimir Александрович Шуф умер на руках жены, сына и дочери. Какая прекрасная смерть! И опять, – в который уже раз! – судьба к поэту благосклонна. Одарила его смертью в окружении родных. Таинственное слово – судьба.

---

* (Петербургский листок № 309 от 1913 года)

Что есть судьба? Предопределённость и неотвратимость событий и поступков каждого человека? Внутренний закон, по которому живёт вся Вселенная и каждый из нас? У христиан понятие судьбы заменяется Божественным пророчеством, стало быть, судьба – это не что иное, как Божий промысел: и награда, и расплата за совершенные нами поступки?

Судьба... В русской литературе много удивительнейших и драматических судеб. Владимир Александрович Шуф [61] – образованнейший, талантливейший поэт, мастер романтической лирики, «художник живого слова», как называли его современники, жил тяжёлой, полной лишений и скитальчества жизнью, имя его забыто, могила его утеряна...

«Чудно сотворён человек. Он даже не знает того клошка земли, на котором будет его могила!..» – писал Владимир Шуф невесте Юлии 10 января 1883 г. [62]

Послесловие

Моё расследование будет не завершённым, если я умолчу о потомках поэта.

Но прежде, используя служебное положение расследователя и рассказчика, я окуну моего читателя в мир поэзии Владимира Шуфа.

***

Отчего ты с тоской молчаливою
Удалилась, головку склоня? –
Словно тучка промчалась над нивою
В лучезарном сиянии дня.

Или на сердце горе закралось?
Не кручинься, мой друг, погоди! –
Пережить ещё много осталось
Светлых дней для тебя впереди.

Отряхни же слезинку блестящую
На свою белоснежную грудь –
Жизнь печальную, жизнь настоящую
В золотистых мечтах позабудь!

НА ПУТИ

Еду степью, ночь глухая,
Не видать средь темноты...
Осветило, потухая,
Пламя пёстрый столб версты.

Далеко ль? – Ещё далёко!
Точно жизнь мой длинен путь.
И плетусь я одиноко,
И не смею отдохнуть.

Отрывок из рассказа в стихах «ПОСТОЙ»

XLIV

Любовь сильна, прекрасна... но она
Нуждается и в деньгах, и в затратах.
Офелии лишь о мужьях богатых
Вздыхают нежно в наши времена.
Гнездо амура в золотых палатах,
Им обстановка для любви нужна.
Кто гол и бос, тому не впрок жена.

XLV

Итак, mesdames, скажите: неужели
Могли бы вы в практический наш век
Любить того, кто хоть не из калек,
Пригож и статен, но на самом деле
Ничтожен, беден, жалкий человек?

Он не идёт к карьере, к светлой цели...
Ужель его б вы полюбить хотели?

XLVI

Едва ли с милым рай и в шалаше.
Прошла пора пастушеских идиллий.
Колье, накидок, бархатных мантий
Цирцеи наши жаждут все в душе.
Пусть женщины белее чистых лилий,
Но о презренном думают гроши,
И не купить любви «Au bon marché»*.

XLVII

Да, женщины нам «дороги» не в меру,
И их любви – цена не медный грош.
И прежде чем их страсть приобретёшь,
Устроить нужно шумную карьеру,
И лишь тогда жену купить, как брошь,
Брелок, халат, бутылку Редереру
И статуэтку, – ну, хотя б Венеру.

Из книги «КРЫМСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ».

Изд. второе

ОМУТ

Журчащая река в теченье прихоливом,
Темна и глубока, затихла под обрывом.

---

* Дешёвой – с франц. (Прим. Вл. Кудрявцева)

Склонились ивы к ней. Безмолвна глубина.
В тени вода черней и, мнится, нет в ней дна.
Здесь омут, говорят. Пучину прикрывая,
Кувшинок жёлтых ряд, гирлянда их живая
У берега цветёт. Вода зовёт в тиши...
Страшней пучины вод есть омыты души.
Здесь не расти цветам.

На чёрном дне – сомненье.
И счастье, если там не скрыто преступленье.

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

О, старость, близко ты! Но где души покой?
Последние цветы мне женскою рукой
Принесены вчера, как дар от юных граций.
Пришла весны пора. Жасминов и акаций.
Причудливый букет из веток и цветов,
Как память прошлых лет, принять я был готов.
Он дивно был красив в фарфоре синей вазы.
Жасмины окропив, дрожат росы алмазы...
По утренним цветам, как быстрая пчела,
Летая здесь и там, мне дочь их нарвала.
Красавица она и в старости отрада.
За нею из окна следил я в чаще сада.
И дар любви святой, дар чистой красоты,
Я целовал с тоской последние цветы.

ПЕСНЬ ЦИКАД

Тьма южная, душистая, ночная,
Окутала уснувший мирно сад,
И льёт магнолия свой аромат.
Под лаврами, в траве, не умолкая,
Разносится, рокочет песнь цикад.
К стозвучному прислушиваюсь хору.
Трель, звон и треск в кустах кругом – и вдруг
Замолкнут все как бы поговору,
Как тихо всё становится вокруг!
Истомою объят волшебный юг;
Всё замерло, и ночь, полна молчанья,
Сулит любовь, восторги и лобзанья.
Она вас ждёт, как дева в час свиданья.
И горе тем, кто счастьем пренебрёг,
Кто не любим, забыт и одинок.

***

Похоронена жизнь моя бедная,
И в цветах померанца на лбу
Она спит молодая, и бледная,
Вечным сном в белоснежном гробу,

И не слышно над нею рыдания,
Не заплачет над нею семья,
И улыбкой одной сострадания
Её в землю проводят друзья.

Ты, разбившая счастье последнее
И надежду в усталой груди,
Только ты на кладбище соседнее,
На могилу мою – приходи!..

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР В ГОРАХ

Постоялый двор я встретил
Ночью тёмной на пути.
Сквозь окно, дрожащ и светел,
Огонёк манил зайти.

Спящий люд, чужие лица,
Неприветливый ночлег,
И у двери вереница
Чьих-то брошенных телег.

Мерно вол и конь усталый
Сено хрупкое жуют....
Вот, мой путник запоздалый,
Бедный кров твой и приют.

Одинокий и бездомный,
Скрыв печальные мечты,
В непогоду, ночью тёмной
До ночлега бродишь ты!

ARS AMANDI

Наивным юношем о женщине мечтая,
Её себе я прежде рисовал,

Как совершенный, чистый идеал.
То Беатриче, то Мадонна Пресвятая,
Она являлась, красотой блестая,
И рай сулила мне... И думал я,
Что ей нужна любовь наивная моя!

Невинный, светлый сон! Младенческие грёзы!
О, на алтарь её я приносил
С тех пор не мало лучших чувств и сил,
И находил шипы одни у милой розы.
Не тронут сердца ей любовь и слёзы,
Ей искренность покажется смешна, —
Такой святой любви не оценит она.

К ней подходи шутя,
                          с улыбкой хладнокровной,
С оценкой трезвою, и, не любя,
Сам заставляй её любить себя
Поддельной страстью
                          и сдержанностью ровной,
И, бросив вздор идиллии любовной,
На струнах сердца, без наивных слёз,
Играй, как опытный и тонкий виртуоз.

Так, часто перед пёстрой публикой на сцене
Иной актер, искусства ветеран,
Давно забывший боль сердечных ран,
Красиво говорит о счастье, об измене,
И, пред Джулльеттою склонив колени,

Он декламирует у милых ног
Сто раз им сказанный, горячий монолог.

Из книги сонетов «В КРАЙ ИНОЙ...»

LXI. ПЕРЕД БИТВОЙ

Смеркается. Степная даль туманна,
Ползут грядою серой облака.
Построившись к молитве у кургана,
Стоят ряды пехотного полка.

Замолкнул бой тревожный барабана,
Священник стал, подъемлет крест рука,
И «Отче наш» звучит издалека
В рядах солдат вдоль дремлющего стана.

Последний луч погаснул за горой,
И воронов кружится в небе стая,
Зовёт беду, заутро кличет в бой.

Далече в глубь враждебного нам края
Зашла ты, рать великая, родная...
В вечерний час я помолюсь с тобой.

XII. НА СОПКАХ

Вершины сопок, острых и зелёных,
Ещё темнеют в утренней тени,
Но небосклон – в зарницах отдалённых,
В дымках блестят шрапнельные огни.

Полки врагов, таясь на горных склонах,
Ползут в кустах, всё ближе к нам они.
Всё чаще гул ружейной трескотни.
И вот идут, построившись в колоннах...

Японских пуль свистящий, тонкий звук,
Привычный нам, послышался вокруг.
Гроза войны грохочет с новой силой.

Быть может здесь конец тревог и мук,
И холм крутой, вдали отчизны милой,
Мне суждено назвать своей могилой.

XIV. В ГАОЛЯНЕ

Под сопками, где шепчет гаолян,
Он умирал, и дальней битвы звуки
Неслись к нему по зелени полян.
Ружейный ствол ещё сжимали руки.

Он умирал, он изнемог от ран.
В чужой стране, среди последней муки
О родине он думал в час разлуки,
Об армии, покинувшей свой стан.

Ещё кипел, – он слышал, – бой кровавый.
Не тщетно ль он на поле битвы пал?
Победы час ещё не наступал...

Но крыльев тень вблизи одела травы.
Паря над ним, веянья грядущей славы,
Орёл летел к далёким гребням скал.

LXV. ВОРОН

(На смерть графа Келлера)

Что ворон мой, беды вещун крылатый,
Что каркаешь ты на поле пустом?
Несёшь нам весть злой кары, злой утраты?
Придёт пора, – узнаем мы потом!

– «Я с дальних гор. Стоит там гроб дощатый.
Под саблею и шапкою с крестом
Храбрейший вождь лежит во гробе том.
Его в слезах оплакали солдаты.

Он пал в бою. Кровавых тридцать ран
На теле у него горят глубоко.
Судьбой ему был славный жребий дан.

Он воскресил надеждой русский стан;
Но есть гора, гора, где край Востока,
Где он погиб от родины далёко».

LXXIX. РАЗЪЕЗД

Под сопками при ярком свете звезд
Ночным дозором движется разъезд.
Три всадника всего в отряде конном,
Закрыты лица чёрным капюшоном.

Безмолвные, среди пустынных мест,
Как тени, едут по нагорным склонам,

И русский стан в его зтишье сонном
Не торопясь объехали окрест.

Легки их кони. От копыт ложится
Кровавый след над влажною травой.
Передний всадник плащ приподнял свой.

Чернея, смотрит в черепе глазница.
Мор, Голод, Смерть свои открыли лица,
Кивают спящим мёртвой головой.

ХС. КАЗНЬ

Пустынnyй остров есть на Чёрном море,
Там в шуме волн не слышен крик мольбы.
На берегу, с отчаяньем во взоре,
Увидел он конец своей судьбы.

Столбы стояли там, несли гробы
И яму рыли, где он должен вскоре
Почить на век, став жертвою борьбы.
Так суд решил в суровом приговоре!

Он пролил кровь, забыв завет Христа,
Слепой вражде свои он отдал силы
И видит тень открывшейся могилы.

Солдаты молча стали на места.
Вот грянул залп, – и ставят три креста
На берегу, где слышен плеск унылый.

ХСI. ПУГАЧЕВ

C. П. Марголину

Зажглись усадьбы, вспыхнули костры.
Казалось, край опустошён войною...
Мужик невзрачный, с дюжим топором
За поясом, стоял передо мною.

– «Ась, барин? Знать не кончили добром
Мужицкий спор с дворянством и казною?» –
Он говорил с насмешкой показною.

– «Как знать тебя?» – «Зови хотя Петром!»
«Емелька я..., чай, помнишь Пугачёва?» –
В морозной мгле послышался ответ.
Мужик в тулупе мялся бесполково.

Но видел я, что в даль минувших лет
Лежал за ним по снегу алый след
Кровавых смут, бесправья векового.

ХСIII. ИЗМЕННИК

Пустынная есть дача в Озерках,
Там ветви сосен кажутся темнее.
Там в комнате, в углу, с петлёй на шее
Открыли труп, висевший на крюках.

Весь в плесени, уже он тленьем пах.
Его, как падаль, бросили злодеи.

Под вешалкой, видения страшнее,
Сидел мертвец, – одетый в шубу прах.

Таились в нём предательство, интрига.
Хотел народ избавить он от ига
И чернь повёл изменой во дворец.

Так кончил он, удавленный расстрига...
Поверье есть, что каждому Творец
Шлёт в смертный час заслуженный конец.

ХCIV. ВЛАСТЬ

Короны блеск и пышный пурпур власти,
Владычество над бедною толпой
Ужели так заманчивы? Нет страсти
Столь призрачной, столь жалкой и слепой.

Возвыситься хоть малость, хоть отчасти,
Чтоб угнетать, топтать всех под ногой, –
Ужели нет у вас мечты другой,
Чудовища с зубами в волчьей пасти?

Вы ждёте крови, смуты и тревог.
Чтоб управлять, чтоб стать владыкой мира
Нужны убийства, цепи и острог.

Политик – шарлатан и демагог,
Ведь вас манит не вольность, а порфира.
Вам власть нужна, в ней видите кумира!

СШ. ОДИНОЧЕСТВО

Любить – страдать... Зачем запас богатый
Страданий умножать? Любовь к жене,
К малюткам-детям нам сулит утраты,
Их горестью несчастны мы вдвойне.

Не лучше ли с собой наедине
Печально жить и ждать с судьбой расплаты?
Ведь слёз своих с избытком хватит мне.
К чему нам дружба, лары и пенаты?

Я одинок, но сердцу моему
Гробницы счастья дороги и милы, –
Моей любви безмолвные могилы.

Их памяти, искусству и уму,
Несвязанный, отдаю остаток силы.
Жить, умереть – спокойней одному.

СВ. СЧАСТЬЕ

Я счастлив вновь, – исполнились желанья.
Но что ж мне жаль мучительных минут,
Тоски и слёз минувшего страданья,
И вновь часы медлительно текут?

Пускай скорбям платил с лихвою дань я, –
Нам горести избыток чувств дают.
Но сердце спит, исполнено мечтанья,
Хоть весь в цветах счастливый наш приют.

Смысл бытия – в борьбе и вечном споре.
В порывах бурь трепещет, плещет море,
Но дремлет в штиль лазурная волна.

Что радость? – Миг! Сильней и глубже горе.
В печалях жизнь тревогами полна,
А счастье – сон, забвенье, тишина.

CVI. РУСАЛКА

- «Приди ко мне! Восходит месяц ранний,
Кувшинки спят, чуть движется камыш,
И стелет нам серебряные ткани
Речная зыбь... Ты медлишь, ты молчишь?» –
- «Не верю я!» – «Но слёз моих, рыданий
Ужели ты не слышишь, не щадишь?» –
- «Смеёшься ты!» – «То лжёт ночная тишина...
Я плачу!» – «Нет, то смех звенит в тумане!»
- «Приди ко мне! Светлеют небеса,
В траве речной запуталась коса!» –
- «Изменишь ты!» – «Люблю, томясь, тоскуя...»
- «Ты холодна!» – «То жемчугом роса
На грудь упала...» – «Руку дай, тону я!»
- «О, милый мой! О, счастье поцелуя!».

CVIII. ДРУГУ

Н.И. Ж-ну

Стал бедняком я нынче, милый мой!
Достатка нет, измучен я борьбою...
Но по пути зайдём ко мне домой
Отведать яств, нам посланных судьбою.

Не много я имею за душой:
На стенке сабля, книжек шкаф большой
И образок с лампадой голубою...
Я поделюсь хоть песнею с тобою,

Прочту стихи, от друга не тая.
Корысть ли только песенка моя?
Кому нужна поэзия, мой Боже!

Иным казна, другим чины дороже.
Не потому ль был счастьем беден я,
Да не богат и дружбою был тоже.

CXI. ВЕЧЕР

Склонилось солнышко к полям зелёным,
Ты сладко спиши, не ведая забот.
Я личиком любуюсь усыпленным
И грусть в душ невольная растёт.

Но спи-усни! Отдайся грёзам сонным,
Пока сберечь могу я от невзгод.

Не так ли там, хранима старым клёном,
В саду берёзка юная цветёт?

Ни слёз, ни дум тяжёлых ты не знала.
Как милого ребёнка я, бывало,
Тебя лелеял на своей груди.

Я изнемог и сердце жить устало...
Что ждёт тебя, что будет впереди?
Но спи-усни, тревог не разбуди!

XII. СТАРОСТЬ

Не верь любви и счастью молодому,
Цветам весны пленительной не верь.
Беззубой Парке, времени седому,
Заплатит жизнь ценою злых потерь.

Я подошёл к покинутому дому,
Где я любил, где верилось иному,
И постучал в знакомую мне дверь.
Но кто её отворит мне теперь?

Горбатая старуха, вся седая,
Открыла дверь трясущейся рукой:
— «Чего тебе? Ты, странник, кто такой?»

Там, где цвела надежда молодая,
Колдунья Старость, о судьбе гадая,
Грозила мне железною клюкой.

CXVI. ХУДОЖНИКУ

Н.И. Кравченко

Художник мой, мой добрый Геркулес!
На Севере, среди иного круга,
Мы встретились и поняли друг друга.
Мы оба чужды северных небес.

Мы выросли под знайным солнцем юга,
Где красота, где шепчет горный лес,
Где море спит и полон мир чудес.
Природа нам – вернейшая подруга.

Я ей служил, поэзию избрав,
Любя душой таинственные сказки.
Но в выборе искусства ты был прав.

Юг дал тебе весёлый, нежный нрав,
Свой яркий свет, и живописи краски,
И силу чувств, исполненную ласки.

CXXXVI. DE PROFUNDIS

Мы в храм вошли... Из окон на ступени
Цветистый луч таинственно упал,
Светились в нём рубины и опал,
Среди колонн синели дальше тени.

Звучал орган, как хоры песнопений.
В гармонии печальной сочетал

Молитвенный и сумрачный хорал
Раскаянье, рыданья, вздохи, пени.

Но стихли звуки, полные тоской,
Безвестное и сущее в начале
Вдруг вознеслось над горестью людской.

Рождённые в стенаньях и печали
Глубокие аккорды прозвучали,
В них смерть была, торжественный покой.

CXXXVII. МУЗЫКА

M.M. Иванову

Что значит музыка? Аккордов строй,
Её мечты, её язык певучий
И тайный смысл ласкающих созвучий
Мне объясни, поведай и открай.

Бежит по струнам ветерок летучий,
Рассыпался мелодий звонкий рой
И звуков хор растёт угрюмой тучей.
Зачем мой дух смущает он порой?

Восторг любви, томление разлуки,
Тревога чувств, – язык их знаю я.
В ответ на них молчит душа моя.

Но есть иные радости и муки...
Где их родник? Откуда эти звуки,
Рождённые в пучинах бытия?

CXLV. КРЕСТ

Долина есть... Пустынных гор отроги
Теснятся к ней и камня не минуть,
Где чей-то крест, забытый у дороги,
Бросает тень на одинокий путь.

Здесь умер странник. Сжалась, кто-нибудь
Зарыл его, поставив крест убогий.
Он спит в земле, забыв свои тревоги,
В тени креста он может отдохнуть.

И мне свой путь давно окончить время.
Устал мой конь, сжимает ногу стремя,
Печален вид знакомых сердцу мест.

Сложить бы с плеч под этот бедный крест
Тревожных дум и долгой жизни бремя,
Заснуть навек при тихом свете звезд.

CXLVI. КУРГАНЫ

И.А. Владимирову

Есть на Кавказе древние могилы,
Сокрыты в них бойцы иных племён.
Разрыв курган, нарушив вечный сон,
Находит меч и череп, остов хилый.

Вот богатырь хазарский погребен.
Он словно спит, исполнен ратной силы.

Склонённый лоб венчает шлем Аттилы
И рядом лук воинственно согбен.

Но только в склеп и сумрак погребенья
Домчится ветер, веющий в горах, –
Боец и лук распались в серый прах.

Пропал бесследно самый призрак тленья...
Творящей жизни яркие виденья,
Не так ли все исчезнем мы в гробах?

ПОЛТАВА

Гимн Петру Великому

Слова В.А. Шуфа
Музыка М.М. Иванова. [63]

Раздавайся, песнь победы,
Слава русская, звучи!
Под Полтавой знали шведы
Наши русские мечи.

В бой для Родины любезной
Шли сподвижники Петра, –
Залпы ружей, звон железный,
И победное «ура»!

Царь великий, Царь державный
Впереди своих полков.
Он за честь Отчизны славной
Первый пасть в бою готов.

Крестоносной, златоглавой
Нашей Родины залог –
Меч Петра, покрытый славой,
С нами Царь, над нами Бог!

Не страшны нам испытанья,
Не осилит лютый враг, –
В блеске солнца и сиянья
Высоко наш реет стяг!

Русь окрепла в тяжкой доле,
Возрождённая Петром,
Раздавайтесь в бранном поле
Звуки труб и пушек гром!

Как, бывало, под Полтавой,
Встанет, рвением горя,
Русь, увенчанная славой,
За Отчизну и Царя!

Этот гимн, включённый в официальную программу Полтавских торжеств, исполнен в 1909 году соединёнными оркестрами Преображенского, Семёновского и др. полков вместе с хором певчников в 400 человек у Шведской могилы и вечером в городском парке Полтавы.

CLXII. МЁРТВЫЙ ГОРОД

Над пропастью я въехал на утёс,
Стучу бичом в железные ворота,

И ржавый ключ от царства смерти кто-то,
Открыв мне дверь, невидимо принёс.

Седых веков прилежная работа,
Венчала башня скал крутых откос.
В развалинах кустарник дикий рос,
Порог жилищ покинула забота.

Очаг потух... Печален стук копыт
Вдоль улицы, где мёртвый город спит.
Мне чудятся виденья, тени, лица.

Чуфут-Калэ безмолвен, как гробница.
Найду ль ответ среди могильных плит,
Какой нам сон за дверью гроба снится?

XLV. ОТЧАЯНЬЕ

В долине мрачной долго я блуждал
По терниям, в лохмотьях жалких платье.
Кругом песок, обломки чёрных скал...
На всём была видна печать проклятья.

Зачем родился я? Зачем жизнь дал
Другим, себе подобным? Без изъятья
Мы все умрём и проклят день зачатья.
Лишь смерть одна – венец для всех начал.

Так для чего без разума, без цели,
Мы боремся от самой колыбели?
Погаснет мысль во мраке вековом.

Случайный мир не создан Божеством,
И если б мы возвзвать к Нему хотели, –
Ответа нет... Мир пуст, и ночь кругом.

АКТЁР

С подмосток, пред толпой нарядной
Я произнёс свой монолог...
И если б кто подслушать мог,
Какою мукой безотрадной
Тогда томился, и с какой
Неизъяснимою тоской
Я пережил свои страданья,
Свои погибшие мечты!..
А мне гремят рукоплесканья,
Мне сыплют пёстрые цветы!

Ну, и как, читатель мой, находишь ты стихи? Современник Владимира Шуфа, завсегдатай «Товарищеских Фидлеровских обедов» и Пятниц Случевского Владимир Лебедев [64] отзывался о них так:

*Как стихи напишет Шуф –
Почитаешь, скажешь: уффф»*

...Уффф! И моё расследование близится к завершению.

**2014
год**

Напевая
только ей
в е д о м у ю

мелодию, холмится ширь серебристо-свинцового моря. По васильковому небосводу плывут-разгугливают белогрудые струги облаков. Когда они прикаливают к огненно-золотистой лысине солнца, с гор скатывается ветерок и, топорща свою шелковистую бородёнку, пробегает вдоль Набережной. Бархатный сезон в разгаре. Возле «Дамы с собачкой» [65] – очередь. Лет шесть назад я сделал открытие: женщины предпочитают фотографироваться с Чеховым (явно помышляя о соблазнителе, подобном Дмитрию Дмитричу Гурову); мужчины, – с дамой (вожделенно мечтая о *своей* Анне Сергеевне), детишки же (ах, эти чистые, непорочные души) – только со шпицем.

В нескольких метрах от скульптурной композиции – ресторан «Кристалл». За его столиком, взирая через витринное окно на бронзовых героев чеховского рассказа и потягивая крымское сухое, мож-

[II]

но спланировать (если позволяет кошелёк) банальный романчик с той или иной курортницей.

...А мой путь – домой, в Токсово. Через двое суток. И настроение у меня... – словно я весь, до последней своей клеточки – в пленау объятий любимой женщины. И нисколечко мне не совестно перед Пушкинским Домом за то, что не ему, (а ведь обещал), а Ялтинскому историко-литературному музею я подарил сегодня дневник Владимира Шуфа, нисколечко не совестно.

Кстати – о Пушкине. Давно хотел, да всё как-то к слову не подворачивалось. И вот – подвернулось. Читатель мой, ежели ты окажешься в Ялте, и тебе приспичит полюбоваться ночным городом, – любуйся, картина того стоит. Но – будь

начеку! – не сворачивай с Набережной на улицу Пушкина. Это днём и ранним вечером она – одна из красивейших и милейших улиц Ялты. А ночью её даже милиционеры страшатся. Драки, визги, пьяники, ругань вокруг памятника Александру Сергеевичу лишь с восходом солнца стихают. И остаётся он, «наше всё», стоять со впихнутой ему в руку банкой пива, взирая на кровь, мусор, битые бутылки, – остаётся, потому что некуда ему деться; потому как, куда ему деваться – он же памятник!

....Но я обещал – о потомках Шуфа.

Потомки Шуфа

I.

К дате выхода первой книги о Шуфе (2011) было известно, что дети от первого брака поэта: сын Александр – родился в Ялте в 1885 году, погиб в 1914-ом, в Первую мировую войну; дочь Наталия – родилась в Ялте в 1889 году, умерла в Ялте, не то в конце 1960-х, не то в начале 1970-х годов; дети от второго брака: Юрий – явился на свет в Санкт-Петербурге, приблизительно в 1893-ем; Андрей – там же, приблизительно в 1896-ом.

В 2010 году в Интернете «выкапываю» следующее:

«Сын Владимира Александровича Шуфа, Юрий, после революции 17 года эмигрировал в Чехословакию, где стал известным палеонтологом. Второй сын, Андрей, остался в России. Он был инженером и работал в институте Капицы, в Ленинграде. Во время войны его семью эвакуировали в Казань, а после войны они вместе с институтом попали в Москву. С тех пор вся эта ветвь семьи В.А. Шуфа живёт в Москве...». [66]

В начале мая 2013 года электронной почтой «доставляется» мне письмо из Нью-Йорка. Адресант сообщал, что ему стало известно о появлении в России книги про Шуфа и он, адресант, приобрёл бы оную книгу. Отправитель письма –

член Союза писателей СССР, член Академии американских поэтов, автор 26 книг ...Павел Шуф. О! Как мне хотелось... Увы... – Павел Ефимович не предполагает себя потомком Владимира Шуфа.

30 мая 2017 года – выход третьей книги литературного расследования, а 9 июня компьютер ошарашивает меня «электронкой» из Москвы: «<...> ...мой муж является прямым потомком Владимира Шуфа...»

А через полчаса написал сам Кирилл Андреевич Шуф – правнук старшего сына В.А. Шуфа: «...Завтра мы летим в Крым, посетим Ялту и пообщаемся с местными старожилами. ...Собираемся остановиться в гостинице в Ялте (это дом, соседний с домом Шуфа В.А.)».

Не буду говорить о чувствах, объявивших меня, но про ялтинский дом поэта сказать необходимо. В третьей книжке моего расследования упоминается некая мадам Жевандрова. Имя этой дамы до определённой поры и стало охранной грамотой усадьбе поэта. В расследовании важна даже самая ничтожная деталь, потому проследим, как таковое могло случиться.

В 1902 году в Кореизской земской больнице работал врачом агент ленинской «Искры» Владимир Григорьевич Шкляревич. Однажды он получил задание от В.И. Ленина: «Очень бы важ-

но было связать нас хорошенъко и н е п о с р е д-
с т в е н н о с рабочей организацией
Ю г а. Позаботьтесь об этом и напишите нам о
ней пообстоятельнее»*.

Тут и возникает Прасковья Жевандрова – она частенько наведывалась в Ялту – лёгкие подлечить, а заодно и почву для госпереворота подготовить. Жильё революционерка снимала у Шуфов.

Так с сентября 1902 года на дачу Шуфа на имя Жевандровой стали поступать свёртки с «Искрой».

Нижеследующие строчки моего расследования опираются на рассказ Кирилла Андреевича Шуфа, 15 июня 2017 года побывавшего возле бывшей усадьбы своего пррапрадеда и выслушавшего ялтинского старожила *Наталию Александровну Н.*

…После установления советской власти в Крыму, большевики разместили в доме-усадьбе Шуфа детский санаторий, оставив хозяевам три небольших комнатки, и, вместе с тем, помня о заслугах дома перед пролетариатом, отметили его мемориальной доской.

Наталья Владимировна жила тем, что давала уроки музыки на фортепиано, сдавала принадлежащие ей три комнаты отдыхающим, сама юти-

---

* (Петров Б.И., Новиков Н.Г. Ялта: Путеводитель – Симферополь: Таврия, 1981 (на русском, английском и французском языках), с. 97.

лась на кухне. В комнатах на стенах висели картины, вдоль стен стояли ящики с фотопластинками на стекле (фотографии, сделанные отцом, Владимиром Шуфом. – *Прим. Вл. Кудрявцева*)

Наталья Владимировна любила верховую езду. В молодости слыла прекрасной наездницей. Очень тепло отзывалась об отце, боготворила его.

Ездила в Берлин и в Париж (вероятнее всего, к своей крестной и тёте – сестре отца – Надежде Шуф. – *Прим. Вл. Кудрявцева*).

Мужем Натальи Владимировны был известный в 1930-е годы ялтинский журналист Ярошенко. После оккупации Крыма и прихода в Ялту немцев, его судьба неизвестна.

Детей у супругов не было. Наталья Владимировна была глубоко верующей, жила по библейским заповедям.

О старшем брате Александре, сгинувшем на Первой мировой, говорила неохотно. Ходила к кому-то на Ливадийское кладбище. (Вне сомнения, к матери. – *Прим Вл. Кудрявцева*)

Последние годы провела в одиночестве, затворницей, среди старинных вещей и книг, которые постепенно перекочёвывали ялтинскому букинисту Г.; она почти ослепла; едва передвигалась, жила впроголодь, сердобольные соседи её подкармливали – что принесут, то и поест.

В 1977 году территория вокруг усадьбы стала застраиваться, остатки дома подлежали сносу. В многоэтажном доме на ул. Красных партизан Наталии Владимировне выделили однокомнатную квартиру, в которой она через год и скончалась. Место захоронения неизвестно.

Архив, библиотека, картины, фотопластиинки – частично уничтожены, частично разграблены семьёй Л., претендовавшей на опекунство над Наталией Владимировной...

***

Справедливости ради замечу: часть архива Владимира Шуфа (рукописи, черновики стихотворений, несколько эпиграмм, черновые записи, письма и даже одно эротическое стихотворение с русским матом) по свидетельству моего ялтинского приятеля Игоря Нерсесяна в настоящее время находится у некоего гражданина N, жителя Ялты, который на всякую просьбу дать хотя бы поработать с архивом отвечает отказом.

II.

Юрий (Григорий) Владимирович Шуф – старший сын Владимира Шуфа и певицы Марии Ивановой-Шуф – большевиков не принял и, как уже отмечалось, эмигрировал в Чехословакию, где стал известным палеонтологом, профессором,

преподавал в остравском археологическом институте петрографию.

Андрей Владимирович Шуф – младший сын поэта и певицы – участвовал в защите Зимнего дворца, о чём, естественно, в семье тщательно скрывалось. В 1924 году по окончании Петроградского Политехнического института работал начальником мастерской Физтех (Физико-технического института), которым руководил А.Ф. Иоффе. В 1939 году по ложному обвинению был арестован, 9 месяцев просидел в тюрьме, перед Великой Отечественной войной оправдан иозвращён в институт. В августе 1941 года Физтех в полном составе – с сотрудниками и семьями – был эвакуирован в Казань.

По возвращении в Ленинград Андрей Владимирович вместе с физиками-ядерщиками Л. Ландау, П. Капицей, А. Александровым продолжил работать в Физтехе.

Ему удалось разыскать брата Юрия, в 1969 году побывать у него в гостях в Остраве, в Чехословакии. Это было первое и последнее свидание братьев.

Умер Андрей Владимирович в 1974 году.

Сын Андрея Владимировича, Григорий – он же внук Владимира Шуфа – пошёл по стопам отца, в ядерную физику, был всесторонне одарённым.

Участник Великой Отечественной войны. В 1946 году, 20-ти лет отроду, был направлен работать в Москву, в Институт физических проблем. Технарь-золотые руки, изобретатель. Играли на мандолине, балалайке, аккордеоне, баяне, пел, занимался в драмкружке, на концертах вёл конферанс. Сочинял стихи, частушки, пародии. Некоторые перекладывал на собственную музыку. Занимался в конноспортивной секции «Спартак». Позже увлёкся мотоциклетным спортом. Побеждал на соревнованиях, путешествовал. Словом, был, как и его дед, Владимир Шуф, страстным, увлекающимся человеком.

В конце жизни, уже тяжелобольным, теряющим зрение, написал увлекательную, пронзительно искреннюю книгу. Книгу о своём времени, о себе и о своих родителях. Книгу-исповедь. Книгу-завещание. Книгу-память. На обложке – мчащийся в пространстве мотогонщик. Над ним – название книги: «Такой вот человек».

Последнее действие в книге относится к 2003 году, и буквально через сорок строк книга заканчивается словами: «Всё-таки я собираюсь оперироваться в 12-й.»*

---

* Имеется ввиду глазное отделение 12-й поликлиники г. Москвы. (*Прим. Вл. Кудрявцева*)

Юрий
Владимирович
1891 г.р.

Андрей
Владимирович
1896 г.р.

Юрий и Андрей в
Чехословакии 1969 г.

Недли Иосифовна с коллективом
госпиталя (жена А.В.)

Георгий
Андреевич
1925 г.р.

Андрей
Георгиевич
1955 г.р.

Кирилл
Андреевич
1988 г.р.

Эпилог, которого могло и не быть

А могло не быть потому, что я закончил литературное расследование и сдал на вёрстку. На следующий день связался с праправнуком Шуфа, Кириллом Андреевичем, чтобы уточнить – кто есть кто на тех трёх фотографиях, что он отправил мне ранее.

С уточнением Кирилл Андреевич выслал мне документы, [67] которые не только ещё больше добавили тайн, загадок, приключений и путаницы в творческую и личную жизнь поэта-Шуфа, но и принудили приостановить вёрстку и, как говорят профессионалы, вернуть материал на доследование в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

Так появился этот эпилог.

...28 ноября 1906 года пристав 3-го полицейского участка города Ялты рапортовал секретной депешей за номером 564 его Высокоблагородию господину Ялтинскому уездному исправнику:

*«На дальней Ливадийской слободке, в собственном доме, проживает **вдова (выделил Вл. Кудрявцев)** дворянина Юлия Ильинична Шуф с доче-*

рью Натальией гимназисткой 8-го класса, в доме которой постоянно скрываются прибывшие из разных мест подозрительные лица, как сама Шуф, так и дочь ея Наталия, будучи ярыми революционерами, никогда не выдают прибывших к ним подозрительных лиц, а наоборот, при появлении полиции, дают возможность означенным лицам скрыться, как например 2-го октября сего года, помощник мой Фокин, производя розыск по городу бежавшего из Елисаветградской тюрьмы известного арестанта Шевелева, отправился в дом Шуф для проверки живущих там лиц, заметив это дочь Шуф Наталия, дала возможность скрыться неизвестному лицу, живущему там по подложному паспорту Сквицкой (?) мещанской управы, Киевской губернии, от 14 декабря 1905 года за № 479, на имя мещанина Николая Владимировича Леонтьева, кроме того 23 октября с.г., прибыло из города Одессы и остановилось в доме Шуф неизвестное лицо, предъявившее 5-летнюю паспортную книжку Арзамасской мещанской управы, Нижегородской губернии, от 8 декабря 1903 года за № 324, на имя мещанина Николая Алексеевича Рожковского, с которым Шуф вошла в компанию по продаже молока. На секретный запрос мой в Арзамасское Городское Полицейское Управление, от 1-го ноября за № 485, о том числится ли в числе Арзамасских мещан Николай Алексеев-

вич Рожковский и выдавалась ли ему поименованная паспортная книжка за № 324, я 19-го сего ноября получил из означенной полиции ответ, что в числе мещан города Арзамаса, Николай Алексеевич Рожковский не состоит, и что паспортная книжка за № 324 никому не выдавалась, а под этим № 324 был выдан годовой паспорт мещанину Николаю Николаевичу Мелентьеву, почему я немедленно командировал помощника моего Фокина с городовым в дом Шуф для обыска и ареста названного Николая Рожковского, который задержал его в лесу, в 4-х верстах от дома Шуф при её молочной ферме.

При появлении полиции в доме Шуф, дочь её Наталья и на этот раз попыталась предупредить и дать возможность скрыться означенному Рожковскому, для чего и прибыла на ферму к месту задержания его, но опоздала. Сама Шуф и дочь её Наталья посещали тайные сходки, и на сходках произносили противоправительственные речи и вели дружбу с убитым от взрыва бомбы на Пушкинском бульваре анархистом Васюковым. О вышеизложенном имею честь доложить Вашему Высокоблагородию и покорнейше просить ходатайства перед (?) о выселении из города Ялты Юлию Шуф и дочь её Наталию, как лиц вредных среди мирных жителей города Ялты». (лл.57-58)

Вердикт не заставил ждать – 15 декабря 1906 года исполняющий обязанности Главноначальствующего гор. Ялты и Ялтинского уезда командр 16 Стрелкового Императора Александра III полка полковник Думбадзе постановляет:

«...**Вдова (выделил Вл. Кудрявцев)** Дворянин на Юлия Шуф и ея дочь Наталия Шуф изобличаются в своей политической неблагонадёжности и являются вредными для дальнейшего пребывания в г. Ялте и Ялтинском уезде, а потому ...на основании правил о чрезвычайной охране вдову (выделил Вл. Кудр.) дворянина Юлию Шуф и ея дочь Наталию Шуф выслать из гор. Ялты и Ялтинского уезда в 3-х-дневный срок с воспрещением пребывания в сих местностях на всё время положения о чрезвычайной охраны». (л.60)

Утром следующего дня уведомление о выселении доставляется на руки высылаемым:

«1906 года декабря 16 дня 8 ½ часов утра, мы нижеподписавшиеся **дворянка (выделил Вл. Кудрявцев)** Юлия Ильинична Шуф и дочь ея Наталия Шуф, даём сию подписку Приставу 3 участка гор. Ялты в том, что содержание постановления И.О. Главноначальствующего города Ялты и Ялтинского уезда, Полковника Думбадзе, от 15 декабря, о выселении нас из города Ялты и Ялтинского уезда, в трёхдневный срок, нам сего числа объявлено, при чём избираем местожи-

тельство город Симферополь, проходное свидетельство на следование получили. Дворянка Юлия Шуф, Наталья Шуф. (л.62)

Теперь, прежде чем продолжить листать дело, поразмыслим над словом, выделенным полужирным шрифтом: вдова.

Что это? «Покров», умышленный ход Юлии Ильиничны, чтобы огородить любимого человека от неприятностей? Помните, в одном из писем Шуфу она писала, что он не должен **«брать на свои плечи семью...»**. Наивный поступок! Её муж состоит в переписке с великим князем К.К. Романовым, известный поэт и журналист, сотрудник самой популярной и влиятельной в России газеты, всесущий, язвительный репортёр (одни только репортажи из Государственной Думы чего стоят!) и установить: вдовствующая ли дворянка Юлия Ильинична Шуф «сыскарам» российской охранки – как дважды два.

Чему и свидетельствуют следующие донесения:

*«Вице-Директор Департамента Полиции
По приказанию Вашего превосходительства
от Таврического губернатора были затребованы
сведения об основаниях высылки из Ялтинского
уезда жены и дочери сотрудника «Нового Времени» Шуфа.*

Ответ упомянутого губернатора при сём представляется.

15 янв. 1907 г. (подпись). (л. 23)

«Исполн. обязанности Главноначальствующего гор. Ялты и Ялтинского уезда февраля 3 1907 года г. Ялта.

Секретно Его Превосходительству Господину Таврическому Губернатору

Рапорт

Г-жа Шуф с дочерью вреднейшие лица во всех отношениях и всегда у них в доме группа анархистов находила не только гостеприимство, но и главным образом у них преступники приготовлялись к террористическому акту». (лл. 53-54)

«Вице-директор «Вице-Директор Департамента Полиции

Вследствие резолюции Вашего Превосходительства на прилагаемом при сём памятном листке, имею честь доложить, что дворянке Юлии Ильиной Шуф и дочери ея Наталии Шуф, гимназистке 8 класса, воспрещено жительство в Ялте и Ялтинском уезде по распоряжению исполняющего обязанности Главноначальствующего Генерала Думбадзе.

<...> ...из имеющегося отзыва Помощника Начальника Севастопольского Жандармского Управления в Ялтинском уезде усматривается, что дворянка Юлия Шуф и дочь ея Наталия

врачались в кругу лиц давно известных своей политической неблагонадёжностью и принадлежали к организации партии социалистов-революционеров. По агентурным сведениям Наталья Шуф принимала в июле 1906 года энергичное участие в организации в Ялте группы анархистов-коммунистов и приготовлении к террористическому акту. Кроме того, жандармские власти подтвердили все сведения, изложенные в донесении Пристава З участка г. Ялты, и со своей стороны высказали заключение, что пребывание обеих Шуф в Ялте и Ялтинском уезде является крайне вредным и опасным для общественного спокойствия и государственного порядка.

Из имеющегося в деле представления исполняющего обязанности Главноначальствующего в г. Ялте видно, что генерал Думбадзе считает Юлию и Наталью Шуф лицами крайне вредными во всех отношениях, так как у них не только находила гостеприимство группа анархистов, но и в их доме преступники приготовлялись к террористическому акту.

К сему обязываюсь присовокупить, что по настоящему делу Вашему Превосходительству представлен уже доклад Чиновником Особых Поручений при Департаменте Полиции Коллежским Советником Савицким.

31 марта 1907 г. (подпись)». (лл. 98-98об)

Как мы убеждаемся, чахоточной Прасковье Жевандровой удалось вселить в жену и дочку Владимира Шуфа дух разрушения, террора, анархии.

...А что же сам поэт и «нововременец» Владимир Шуф?

А он хлопочет о возвращении жены и дочери в имение:

«23 мая 1907

Многоуважаемый Александр Александрович!

Простите, что беспокою Вас напоминанием о моей жене и дочери, относительно участия которых Вы обещали меня уведомить. Их имение в Крыму разоряется без призыва, сами они в нужде и ждут Вашего разрешения вернуться из высылки.

Преданный Вам

В. Шуф

Эртельев пер. 8». (л. 127)

«<...>

На означенную телеграмму Губернатор Новицкий представлением на имя г. Министра Внутренних дел от 17 апреля уведомил, что, ввиду предполагаемого снятия чрезвычайной охраны в г. Ялте и Ялтинском уезде, он не встречает препятствий к возвращению Юлии Шуф в Ялту.

Вследствие сего, по приказанию Сенатора Макарова, Юлии Шуф было объявлено, что Тав-

рический губернатор разрешил ей возвратиться на жительство в гор. Ялту». (лл. 171-172об)

...Быть Владимиру Шуфу оставалось 6 лет и 6 месяцев.

*Она придет неслышно и незримо,
И станет, светлая, у моего одра,
И скажет мне с тоской неизъяснимой:
«Пора!»*

*И буду я молить таинственную гостью:
«Я жить хочу!.. оставь мне здешний свет»,
И буду я молить с слезами и со злостью,
И – нет.*

*Она дохнет в лицо прохладной вечной ночи,
Прозрачною рукой мою придавит грудь,
Закроет навсегда мои тихонько очи
И – в путь.*

*И в жизни той она меня пробудит,
Где, может быть, неведома печаль;
Но дней земных, печальных жаль мне будет,
Да, жаль! [68]*

Мои примечания

- 1 – Руданьский Степан Васильевич (1833 – 1873) – поэт, городской врач Ялты.
- 2 – Найдёнов Сергей Александрович (1868 – 1922) – russk. писатель, драматург.
- 3 – Строки персидского поэта, философа, астронома и математика Омара Хайама (1048 – 1113).
- 4 – Стр. 120. В поисках Ялты. З. Ливицкая. 2013. Симферополь.
- 5 – Засодимский Павел Владимирович (1843 – 1912) – russk. писатель.
- 6 – А.П. Чехов, Соч., Т.18. Письма, 1949, стр. 350.
- 7 – Б. Петров, Н. Новиков, Ялта. Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1981.
- 8 – З. Ливицкая. В поисках Ялты. Записки музейщика. Симферополь: Н.Оріанда, 2013.
- 9 – Аппарат для дыхания сжатым или разрежённым воздухом.
- 10 – Фрейд Зигмунд (1856 – 1939) – австрийский психоаналитик, основатель психоанализа.
- 11 – Башкирцева Мария Константиновна – (1858 – 1884), russk. художник, философ.
- 12 – Ялтинский уездный врач И.Ф. Лебедев с супругой.
- 13 – Письмо Шуфа невесте Юлии. 1882 г., 28 декабря. (Зинаида Ливицкая. «В поисках Ялты». Стр. 130).
- 14 – Аменхотеп III (правил в 1388–1351 гг. до н.э.) выстроил храм в некрополе города Фивы, кот. охр. у ворот две гигантские статуи. Выс. они – 23 метра, вес их – ок. 700 т. Ст. изобр. самого Аменхотепа III сид. на троне и смотр. на восток, в сторону восход. Солнца. На троне север. статуи вырез. фигура матери Аменхотепа III, Му-

темуйя, а на троне южн. запечат. его жена, Тия, и одна из их дочерей. После землетряс., кот. случ. в 27 г. до н э., эти колоссы потрескались и прославились на весь мир как поющие статуи. Они стали издавать мелодичный звук на восходе Солнца. Происходило это под влиянием изменений температуры и влажности. Но римс. импер. Септимий Север в 199 г., желая с самыми добрыми намерениями отреставрировать статуи Мемнона, так их хорошо отремонтировал, что обе они замолчали навсегда.

15 – Оммер де Гельль, Адель (1819 – 1883) – франц. писательница и путешественница. «Живописное обозрение». 14 февраля 1888 г. № 7 год изд. 53-й.

16 – Случевский Константин Константинович (1837 – 1904) – русск. поэт, прозаик, на то время ред. газ. «Правительственный вестник».

17 – Грибовский Вячеслав Михайлович (1866 – 1924) – русск. прозаик, публицист, поэт.

18 – Соловьёва Поликсена Сергеевна (1867 – 1824) – русск. поэтесса, переводчица, художница, издатель детского журнала «Тропинка». Дочь историка Сергея Соловьёва, сестра философа и поэта Владимира Соловьёва, друга Владимира Шуфа.

19 – Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874 – 1952) – русск. поэтесса, переводчица, драматург, прозаик.

20 – Сафонов Алексей Александрович (1879 – 1904) – русск. поэт, прозаик, фельетонист.

21 – Еженедельная «Русская музыкальная газета» (вых. 1894–1918г) Ред. газ: Ник. Фёд. Финдайzen (1868 – 1828), крупнейший музыковед и муз. критик.

22 – http://www.ripm.org/pdf/Introductions/RMG_intro.pdf

- 23 – Псевдоним Барон Шуфалов был выбран искл. для ежедн. газ. «Словцо», изд. в 1899 – 1900 гг. чл. поэт. кружка «Вечера Случевского».
- 24 – Почт. карета для перевозки пассаж. и мелкой почты. Летом – открытая, зимой – закрытая. Обед – у Байдарских ворот.
- 25 – Для срав.: 1 кг. мяса в те годы стоил 30 коп.
- 26 – 18.10.1892 г. из Мелихова Чехов.
- 27 – Щеглов Иван Леонтьевич (наст. фам. Леонтьев; 1856 – 1911) – русск. прозаик, драматург, автор книг о нар. театре. Друг А.П. Чехова.
- 28 – Фидлер Фёдор Фёдорович (1859 – 1917) – переводчик, коллекционер, педагог. Автор уник. дневника «Из мира литераторов».
- 29 – Баранцевич Казимир Станиславович (1851 – 1927) – русск. прозаик.
- 30 – Ф.Ф. Фидлер. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М. 2008, стр. 150.
- 31 – 6.02.04 № 10031, с.4.
- 32 – 11.03.04 № 10064, с.5.
- 33 – Сологуб Фёдор Кузьмич (наст. имя Фёдор Кузьмич Тетерников (1863 – 1927) – русск. поэт и писатель, драматург, публицист.
- 34 – Блок Александр Александрович (1880 – 1921) – русск. поэт, писатель.
- 35 – Дневник Ф.Ф. Фидлера «Из мира литераторов: Характеры и суждения». Москва, 2008. С. 392.
- 36 – Иванов Вячеслав Иванович (1866 – 1949) – русск. поэт-символист, философ, переводчик, критик.
- 37 – Кондратьев Александр Александрович (1876 – 1967) – русск. поэт, прозаик.

- 38 – Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864 или середина 1865 г.г. – 1942 или 1943) – русск. поэтесса, переводчица, драматург, лит. критик.
- 39 – Тэффи (наст. имя и фам. – Надежда Александровна Бучинская (1872 – 1952) – русск. поэтесса, прозаик, мемуаристка.
- 40 – Лохвицкая Мирра (Мария) Александровна (1869 – 1905) – русск. поэтесса.
- 41 – В товариществе Р. Голике (издатель) и А. Вильборга (владелец типографии).
- 42 – Курай – нац. башкирск и татарск. духовой муз. инструмент, родственный продольной флейте.
- 43 – Издатель Р. Голике, Типография А. Вильборга
- 44 – Арцыбашев Михаил Петрович (1878 – 1927) – русск. писатель, драматург, основоположник эротики в русск. литературе.
- 45 – Из книги Г.А. Шалюгина. «Чехов: «Жизнь, которой мы не знаем». Симферополь 2005; «Поэт в красной шёлковой рубахе». А.П. Чехов и В.А. Шуф.
- 46 – Сборник отд. русск. яз. и словесности Императорск. Академ. наук. том LXXXIX, № 6. 18-ое присуждение премий им. А.С. Пушкина. 1909 г. Санкт-Петербург. 1911.
- 47 – Наб. реки Мойки, 58.
- 48 – Исторический вестник. Февраль, 1909, стр. 850–851.
- 49 – По воспом. Б.Б. Глинского «Алексей Сергеевич Суворин». Биограф. очерк. Глинский Борис Борисович (1860 – 1917), русск. журналист, историк и публицист. Журнал «Исторический Вестник» (1913, № 8, с. 553–558).
- 50 – ул. Большая Конюшенная, 27. В вестибюле самого большого по площади ресторана (вмещал более 1000 чел.) гостей встречало чучело медведя с подносом в лапах.

- 51 – Энгельгардт Николай Александрович (1867 – 1942) – русск. писатель, поэт, литературовед, публицист.
- 52 – Письмо, датированное 11 октября 1910, СПб, помещено В. Шуфом в качестве предисловия в книге «Гекзаметры».
- 53 – Рук. центра Азии и Ближнего Востока РИСИ, канд. филол. Наук.
- 54 – источник [ttp://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1463121660](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1463121660).
- 55 – Витмер Александр Николаевич (1839 – 1816) – писатель и земский деятель, профессор военной истории и военного искусства в академии генштаба. Уйдя в отставку занялся виноградарством и табаководством. Доказал возможность производства в Крыму высоких сортов табака, в частности – дюбека.
- 56 – З. Ливицкая В поисках Ялты. Симферополь. 2013 г. с. 125, 126.
- 57 – Востокова Галина Сергеевна – автор четырёх ист. романов, нескольких книг поэзии и фантастики. В 2008 г. вместе с программистом, писателем, дизайнером Анатолием Наймушиным создательница сайта, посвящённого поэту. Созд. сайта предшествовала огром. исслед. раб. по сбору информ. о Шуфе в Крыму, Санкт-Петербурге, Москве, в Нью-Йорке и Вашингтоне. В США свед. о Владимире Шуфе разыскивал поэт, прозаик, автор 26-ти книг, член Академ. Америк. поэтов Павел Шуф.
- 58 – Масанов Иван Филиппович (1874 – 1945) – русск. и сов. историк, библиограф.
- 59 – Т. 4. – М. 1960, С. 535.
- 60 – Григорий Пятков: «Вернувшийся из забвения». Крымская газета, 7 февраля 2003 г.

- 61 – «Шуф» – в переводе с персидского «Смотри».
- 62 – Ливицкая З.Г.: «В поисках Ялты. Записки музейщи-ка». Симферополь: Н. Оріанда , 2013. С.123.
- 63 – Иванов Михаил Михайлович (1849 – 1927) – русск. муз. критик и композитор. Заведовал муз. отделом в газ. «Новое время».
- 64 – Лебедев Владимир Петрович (1869 – 1939) – русск. поэт, прозаик, переводчик. Ф.Ф Фидлер «Из мира литераторов. Характеры и суждения». М. 2008, стр. 263.
- 65 – Бронз. Комп. открыта в 2004 г. на 100-летие со дня смерти А.П. Чехова. Ав. Комп. – скульпторы братья Фёдор и Геннадий Паршины.
- 66 – Интернетресурс <http://nervana.name/lib/silverage/v-shuf/bio.htm>
- 67 – Государственный Архив Российской Федерации – ГАРФ ф. 102 о 143 д.39 ч.1. Листы 57-58, 60, 62, 15, 23, 53-54, 55, 5698-98об, 127, 171-172об
- 68 – Автор стихотворения «Смерть» Константин Михайлович Айбулат (1817 – 1865) – русск. поэт чеченского происхождения. Из Литературного прибавления к «Русскому инвалиду», 1838 г.

Подписи к фото:

I – Участники лит. кружка «Пятница ...». Сидят слева направо: гр. А.А. Голенищев-Кутузов, В.С. Лихачёв, Мирра Лохвицкая, Allegro, А.Е. Зарин, Ольга Чумина, В.В. Стасов, (?).

Стоят слева направо: (?), К.Н. Льдов, А.А. Измайлов, (?), Фёдор Сологуб, В.А. Шуф, Н.М. Соколов, В.А Мазуркевич, В.П. Порфириев, Н.М. Минский, князь В.В. Барятинский.

II – В. Кудрявцев (слева) и С. Корниенко. Ялта. 2016 г.

Содержание

<i>Предисловие. Максим Швец</i>	3
2011 – 2012 годы. Не судьба	9
1865–1904 годы.	
<i>Не быть легко – попробуй быть</i>	26
1904 – 1907 годы. Кто идёт?	64
Владимир Шуф:	
<i>КТО ИДЁТ? Часть I. В МАНЧЖУРИИ</i>	73
<i>V. СТАРАЯ ФАНЗА</i>	73
<i>VI. ВАФАНГОУ</i>	90
<i>VII. ОТСТУПЛЕНИЕ</i>	99
<i>VIII. ЛАОЯНСКИЕ ДНИ</i>	104
<i>Часть II. СЕМЬЯ И ПОЛК</i>	109
<i>I. ПАВЛОВСК</i>	109
<i>VI. КТО ИДЁТ?</i>	116
1909 год. Почётный отзыв	122
2011–2013 и 1970-й годы.	
<i>Лунная ночь в Алупке и восход солнца над Коктебелем</i>	127
1909 год. Юбиляры	138
1912 год	152
1883–1913 годы.	
<i>Семейные узы Владимира Шуфа</i>	167
1912–1913 годы. «В край иной...»	188
Послесловие	195

Владимир Шуф:

«Отчего ты с тоской молчаливою...»	195
<i>НА ПУТИ</i>	196
<i>Отрывок из рассказа в стихах</i>	
«ПОСТОЙ»	196
<i>XLIV. «Любовь сильна, прекрасна...</i>	
<i>но она...»</i>	196
<i>XLV. «Итак, mesdames, скажите:</i>	
<i>неужели...»</i>	196
<i>XLVI. «Едва ли с милым рай и в шалашие...»</i>	197
<i>XLVII. «Да, женщины нам «дороги» не в</i>	
<i>меру...»</i>	197
<i>Из книги «КРЫМСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ».</i>	
<i>Изд. второе</i>	197
<i>ОМУТ</i>	197
<i>ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ</i>	198
<i>ПЕСНЬ ЦИКАД</i>	199
«Похоронена жизнь моя бедная...»	199
<i>ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР В ГОРАХ</i>	200
<i>ARS AMANDI</i>	200
<i>Из книги сонетов «В КРАЙ ИНОЙ...»</i>	202
<i>LXI. ПЕРЕД БИТВОЙ</i>	202
<i>XII. НА СОПКАХ</i>	202
<i>XIV. В ГАОЛЯНЕ</i>	203
<i>LXV. ВОРОН</i>	204
<i>LXXIX. РАЗЪЕЗД</i>	204
<i>ХС. КАЗНЬ</i>	205

<i>XCI. ПУГАЧЕВ</i>	206
<i>ХСIII. ИЗМЕННИК</i>	206
<i>ХСIV. ВЛАСТЬ</i>	207
<i>СIII. ОДИНОЧЕСТВО</i>	208
<i>CV. СЧАСТЬЕ</i>	208
<i>CVI. РУСАЛКА</i>	208
<i>CVIII. ДРУГУ</i>	210
<i>CXI. ВЕЧЕР</i>	210
<i>XII. СТАРОСТЬ</i>	211
<i>CXVI. ХУДОЖНИКУ</i>	212
<i>CXXXVI. DE PROFUNDIS</i>	212
<i>CXXXVII. МУЗЫКА</i>	213
<i>CXLV. КРЕСТ</i>	214
<i>CXLVI. КУРГАНЫ</i>	214
<i>ПОЛТАВА</i> Гимн Петру Великому	215
<i>CLXII. МЁРТВЫЙ ГОРОД</i>	2216
<i>XLV. ОТЧАЯНЬЕ</i>	217
<i>АКТЕР</i>	218
2014 год. Потомки Шуфа	219
Эпилог, которого могло и не быть	230
<i>Мои примечания</i>	239

КУДРЯВЦЕВ
Владимир Ильич

ШУФ
Книга IV

Редактор – *Максим Швец*
Оформление – *Марина Ясыченко*

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»

Подписано в печать 26.07.2018.

Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 200. Заказ №

Отпечатано в типографии издательско-полиграфи-
ческая фирма «Реноме»
192007, наб. Обводного кан., д. 40
Тел/факс (812) 766 05 66 E-mail:
RENOME@comlink.spb.ru